

ISSN 2587-9340

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC-PRACTICAL
LEGAL JOURNAL

ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Том 5

№ 19

2021

CURRENT
ISSUES
OF THE STATE
AND LAW

ISSN 2587-9340

21019 >

9 772587 934009

Том 5. № 19. 2021

Научно-практический
юридический журнал
Основан в феврале 2017 г.
Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33)

Vol. 5, no. 19, 2021

Scientific-practical
legal journal
Established in February, 2017
Issued 4 times a year

The establisher and publisher:
Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
“Derzhavin Tambov State University”
(33 Internatsionalnaya St.,
Tambov 392000, Tambov Region,
Russian Federation)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России (с 25.12.2020 г.), по юридическим научным специальностям.

Индексируется РИНЦ, размещен в CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

The journal is on the “Official list of scientific reviewed periodicals for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science” by High Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia (from December 25, 2020), in law scientific specialties.

Indexed by the RSCI, CrossRef, eLIBRARY.RU, CyberLeninka

- © ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2021. Все права защищены
- © Редакционная коллегия журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2021
- © Редакция журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2021

- © FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”, 2021. All rights reserved
- © Editorial board of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2021
- © Editorial of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2021

Bd. 5. Nr. 19. 2021

Wissenschaftspraktische

Rechtszeitschrift

Gegründet am Februar 2017

Ausgegeben viermal pro Jahr

2021 年 第 5 卷 第 19 期

科学实践法律杂志

创刊于 2017 年 2 月

每年发行 4 次

AKTUELLE FRAGEN DES STAATES UND RECHTS

国家和法律的现实问题

Gründer und Verleger:

Föderale staatliche

haushaltsplangebundene

Bildungseinrichtung für

Hochschulbildung "Derschawin

Staatliche Universität Tambow"

(392000, Gebiet Tambow,

Tambow, Internatsionalnaya Str., 33)

创办与发行单位:

俄联邦国家预算高等教育机构 "坦波夫杰尔查文国立大学"

(392000, 坦波夫州, 坦波夫市,
国际大街 33 号)

© FSHBH "Derschawin Staatliche Universität Tambow", 2021. Alle Rechte vorbehalten

© Editorial der Zeitschrift "Aktuelle Fragen des Staates und Rechts", 2021

© Redaktion der Zeitschrift "Aktuelle Fragen des Staates und Rechts", 2021

© 俄联邦国家预算高等教育机构 "坦波夫杰尔查文国立大学", 2021 年, 《一切权利都受保护》

© 杂志《国家和法律的现实问题》编委会, 2021 年

© 杂志社《国家和法律的现实问题》, 2021 年再版或援引时务必要有杂志引用出处。刊物内容的责任由作者承担。

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Стромов Владимир Юрьевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), ректор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Шуняева Вера Анатольевна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Института права и национальной безопасности

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Зелепукин Роман Валерьевич – к.ю.н. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заместитель директора по научной работе Института права и национальной безопасности

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Андряшко Марина Васильевна – к.ю.н., доцент. Барановичский государственный университет (г. Барановичи, Республика Беларусь), доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления

Афанасьев Сергей Федорович – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), заведующий кафедрой арбитражного процесса

Блинкова Елена Викторовна – д.ю.н., профессор. Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва, РФ), факультет управления интеллектуальной собственностью, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права

Воронов Александр Федорович – д.ю.н., профессор. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, юридический факультет (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского процесса

Ельцов Николай Сергеевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

Золотухин Александр Дмитриевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса Института права и национальной безопасности

Иванова Нелли Александровна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой гражданского права Института права и национальной безопасности

Илиевски Александр – д.ю.н., профессор. Международный славянский университет «Г.Р. Державин» (г. Свети Николь-Битола, Республика Македония), декан юридического факультета, профессор

Камышанский Владимир Павлович – д.ю.н., профессор. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (г. Краснодар, РФ), заведующий кафедрой гражданского права, профессор кафедры гражданского и международного частного права

Клименко Таужан Микаиловна – д.ю.н., профессор. Чеченский государственный университет (г. Грозный, РФ), профессор кафедры уголовного права и криминологии

Комаров Сергей Александрович – д.ю.н., профессор. ЧОУ ВО «Юридический институт» (г. Санкт-Петербург, РФ), научный руководитель; Межрегиональная общественная организация «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права» (г. Москва, РФ), президент; член научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.И. Матвиенко

Кочетков Александр Викторович – к.ю.н., доцент. Арбитражный суд Воронежской области (г. Воронеж, РФ), председатель суда

Лагутин Игорь Борисович – д.ю.н., доцент. Юго-Западный государственный университет (г. Курск, РФ), заведующий кафедрой финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства

Лопашенко Наталья Александровна – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права; Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции (г. Саратов, РФ), директор

Осокин Роман Борисович – д.ю.н., профессор. Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, РФ), начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров

Панько Кирилл Константинович – д.ю.н., доцент. Воронежский государственный университет (г. Воронеж, РФ), профессор кафедры уголовного права

Полищук Николай Иванович – д.ю.н., профессор. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права

Рыбакова Светлана Викторовна – д.ю.н., доцент. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Российская Федерация), ведущий научный сотрудник; Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой

Соловьева Виктория Викторовна – д.ю.н., профессор. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал (г. Липецк, РФ), профессор кафедры теории и истории государства и права

Трофимов Василий Владиславович – д.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права

Тычинин Сергей Владимирович – д.ю.н., профессор. Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, РФ), заведующий кафедрой гражданского права и процесса

Юдин Андрей Владимирович – д.ю.н., доцент. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (г. Самара, РФ), и.о. заведующего кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права юридического факультета, профессор

EDITOR-IN-CHIEF:

Candidate of Law, Associate Professor, Rector V.Y. Stromov (Tambov, RF)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL:

Candidate of Law, Associate Professor V.A. Chunyaeva (Deputy Editor-in-Chief) (Tambov, RF), Candidate of Law R.V. Zelepukin (Executive Secretary) (Tambov, RF), Candidate of Law, Associate Professor M.V. Andriyashka (Baranavichy, Republic of Belarus), Doctor of Law, Professor S.F. Afanasev (Saratov, RF), Doctor of Law, Professor E.V. Blinkova (Moscow, RF), Doctor of Law, Professor A.F. Voronov (Moscow, RF), Candidate of Law, Associate Professor N.S. Eltsov (Tambov, RF), Candidate of Law, Associate Professor A.D. Zolotukhin (Tambov, RF), Candidate of Law, Associate Professor N.A. Ivanova (Tambov, RF), Doctor of Law, Professor A. Ilievski (Sveti Nikole, Republic of Macedonia), Doctor of Law, Professor V.P. Kamyshanskiy (Krasnodar, RF), Doctor of Law, Professor T.M. Klimenko (Grozny, RF), Doctor of Law, Professor S.A. Komarov (St. Petersburg, Moscow, RF), Candidate of Law, Associate Professor A.V. Kochetkov (Voronezh, RF), Doctor of Law, Associate Professor I.B. Lagutin (Kursk, RF), Doctor of Law, Professor N.A. Lopashenko (Saratov, RF), Doctor of Law, Professor R.B. Osokin (Moscow, RF), Doctor of Law, Associate Professor K.K. Panko (Voronezh, RF), Doctor of Law, Professor N.I. Polishchuk (Ryazan, RF), Doctor of Law, Associate Professor S.V. Rybakova (Moscow, Saratov, RF), Doctor of Law, Professor V.V. Solovyeva (Lipetsk, RF), Doctor of Law, Associate Professor V.V. Trofimov (Tambov, RF), Doctor of Law, Professor S.V. Tytschinin (Belgorod, RF), Doctor of Law, Associate Professor A.V. Yudin (Samara, RF)

CHEFREDAKTEUR:

Kandidat der Rechte, Dozent, Rektor V.Y. Stromov (Tambow, RF)

EDITORIAL DER ZEITSCHRIFT:

Kandidatin der Rechte, Dozentin V.A. Chunyaeva (stellvertretende Chefredakteurin) (Tambow, RF), Kandidat der Rechte R.V. Zelepukin (verantwortlicher Sekretär) (Tambow, RF), Kandidatin der Rechte, Dozentin M.V. Andriyashka (Baranawitschy, Republik Belarus), Doktor der Rechte, Professor S.F. Afanasev (Saratov, RF), Doktorin der Rechte, Professorin E.V. Blinkova (Moskau, RF), Doktor der Rechte, Professor A.F. Voronov (Moskau, RF), Kandidat der Rechte, Dozent N.S. Eltsov (Tambow, RF), Kandidat der Rechte, Dozent A.D. Zolotukhin (Tambow, RF), Kandidatin der Rechte, Dozentin N.A. Ivanova (Tambow, RF), Doktor der Rechte, Professor A. Ilievski (Sveti Nikole, Republik Mazedonien), Doktor der Rechte, Professor V.P. Kamyschanski (Krasnodar, RF), Doktorin der Rechte, Professorin T.M. Klimenko (Grosny, RF), Doktor der Rechte, Professor S.A. Komarov (St. Petersburg, Moskau, RF), Kandidat der Rechte, Dozent A.V. Kochetkov (Woronesch, RF), Doktor der Rechte, Dozent I.B. Lagutin (Kursk, RF), Doktor der Rechte, Professor N.A. Lopashenko (Saratov, RF), Doktor der Rechte, Professor R.B. Osokin (Moskau, RF), Doktor der Rechte, Dozent K.K. Panko (Woronesch, RF), Doktor der Rechte, Professor N.I. Polishchuk (Riazan, RF), Doktorin der Rechte, Dozentin S.V. Rybakova (Moskau, Saratov, RF), Doktor der Rechte, Professorin V.V. Solovyeva (Lipezk, RF), Doktor der Rechte, Dozent V.V. Trofimov (Tambow, RF), Doktor der Rechte, Professor S.V. Tytschinin (Belgorod, RF), Doktor der Rechte, Dozent A.V. Yudin (Samara, RF)

总编辑:

斯特罗莫夫·弗拉基米尔·尤里耶维奇——总编辑, 法学副博士, 副教授, 坦波夫杰尔查文国立大学校长 (俄罗斯, 坦波夫市)

杂志编委会:

舒尼亚叶娃·薇拉·阿纳托利耶夫娜——副总编辑, 法学副博士, 副教授, 坦波夫杰尔查文国立大学法律与国家安全学院代理院长 (俄罗斯, 坦波夫市)

泽列普金·罗曼·瓦列利耶维奇——法学副博士, 坦波夫杰尔查文国立大学法律与国家安全学院代理副院长 (主管科研) (俄罗斯, 坦波夫市)

安德丽亚什克·玛丽娜·瓦西里耶夫娜——法学副博士, 副教授, 巴拉诺维奇国立大学经济与法律系通用法律学科与国家管理教研室主任 (白俄罗斯, 巴拉诺维奇市)

阿法纳西耶夫·谢尔盖·菲奥多罗维奇——法学博士, 教授, 萨拉托夫国立司法学院仲裁程序教研室主任 (俄罗斯, 萨拉托夫市)

布琳科娃·叶莲娜·维克托罗夫娜——法学博士, 教授, 俄罗斯国家知识产权研究院知识产权管理系民法与企业法教研室教授 (俄罗斯, 莫斯科)

沃罗诺夫·亚历山大·费奥多罗维奇, 法学博士, 教授, 莫斯科国立罗蒙诺索夫大学法学院民事诉讼教研室教授 (莫斯科, 俄罗斯联邦)

叶利措夫·尼古拉·谢尔盖耶维奇——法学副博士, 副教授, 坦波夫杰尔查文国立大学法律与国家安全学院国家和法律的理论与历史教研室主任, 坦波夫州联邦国家登记、地籍和制图局主任 (俄罗斯, 坦波夫市)

佐洛图欣·亚历山大·德米特里耶维奇——法学副博士, 副教授, 坦波夫杰尔查文国立大学法律与国家安全学院民事诉讼程序和仲裁程序教研室主任 (俄罗斯, 坦波夫市)

伊万诺娃·内莉·亚历山大罗夫娜——法学副博士, 副教授, 坦波夫杰尔查文国立大学法律与国家安全学院民法教研室主任 (俄罗斯, 坦波夫市)

伊利耶夫斯基·亚历山大——法律博士, 教授, 国际斯拉夫杰尔查文大学法律系主任 (马其顿, 斯维季尼克列市)

卡梅尚斯基·弗拉基米尔·巴甫洛维奇——法学博士, 教授, 库班国立农业大学民法教研室主任 (克拉斯诺达尔, 俄罗斯联邦)

克利緬科·塔季揚娜·米哈伊諾夫娜——法律博士，教授，坦波夫杰尔查文国立大学法律与国家安全学院刑法与刑事诉讼程序教研室教授（俄罗斯，格罗兹尼）

科马罗夫·谢尔盖·亚历山德罗维奇——法学博士，教授，莫斯科国际大学大城市管理、商业与法律学院国家和法律的理论与历史教研室主任（俄罗斯，莫斯科）

科切特科夫·亚历山大·维克托罗维奇——法学副博士，副教授，沃罗涅日州仲裁法院院长（俄罗斯，沃罗涅日市）

拉古京·伊戈尔·鲍里索维奇——法学博士，副教授，西南国立大学财政法、宪法、民事和行政诉讼程序教研室主任（俄罗斯，库尔斯克市）

洛帕申科·娜塔莉亚·亚历山大罗夫娜——法学博士，教授，萨拉托夫国立司法学院刑法和刑事改造法教研室教授，萨拉托夫组织犯罪和贪腐问题研究中心主任（俄罗斯，萨拉托夫市）

奥索金·罗曼·鲍里索维奇——法学博士，教授，莫斯科俄罗斯内务部基季大学科研教学和科研干部培训系主任，法学博士，副教授（职称）（俄罗斯，莫斯科）

潘科·基里尔·康斯坦丁诺维奇——法学博士，教授，俄罗斯联邦沃罗涅日国立大学法学院刑法系教研室教授（沃罗涅日，俄罗斯联邦）

波利修克·尼古拉·伊万诺维奇——法学博士，教授，俄联邦处罚执行局研究院国家与法律理论、国际法与欧洲法教研室教授（俄罗斯，梁赞市）

列温·瓦列里·彼德罗维奇——法学博士，教授，俄联邦功勋科学家，俄罗斯自然科学院院士，坦波夫杰尔查文国立大学法律与国家安全学院刑法与刑事诉讼程序教研室教授（俄罗斯，坦波夫市）

雷巴科娃·斯维特拉娜·维克托罗夫娜——法学博士，副教授（学位），萨拉托夫国立司法研究院财政法、银行法和海关法教研室教授（职称）（俄罗斯，萨拉托夫市）；俄罗斯联邦政府立法與比較法研究（俄罗斯，莫斯科）

索洛维约娃·维多利亚·维克托罗夫娜——历史学博士，教授，俄罗斯联邦总统国民经济与国家行政学院利佩茨克分院国家和法律的理论与历史教研室教授（俄罗斯，利佩茨克市）

特罗菲莫夫·瓦西里·弗拉基斯拉沃维奇——法学博士，副教授，坦波夫杰尔查文国立大学国家法研究科学研究院院长（俄罗斯，坦波夫市）

特钦娜·谢尔盖·弗拉基米罗维奇——法学博士，教授，俄罗斯别尔哥罗德国立研究大学法学院民法和法律程序教研室主任（别尔哥罗德，俄罗斯联邦）

尤金·安德烈·弗拉基米罗维奇——法学博士，教授，萨马拉国立研究大学法学院民事诉讼和商业法教研室主任，（萨马拉，俄罗斯联邦）

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Большакова В.М., Наумов П.Ю.</i> О некоторых вопросах гармонизации законодательства о судопроизводстве и представительстве: сравнительно- правовая характеристика	373
<i>Зеленукин Р.В., Липунцова А.В.</i> Оценка регулирующего воздействия: проблемы правового регулирования и привлечения предпринимательского сообщества к проводимым процедурам	388
<i>Кушнир И.В.</i> Ограничительная функция юридической ответственности и пределы ее действия сквозь призму принципа соразмерности	400
<i>Феднева Н.Л.</i> Министерство полиции Российской империи: реализация проекта М.М. Сперанского	412
<i>Фролова Н.А.</i> Наркобезопасность в современных условиях нового вида войны: проблемные аспекты	425
<i>Хашчина Э.Э.</i> Значение правовых позиций международных и внутригосударственных судебных органов для предотвращения сецессии: теоретико-исторический аспект	438

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Ветров П.В., Красников В.В.</i> Основные аспекты правового регулирования медицинского обследования лиц, вступающих в брак	454
--	-----

CONTENTS

GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

<i>Bolshakova V.M., Naumov P.Y.</i> On some issues of legislation harmonization on legal proceedings and representation: comparative legal characteristics	373
<i>Zelepukin R.V., Lipuntsova A.V.</i> Regulatory impact assessment: legal regulation issues and involvement of the business community in the proceedings	388
<i>Kushnir I.V.</i> The restrictive function of legal responsibility and the limits of its action through the prism of proportionality principle	400
<i>Fedneva N.L.</i> Ministry of Police of the Russian Empire: implementation of the project by M.M. Speransky	412
<i>Frolova N.A.</i> Drug safety in modern conditions of a new type of war: problematic aspects	425
<i>Khashchina E.E.</i> The importance of legal positions of international and domestic judicial authorities for preventing secession: theoretical historical aspect	438

SUBSTANTIVE LAW

<i>Vetrov P.V., Krasnikov V.V.</i> The main aspects of legal regulation of medical examination of persons entering into marriage	454
--	-----

<i>Гончаров И.В.</i> Субъективные свойства основания уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения	465
<i>Крамской В.В.</i> Институт срока в правоотношениях по обеспечению исполнения государственного (муниципального) контракта и гарантийных обязательств: вопросы практики правовой регламентации	475
<i>Налимов Ю.Д.</i> Критерии ограничения вандализма от малозначительного деяния	486
<i>Пикин И.В., Тараканов И.А.</i> Занятие высшего положения в преступной иерархии: особенности уголовно-правовой квалификации	500
<i>Родина Е.А.</i> Виктимологическое предупреждение преступлений в киберпространстве	510
<i>Черемин Н.В.</i> Причины совершения побегов из мест лишения свободы, совершенных осужденными, которым предоставлено право передвижения без конвоя	525

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Волчихина Л.А.</i> К вопросу о процессе состязательности в современном гражданском судопроизводстве	537
<i>Измалков А.В., Кузнецов А.А., Кузнецов П.А., Кузьменко Э.Ю.</i> Правоприменительная практика судебных органов по налоговым спорам	550
<i>Мещерякова А.Ф.</i> Встречный иск и процессуальные аспекты его предъявления в арбитражном процессе	564

<i>Goncharov I.V.</i> Subjective properties of the grounds for criminal liability for driving while intoxicated	465
<i>Kramskoy V.V.</i> The institution of term in legal relations to ensure the execution of state (municipal) contract and guarantee obligations: issues of legal regulation practice	475
<i>Nalimov Y.D.</i> Criteria for distinguishing vandalism from a minor act	486
<i>Pikin I.V., Tarakanov I.A.</i> Occupation of the highest position in the criminal hierarchy: features of criminal law qualifications	500
<i>Rodina E.A.</i> Victimological prevention of cyberspace crime	510
<i>Cheremin N.V.</i> Reasons to escape from a place of detention by convicts with the right of movement without convoy	525

PROCEDURAL LAW

<i>Volchikhina L.A.</i> On the issue of the adversarial process in modern civil proceedings	537
<i>Izmalko A.V., Kuznetsov A.A., Kuznetsov P.A., Kuzmenko E.Y.</i> Law enforcement practice of judicial authorities on tax disputes	550
<i>Meshcheryakova A.F.</i> Counterclaim and procedural aspects of its filing in the arbitration process	564

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
2021. Т. 5. № 19 <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law.html>

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA = CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2021, vol. 5, no. 19 <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng.html>
ISSN 2587-9340

Перечень ВАК, РИНЦ, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

© Большакова В.М., Наумов П.Ю., 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.114

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-373-387

Шифр научной специальности 12.00.01

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В.М. Большакова¹, П.Ю. Наумов²

¹ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, 82

valentinabolshakova@rambler.ru

²ФГКУЗ «Центр военно-врачебной экспертизы войск национальной гвардии Российской Федерации»

111250, Российская Федерация, г. Москва, ул. Красноказарменная, 9а

petr.naumov.777@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования явились вопросы совершенствования законодательства о судостроительстве, видах судопроизводства, дальнейшая унификация обязанностей судов общей юрисдикции и анализ требований к процессуальному представителю. Современная правовая доктрина содержит в себе законодательные предписания, регулирующие различные сферы социальной деятельности. Одной из таких сфер является регулирование структуры и нормативных правовых основ деятельности судебных органов, осуществляющих правосудие и реализующих на практике основные принципы правового государства. Метод, методология исследования: проиллюстрирована необходимость совершенствования законодательства о судостроительстве и судопроизводстве.

ве на основании применения методов сравнительно-правового и системного исследований. Новизна исследования, основные выводы: рассмотрены социальные тенденции, приводящие к судоустройственным изменениям, приведены соответствующие мнения ученых по данному вопросу. В результате проведенного научного исследования установлено, что в некоторые нормативные правовые акты, регулирующие виды судопроизводства, обязанности судов общей юрисдикции, а также институт процессуального представительства, необходимо внести изменения в целях приведения их в соответствие конституционным положениям и установления точных юридико-технических формулировок. Особо отмечено, что проведенное исследование позволяет оценить, насколько оптимальной в настоящее время является судоустройственное и процессуальное законодательство и насколько эффективно оно позволяет осуществить судебную защиту нарушенных или оспариваемых прав и упрощает доступ граждан к правосудию.

Ключевые слова: судебная реформа, судоустройство, судебная власть, виды судопроизводства, представительство, суды общей юрисдикции, ученые степени, регулирование, совершенствование, социальные тенденции

Введение. На современном этапе развития отечественной правовой системы сохраняются тенденции реформирования и совершенствования правовых норм во всех сферах общественной жизни. Изменениям подвергаются конституционные нормы, материальное и процессуальное право. Отечественный правовой опыт регулирования общественных отношений выступает одним из источников права и позволяет, с одной стороны, создавать нормы права, наиболее успешно регулирующие социальную деятельность, с другой стороны, его учет позволяет не допустить создания правовых механизмов, уже доказавших свою неэффективность или несостоятельность.

В современном российском обществе наблюдается несколько тенденций правового социального развития. К этим тенденциям относится опора на характерные именно для нашей страны ценности и исторические традиции, системные и структурные преобразования общественных и государственных институтов, а также учет мирового передового опыта для совершенствования функционирования органов публичной власти.

В период своего исторического развития наша страна претерпела множество кардинальных переустройств политической сферы и общественной жизни, переоценки ценностей и смыслов социального бытия, перехода от одних нормативно-правовых основ деятельности к другим. Определенным образом эти социальные изменения детерминировали и преобразования в судоустройственной и процессуальной сферах, по-

скольку определенный социальный уклад и политический режим создавали не только нормативные правовые основы своей деятельности, но и государственные органы эти нормы, применяющие и реализующие на практике, а также привлекающие к ответственности за их нарушения, то есть отправляющие правосудие.

Историко-правовое исследование явлений общественной жизни обладает определенным потенциалом для юридической науки в разделе теории учений о праве и государстве, поскольку позволяет установить социально-экономические, политические и правовые предпосылки и закономерности возникновения (развития) норм права.

Государственные органы России за последние два века и первые два десятилетия XXI века претерпели кардинальные реформы, они преобразовывались и изменялись, развивались и ликвидировались. Важнейшим компонентом системы государственной власти является судебная власть, осуществляющая правосудие, направленное на правильное и своевременное рассмотрение и разрешение судебных споров, способствуя укреплению законности и предупреждению правонарушений [1, с. 26]. Защита законных интересов личности, общества и государства, охрана прав и свобод человека и гражданина, восстановление нарушенных и оспариваемых прав, а также законное и справедливое правосудие – основная социальная функция судебных органов, поскольку наше государство признается социальным, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [2, с. 48].

На основании изучения судебных преобразований в определенный исторический период можно установить как условия, так и предпосылки становления и изменения судебных структур, причины и закономерности развития судебной системы, а также выявить, насколько эффективно та или иная структура судебной системы решала задачи по осуществлению правосудия. В теоретическом аспекте подобное исследование позволяет систематизировать знания о развитии судебной сферы и норм права, регулирующих ее деятельность, познать общее и особенное в развитии судебной власти. В правотворчестве исследование судебных преобразований позволяет более эффективно осуществлять совершенствование нормативно-правовых основ деятельности публичной власти на основании учета исторического опыта и допущенных ранее пробелов права. Для правоприменительной деятельности исследование судебных преобразований позволяет понять смысл и предназначение как нормативных правовых актов, регламентирующих

судоустройство, так и историческую, правовую и социальную обусловленность существования тех или иных судебных институтов, что способствует более эффективному применению законодательства в общественной жизни.

Обзор литературы и основная часть. Частью 2 статьи 118 Конституции Российской Федерации было установлено, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

В соответствии с пунктом «г» статьи 84 Конституции РФ Президент РФ 20 января 2020 г. внес на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания РФ проект закона РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти». Указанный закон принят и одобрен в ходе общероссийского голосования [3, с. 79].

Таким образом, поправками к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. часть 2 статьи 118 Конституции РФ изложена в новой редакции (в части дополнения видов судопроизводства словом «арбитражного»). Аналогичные изменения внесены и в статью 126 Конституции в части регулирования деятельности Верховного суда РФ.

В действующей редакции части 2 статьи 118 Конституции РФ установлено, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, *арбитражного*, административного и уголовного судопроизводства.

В соответствии с частью 3 статьи 1 ФКЗ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе РФ» судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. При этом, вопреки статьям 118 и 126 Конституции РФ, статьи 4 ФКЗ от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в РФ» в части 3 статьи 1 ФКЗ «О судебной системе РФ» при приведении видов судопроизводства отсутствует слово «*арбитражного*».

После внесения поправок в Конституцию РФ в ФКЗ «О судебной системе РФ» были внесены изменения ФКЗ от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы». Однако в часть 3 статьи 1 изменения (в части дополнения видов судопроизводства словом «арбитражного») внесены не были.

Следовательно, часть 3 статьи 1 ФКЗ «О судебной системе РФ» может быть уточнена в целях приведения в соответствие с взаимосвязанными с ней конституционными положениями.

Согласно части 2 статьи 1.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях в соответствии с законодательством о судебной системе настоящий Кодекс определяет подсудность дел об административных правонарушениях судам.

При этом законодательство о судебной системе не содержит норм о подсудности дел об административных правонарушениях судам.

В силу пункта 4 части 2 статьи 4 ФКЗ от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в РФ» суды общей юрисдикции рассматривают иные дела, отнесенные Конституцией РФ, ФКЗ и ФЗ к их ведению.

Пунктом 3 части 1 статьи 7 ФКЗ от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах РФ» установлено, что военным судам подсудны дела об административных правонарушениях, совершенных военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы.

В соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 29 АПК РФ арбитражные суды рассматривают дела об административных правонарушениях, если федеральным законом их рассмотрение отнесено к компетенции указанного суда.

В силу части 5 статьи 1 КАС РФ положения КАС РФ не распространяются на производство по делам об административных правонарушениях.

Таким образом, предлагается статью 1 ФКЗ «О судебной системе РФ» дополнить полномочиями судов по осуществлению производства по делам об административных правонарушениях.

В соответствии с пунктом 4 статьи 3 ФЗ от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» реализация мер правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей возлагается на органы государственной власти, федеральные государственные органы, органы местного самоуправления, **федеральные суды общей юрисдикции**, правоохранительные органы в пределах их полномочий, а также является обязанностью командиров (начальников).

Также согласно абзацу третьему пункта 3 статьи 22 ФЗ «О статусе военнослужащих» юридическая помощь военнослужащим и членам их семей оказывается бесплатно **органами предварительного следствия и судом**, в производстве которых находится уголовное дело.

Из задач всех видов судопроизводств ответственности за реализацию мер правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, а также обязанности

по оказанию юридической помощи военнослужащим по уголовному делу, находящемуся в производстве, на федеральные суды общей юрисдикции не возложено. Не являются федеральные суды общей юрисдикции ни субъектами, оказывающими бесплатную юридическую помощь (статья 7), ни участниками государственной системы бесплатной юридической помощи (статья 15) в том понимании, которое приводится в ФЗ от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в РФ» [4, с. 86].

На основании изложенного в ФЗ «О статусе военнослужащих» могут быть внесены соответствующие изменения в части уточнения полномочий судов общей юрисдикции.

Еще одним интересным вопросом выглядит исследование проблем представительства во всех видах судопроизводства, особенно в свете недавних процессуальных изменений.

Процессуальная реформа 2018–2019 гг. была представлена более чем 20 федеральными законами и затронула как сферу судоустройства, так и многие сферы гражданского, арбитражного, уголовного и административного судопроизводства, начиная с порядка создания новых кассационных и апелляционных судов ФКЗ от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в ФКЗ «О судебной системе РФ» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции», корректировкой реформы третейских судов ФЗ от 27 декабря 2018 г. № 531-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в РФ» и ФЗ «О рекламе» и заканчивая изменениями в законодательство о примирительных процедурах и по пересмотру по новым и вновь открывшимся обстоятельствам [5, с. 51].

Согласно статье 53 ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном суде РФ» представителями сторон могут быть также адвокаты или имеющие ученую степень по юридической специальности лица, полномочия которых подтверждаются соответствующими документами.

Нормы о необходимости наличия у представителя сторон статуса адвоката, высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности установлены для различных видов судопроизводства (ч. 3 ст. 59, ч. 4 ст. 61 АПК РФ, ч. 2 и 3 ст. 49, ч. 5 ст. 53 ГПК РФ, ч. 1 ст. 55, п. 4-5 ч. 1 ст. 126 КАС РФ). Указанные требования вступили в силу в связи с принятием ФЗ от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» (далее – ФЗ № 451).

Разъясняя вопросы применения процессуального законодательства после вступления в силу Федерального закона № 451, Верховный суд РФ в постановлении Пленума от 9 июля 2019 г. № 26 указывал на особенности представительства в суде в переходный период в зависимости от наличия у представителей высшего юридического образования либо ученой степени по юридической специальности.

Также разъяснения по вопросам применения процессуального законодательства в правоприменении даны в Обзоре судебной практики Верховного суда РФ № 4 за 2019 г. (утв. Президиумом Верховного суда РФ 25 декабря 2019 г.).

Некоторые из норм (ч. 3 ст. 59, ч. 4 ст. 61 и ч. 4 ст. 63 АПК РФ), регулирующие вопросы наличия у представителей в судах высшего юридического образования либо ученой степени по юридической специальности в арбитражном судопроизводстве, были предметом рассмотрения Конституционного суда РФ, который в постановлении от 16 июля 2020 г. № 37-П признал эти нормы соответствующими конституционным положениям.

Помимо законодательного усмотрения и практики высших судов РФ, несмотря на относительную «молодость» правовых норм о необходимости представителю иметь высшее юридическое образование или ученую степень по юридической специальности, данные нормы уже получили соответствующий отклик и в научной литературе. Указанная проблематика была предметом рассмотрения в определенном количестве научных работ.

Так, Т.Т. Алиев с соавт. отмечают, что весьма правильным решением было ввести новое требование – наличие у представителя высшего юридического образования. Представителями в суде, за исключением дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами, могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности (ч. 2 ст. 49 ГПК РФ). Целью данного нововведения является повышение качества юридической помощи и обеспечение права граждан на квалифицированную юридическую защиту. Однако хотелось бы заметить, что система юридического образования в вузах весьма разнообразна, поэтому на практике придется сталкиваться с выпускниками, которые не обладают даже базовыми знаниями и навыками [6, с. 55].

Оценивая и систематизируя последние реформы процессуального законодательства, в том числе предусмотренные ФЗ № 451, В.М. Жуй-

ков и М.О. Долова выделяют несколько основных направлений, которые представляют собой частные проявления тенденции унификации судопроизводства. Одним из таких направлений является профессионализация участников судебного процесса – в административном судопроизводстве быть представителем имеют право адвокаты и иные лица, имеющие юридическое образование или ученую степень, такое требование также закреплено в АПК РФ, а также в ГПК РФ, за исключением некоторых категорий дел (ч. 2 ст. 49 ГПК РФ) [7, с. 128].

Рассматривая новеллы законодательства, введенные ФЗ № 451, О.А. Рузакова указывает на определение требования к представителям по аналогии с требованиями, предусмотренными в КАС РФ. Представительствовать в суде могут лишь адвокаты и иные оказывающие помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Аналогичные требования установлены соответственно в ГПК РФ и АПК РФ. Исключение составляет представительство у мировых судей и в районных судах (ч. 2 ст. 49 ГПК РФ), где рассматривается большинство гражданско-правовых споров по первой инстанции. Также в силу статьи 53 ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном суде РФ» для представительства в Конституционном суде необходимы статус адвоката или ученая степень по юридической специальности [8, с. 19].

Т. Кочанова, объясняя процессуальные изменения, пишет, что касается нововведений при процессуальной реформе, то в качестве такого можно выделить норму об обязательном высшем образовании участников процесса. Теперь представителями в суде смогут быть только лица с высшим юридическим образованием или ученой степенью по юридической специальности (ч. 3 ст. 59, ч. 4 ст. 61 АПК РФ, ч. 2-3 ст. 49 ГПК РФ, ч. 1 ст. 55, п. 4-5 ч. 1 ст. 126 КАС РФ). Данное положение процессуального законодательства должно выступить гарантией качества юридических услуг для лиц, пользующихся юридической помощью [9, с. 104].

По мнению Д.Б. Короткова и Т.В. Шершень, реформа гражданского процессуального законодательства затронула процессуальные права представителей и правила их участия в гражданском процессе. ФЗ № 451 было введено требование профессионального представительства в судах, за исключением дел, рассматриваемых мировыми и районными судами. При этом очень важно, что на законных представителей требования профессионального представительства не были распространены в силу прямого указания части 3 статьи 52 ГПК РФ. Предста-

вителями в суде, за исключением дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами, могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности (ч. 2 ст. 49 ГПК РФ). В отношении оформления и подтверждения полномочий профессиональных представителей в части 5 статьи 53 ГПК РФ закреплены разные правила для лица, обладающего статусом адвоката и не обладающего таковым [10, с. 756].

По нашему мнению, формулировка *«ученую степень по юридической специальности»*, используемая в законодательных актах, регламентирующих все виды судопроизводства в РФ после вступления в силу ФЗ № 451, выглядит неоднозначной с юридико-технической точки зрения законодательства о науке и государственной научно-технической политике, а также о порядке присуждения ученых степеней. Попробуем рассмотреть данный вопрос более подробно.

Частью 2 статьи 4 ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» установлено, что государственная система научной аттестации предусматривает присуждение ученых степеней кандидата наук и доктора наук, присвоение ученых званий доцента и профессора. Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. утверждено Положение о присуждении ученых степеней.

В силу пункта 7 Порядка оформления и выдачи дипломов доктора наук и кандидата наук, утвержденного приказом Минобрнауки России от 14 января 2019 г. № 2н, в дипломе об ученой степени под строкой «доктора» («кандидата») в родительном падеже **указывается наименование отрасли науки**, по которой присуждена ученая степень доктора наук, ученая степень кандидата наук. Аналогичные требования (о том, что в дипломе об ученой степени указывается наименование отрасли науки, по которой присуждена ученая степень) были установлены и в ранее действовавших порядках выдачи дипломов об ученых степенях. Так, в пункте 6 Порядка, утвержденного приказом Минобрнауки от 4 марта 2014 г. № 157, было указано, что **наименование отрасли науки**, по которой присуждена ученая степень доктора наук, ученая степень кандидата наук, указывается в дипломе в родительном падеже. В приказе Минобрнауки от 24 января 2012 г. № 37 имелось такое же нормативное предписание.

Что касается номенклатуры научных специальностей, то в графе 4 Номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, утвержденной приказом Минобрнауки от 24 февраля

2021 г. № 118 используется формулировка *«наименование отраслей науки, по которым присуждаются ученые степени»*. Аналогичные требования были установлены в ранее действовавших номенклатурах (приказы Минобрнауки от 23 октября 2017 г. № 1027 и от 25 февраля 2009 г. № 59).

Указанные нормативные правовые акты свидетельствуют о том, что формулировка ученой степени кандидата или доктора наук дается по отрасли наук, которая в свою очередь включает несколько научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени. В документах (дипломах), подтверждающих наличие ученой степени кандидата или доктора наук, наименование ученой степени указывается в соответствии с отраслью науки, например: *«решением диссертационного совета присуждена ученая степень доктора юридических наук»*. Следовательно, определяя полномочия представителей для участия в конституционном, гражданском, административном или арбитражном судопроизводстве, вместо формулировки *«ученую степень по юридической специальности»* более точно было бы использовать следующую формулировку *«имеющие ученую степень кандидата или доктора юридических наук»*.

Кроме того, при внесении соответствующих изменений в ФЗ № 451 в процессуальном законодательстве не упомянули лиц, которые имеют ученую степень, полученную в иностранном государстве, признаваемую в РФ, обладателю которой предоставлены те же академические и (или) профессиональные права, что и доктору (кандидату) наук в РФ, хотя согласно законодательству о государственной научной аттестации указанные лица обладают теми же профессиональными правами.

Выводы и практические рекомендации. Рассмотрение актуальных вопросов совершенствования законодательства о судебной власти и судостроительстве сравнительно-правовым методом позволяет говорить о том, что часть нормативных правовых актов, регулирующих данные сферы, подлежит уточнению. Во-первых, это продиктовано произошедшей недавно «процессуальной революцией», связанной с принятием ФЗ № 451, когда некоторые вопросы все еще остаются не до конца урегулированными. Во-вторых, это обусловлено принятыми изменениями в основной закон страны, когда виды судопроизводства в России на конституционном уровне были уточнены. В-третьих, внесение отдельных изменений позволяет более точно с юридико-технической точки зрения описать право на процессуальное представительство.

Материалы и выводы статьи позволяют предложить следующие практические рекомендации по изменению законодательства.

1. При определении полномочий представителей для участия в конституционном, гражданском, административном или арбитражном судопроизводстве вместо формулировки «*ученую степень по юридической специальности*» использовать следующую формулировку «*имеющие ученую степень кандидата или доктора юридических наук*».

2. Часть 3 статьи 1 ФКЗ «О судебной системе РФ» предлагается изложить в следующей редакции: «**3. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства**».

3. Статью 1 ФКЗ «О судебной системе РФ» дополнить частью 4 следующего содержания: «**4. Судебная власть осуществляется также при производстве по делам об административных правонарушениях, отнесенных законодательством к компетенции судей**».

4. В ФЗ «О статусе военнослужащих» предлагается внести следующие изменения: словосочетание «*федеральные суды общей юрисдикции*» из пункта 4 статьи 3 исключить; слово «*судом*» из абзаца третьего пункта 3 статьи 22 исключить.

Внесение указанных изменений позволит привести законодательство в соответствие с конституционными нормами, устранить противоречивые обязанности для судов общей юрисдикции в отношении военнослужащих (членов их семей) и совершенствовать нормативное правовое регулирование процессуального института представительства.

Используемые сокращения: РФ – Российская Федерация; ФКЗ – Федеральный конституционный закон; ФЗ – Федеральный закон; АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации; ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации; КАС РФ – Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации.

Список литературы

1. Большакова В.М. Генезис становления и развития судебной системы Российской Федерации в конце XX – начале XXI века: институциональные и нормативные характеристики // Право и политика. 2021. № 3. С. 26-36.
2. Большакова В.М. Конституционная основа стратегических задач муниципальной службы // Власть. 2018. Т. 26. № 9. С. 48-50.
3. Асеев А.Г., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Кононов А.Н., Бабарыкин О.В. К новой реформе правоохранительных структур? (Комментарий к проекту закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной

- власти») // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2020. № 4 (273). С. 79-85.
4. *Большакова В.М., Наумов П.Ю., Енгибарян Г.В., Липтев А.А.* Реализация мер правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей: к проблеме правового регулирования соответствующих обязанностей федеральных судов общей юрисдикции // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 5 (286). С. 83-91.
 5. *Рузакова О.А.* Новеллы процессуального законодательства в банковской сфере // Банковское право. 2020. № 3. С. 49-54.
 6. *Алиев Т.Т., Яценко А.О., Белякова В.С.* Актуальные вопросы регулирования представительства в гражданском производстве // Современное право. 2020. № 9. С. 51-58.
 7. *Жуйков В.М., Долова М.О.* Актуальные проблемы унификации процессуального законодательства // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 121-135.
 8. *Рузакова О.А.* Вопросы представительства в свете реформы гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 5. С. 18-22.
 9. *Кочанова Т.* Изменения в судебной системе в 2019 году // Трудовое право. 2019. № 11. С. 103-109.
 10. *Коротков Д.Б., Шершень Т.В.* Материальное и процессуальное представительство: гражданско-правовой и семейно-правовой аспекты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 50. С. 738-761.

Статья поступила в редакцию 05.08.2021 г.

Одобрена после рецензирования 15.09.2021 г.

Принята к публикации 22.09.2021 г.

Информация об авторах

Большакова Валентина Михайловна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Нижегородский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, valentinabolshakova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7490-3443>

Наумов Петр Юрьевич, кандидат педагогических наук, помощник начальника по правовой работе, Центр военно-врачебной экспертизы войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, petr.naumov.777@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2875-2322>

Для цитирования

Большакова В.М., Наумов П.Ю. О некоторых вопросах гармонизации законодательства о судопроизводстве и представительстве: сравнительно-правовая характеристика // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 373-387. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-373-387>

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-373-387

ON SOME ISSUES OF LEGISLATION HARMONIZATION ON LEGAL PROCEEDINGS AND REPRESENTATION: COMPARATIVE LEGAL CHARACTERISTICS

V.M. Bolshakova¹, P.Y. Naumov²

¹The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
84 Vernadskogo Ave., Moscow 119571, Russian Federation
valentinabolshakova@rambler.ru

²Center for Military Medical Expertise of National Guard Troops of Russian Federation
9a Krasnokazarmennaya St., Moscow 111250, Russian Federation
petr.naumov.777@mail.ru

Abstract. The subject of research is the issues of improving the legislation on the judicial system, legal proceedings types, further unification of duties of general jurisdiction courts and analysis of requirements for a procedural representative. The modern legal doctrine contains legislative regulations governing various spheres of social activity. One of these areas is the regulation of the structure and regulatory legal framework of the activities of judiciary, administering justice and implementing in practice the basic principles of the legal state. Method, research methodology: we illustrate the need to improve the legislation on the judicial system and legal proceedings based on the application of comparative legal and systemic research methods. The novelty of research, main conclusions: we consider social trends leading to judicial changes, we present the corresponding opinions of scientists on this issue. As a result of the conducted scientific research, we establish that some normative legal acts regulating the types of legal proceedings, the duties of general jurisdiction courts, as well as the institution of procedural representation, need to be amended in order to bring them into line with constitutional provisions and establish precise legal and technical formulations. We especially note that this study makes it possible to assess how optimal the judicial and procedural legislation is at present and how effectively it allows for judicial protection of violated or disputed rights and simplifies citizens' access to justice.

Keywords: judicial reform, judicial system, judicial authorities, legal proceedings types, representation, general jurisdiction courts, academic degrees, regulation, improvement, social trends

References

1. Bolshakova V.M. Genezis stanovleniya i razvitiya sudebnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii v kontse XX – nachale XXI veka: institutsional'nyye i normativnyye kharakteristiki [Genesis of establishment and development of the judicial system of the Russian Federation in the late 20 – early 21 centuries: institutional and normative characteristics]. *Pravo i politika – Law and Politics*, 2021, no. 3, pp. 26-36. (In Russian).

2. Bolshakova V.M. Konstitutsionnaya osnova strategicheskikh zadach munitsipal'noy sluzhby [Constitutional framework of the strategic objectives of the municipal service]. *Vlast' – The Authority*, 2018, vol. 26, no. 9, pp. 48-50. (In Russian).
3. Aseyev A.G., Bolshakova V.M., Naumov P.Y., Kononov A.N., Babarykin O.V. K noy voy reforme pravookhranitel'nykh struktur? (Kommentariy k projektu zakona Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii «O sovershenstvovanii regulirovaniya otel'nykh voprosov organizatsii publichnoy vlasti») [Towards a new reform of law enforcement structures? (Commentary on the draft law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation “On improving the regulation of certain issues of organizing public authorities”)]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voyenno-pravovoye obozreniye – Law in the Armed Forces – Military-Legal Review*, 2020, no. 4 (273), pp. 79-85. (In Russian).
4. Bolshakova V.M., Naumov P.Y., Engibaryan G.V., Laptev A.A. Realizatsiya mer pravovoy i sotsial'noy zashchity voyennosluzhashchikh, grazhdan, uvolennykh s voyennoy sluzhby, i chlenov ikh semey: k probleme pravovogo regulirovaniya sootvetstvuyushchikh obyazannostey federal'nykh sudov obshchey yurisdiktsii [Implementation of measures of legal and social protection of military personnel, citizens dismissed from military service, and members of their families: on the problem of legal regulation of the corresponding duties of federal courts of general jurisdiction]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voyenno-pravovoye obozreniye – Law in the Armed Forces – Military-Legal Review*, 2021, no. 5 (286), pp. 83-91. (In Russian).
5. Ruzakova O.A. Novelly protsessual'nogo zakonodatel'stva v bankovskoy sfere [Novelties of procedural laws in the banking sector]. *Bankovskoye pravo – Banking Law*, 2020, no. 3, pp. 49-54. (In Russian).
6. Aliyev T.T., Yatsenko A.O., Belyakova V.S. Aktual'nyye voprosy regulirovaniya predstavitel'stva v grazhdanskom proizvodstve [Actual issues of regulation of representation in civil proceedings]. *Sovremennoye pravo – Modern Law*, 2020, no. 9, pp. 51-58. (In Russian).
7. Zhuykov V.M., Dolova M.O. Aktual'nyye problemy unifikatsii protsessual'nogo zakonodatel'stva [Current problems of unification of procedural legislation]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian law*, 2019, no. 8, pp. 121-135. (In Russian).
8. Ruzakova O.A. Voprosy predstavitel'stva v svete reformy grazhdanskogo sudoproizvodstva [Representation issues in view of the reform of civil proceedings]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess – Arbitrazh and Civil Procedure*, 2019, no. 5, pp. 18-22. (In Russian).
9. Kochanova T. Izmeneniya v sudebnoy sisteme v 2019 godu [Changes in the judicial system in 2019]. *Trudovoye pravo – Industrial Relations Law*, 2019, no. 11, pp. 103-109. (In Russian).
10. Korotkov D.B., Shershen T.V. Material'noye i protsessual'noye predstavitel'stvo: grazhdansko-pravovoy i semeyno-pravovoy aspekty [Substantive and procedural representation: civil law and family law aspects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2020, no. 50, pp. 738-761. (In Russian).

The article was submitted 05.08.2021

Approved after reviewing 15.09.2021

Accepted for publication 22.09.2021

Information about the author

Valentina M. Bolshakova, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russian Federation, valentinabolshakova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7490-3443>

Petr Y. Naumov, Candidate of Pedagogy, Assistant Chief of Legal Work, Center for Military Medical Expertise of National Guard Troops of Russian Federation, Moscow, Russian Federation, petr.naumov.777@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2875-2322>

For citation

Bolshakova V.M., Naumov P.Y. O nekotorykh voprosakh garmonizatsii zakonodatel'stva o sudoproizvodstve i predstavitel'stve: sravnitel'no-pravovaya kharakteristika [On some issues of legislation harmonization on legal proceedings and representation: comparative legal characteristics]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 19, pp. 373-387. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-373-387> (In Russian, Abstr. in Engl.)

Работа доступна по лицензии
Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0
Всемирная

2021. Т. 5. № 19 АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law.html>

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA = CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2021, vol. 5, no. 19 <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng.html>
ISSN 2587-9340

Перечень ВАК, РИНЦ, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

© Зелепукин Р.В., Липунцова А.В., 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-388-399

Шифр научной специальности 12.00.01

ОЦЕНКА РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРИВЛЕЧЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА К ПРОВОДИМЫМ ПРОЦЕДУРАМ

Р.В. Зелепукин¹, А.В. Липунцова²

^{1,2}ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392036, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

¹lexcomlex@yandex.ru

²anna-lipuncova@yandex.ru

Аннотация. Посвящено актуальным вопросам правового регулирования проведения процедуры оценки регулирующего воздействия в отношении проектов нормативных правовых актов и решений. Данная процедура имеет особую значимость для выбора оптимального способа правового регулирования, способствует недопущению утверждения избыточных и необоснованных обязывающих и запрещающих правовых норм в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Цель исследования заключалась в анализе порядка проведения оценки регулирующего воздействия. В рамках написания работы использовались как общие, так и специально-юридические научные методы: анализ, синтез, формально-юридический метод, юридическая герменевтика и ряд других. Проанализированы понятие и цели оценки регулирующего воздействия. При этом обращено внимание на отсутствие единой закрепленной в законодательстве дефиниции «оценка регулирующего воздействия». Предложено определить на законодательном уровне перечень принципов, на которых основывается данная процедура. В итоге исследования отмечена высокая социальная значимость оценки проектов нормативных правовых актов и решений, отмечая результаты, к которым приводит ее реализация на практике.

Ключевые слова: оценка регулирующего воздействия, публичное управление, государственное регулирование, регуляторная политика, проекты нормативных правовых актов

Благодарности: Подготовлено в рамках реализации проекта «Развитие и совершенствование правовых условий привлечения предпринимательского сообщества к проводимой в Тамбовской области оценке регулирующего воздействия», поддержанного по итогам областного конкурса «Гранты для поддержки прикладных исследований молодых ученых 2020 года» и выполняемого на основании Соглашения № 7-МУ-20 за счет средств областного бюджета.

Одним из приоритетных направлений деятельности государства является совершенствование системы государственного управления.

Развитие экономических отношений, новых сфер предпринимательства, требующих правового регулирования, цифровизация бизнес-процессов требуют оптимизации сложившихся подходов к урегулированию происходящих изменений, а главное – поиска новых методов публичного управления и взаимодействия бизнеса, общества и государства.

За последнее десятилетие российским правительством в этом направлении сделано немало. Правовые основы изменений были инициированы Президентом Российской Федерации в известных майских указах¹. Именно тогда был дан новый импульс развитию института оценки регулирующего воздействия (далее – ОРВ).

Хотя активные обсуждения по его внедрению в России начались еще в начале 2000-х гг., когда появились первые экспертные исследования и научные публикации по ОРВ, проводились конференции и «круглые столы» по проблемам использования мирового опыта в данной сфере и его применения в российских реалиях. В это же время от представителей общественности и органов государственной власти поступают инициативы о законодательном закреплении экспертной деятельности в отношении проектов нормативных правовых актов, что вылилось в пилотный проект по внедрению института ОРВ в Республике Северная Осетия – Алания. Дальнейшим важным этапом стало формирование в структуре Министерства экономического развития РФ специального структурного подразделения, которому были подведом-

¹ Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601 // Российская газета. 2012. № 102.

ственные вопросы по ОРВ, – Департамента регуляторной политики и оценки регулирующего воздействия.

Отметим, что на данный момент нет закона, напрямую определяющего основы анализируемого нами института. Вместе с тем разработан достаточно большой объем нормативных правовых актов, в которых зафиксирована сфера, цель данной процедуры, порядок ее осуществления².

Обратим внимание, что пока отсутствует нормативно закрепленное определение института ОРВ. В связи с этим различными субъектами данная процедура интерпретируется по-разному.

Так, в теории ОРВ рассматривается с разных позиций, но, безусловно, в одном едином ключе. С экономической точки зрения сущность данного института исследуется Д.О. Дерманом, В.Ф. Исламудиновым, В.В. Колеговым, Г.А. Насыровой, А.В. Немец, С.А. Полешуком, А.Р. Шафинской и др. В социологии это работы А.В. Минаева, В.В. Просвинова, Р.А. Смирновой и др. В рамках анализа политологических проблем аспекту ОРВ также уделяется внимание такими учеными, как Е.В. Барашева, Е.А. Вакулюк, А.В. Волкова, Е.А. Капогузов, Ю.Ю. Рыбко и др. Среди правовых исследований можно выделить работы Л.А. Андреевой, А.А. Арнаутовой, Л.А. Душаковой, А.В. Петренко, А.С. Фадеевой и др.

² О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и статьи 7 и 46 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» по вопросам оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и экспертизы нормативных правовых актов: Федеральный закон от 02.07.2013 № 176-ФЗ // Российская газета. 2013. № 148; О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7491; Об утверждении формы сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия, формы заключения об оценке регулирующего воздействия, методики оценки регулирующего воздействия: Приказ Министерства экономического развития РФ от 27.05.2013 № 290 // Российская газета. 2013. № 184; О внесении изменений в Методические рекомендации по организации и проведению процедуры оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, утвержденные приказом Минэкономразвития России от 26 марта 2014 г. № 159: Приказ Министерства экономического развития РФ от 26.07.2016 № 471. Доступ из СПС «Гарант».

При этом отметим, что в большей степени институт ОРВ изучается с экономических подходов. В юриспруденции же, как правило, данный институт анализируется в контексте иных, смежных проблем и вопросов – государственного управления и контроля в рамках административного права, общей сущности правового регулирования и правотворческой деятельности в теории государства и права, как форма продвижения общественных интересов в конституционном праве, как одно из направлений деятельности Центрального Банка РФ в рамках финансового права.

Итак, приведем несколько примеров дефиниции «оценка регулирующего воздействия» как из теории, так и практики.

Рассматривая правовые аспекты ОРВ, Л.А. Андреева считает, что это «процедура, в ходе которой анализируются проекты нормативно-правовых актов с целью выявить в них положения, приводящие к избыточным административным и другим ограничениям в деятельности предпринимателей, инвестиционных проектов, а также к необоснованным расходам как для бизнеса, так и для бюджетной системы, установить, решаются ли существующие проблемы с введением нового регулирования» [1, с. 71].

В.В. Колегов, отмечая, что ОРВ является устоявшимся термином, рассматривает его как «анализ нормативных актов на предмет прогнозирования поведения субъектов экономической деятельности и населения в связи с принятием того или иного нормативного акта путем анализа выгод, издержек и рисков с обязательным изучением потенциальных альтернатив государственного вмешательства, и на основании проведенного анализа формирования заключения о соответствии целей разработки такого акта и предложенного актом содержания» [2, с. 96].

Экспертами Высшей школы экономики, где создан центр по ОРВ, дается следующая трактовка «механизм систематического выявления основных проблем и целей предлагаемых норм регулирования, идентификации и оценки основных альтернатив достижения целей для принятия управленческих решений»³.

Если обратиться к практике, то тоже можно увидеть различные определения.

Так, на интернет-портале для публичного обсуждения проектов и действующих нормативных актов органов власти отмечается, что ОРВ – «это процедура, в ходе которой анализируются проекты НПА с целью

³ Центр оценки регулирующего воздействия. URL: <https://ria-center.hse.ru/about> (дата обращения: 23.06.2021).

выявления в них избыточных обязанностей, запретов, ограничений для предпринимателей, а также выявления необоснованных расходов как для бизнеса, так и для бюджета автономного округа, до принятия документа»⁴.

В контексте проведения ОРВ на уровне муниципалитета данный институт представляет собой «процедуру анализа проблем и целей государственного (муниципального) регулирования, поиска допустимых альтернативных вариантов достижения этих целей, а также связанных с ними выгод и издержек субъектов предпринимательской и иной деятельности, потребителей, государства (далее – социальные группы), подвергающихся воздействию регулирования, для определения наиболее эффективного варианта регулирующего решения»⁵.

И таких примеров разнообразных трактовок ОРВ можно привести немало. Однако, не ставя перед собой целей анализа всех сложившихся мнений, однозначно можно сделать вывод, что данный институт представляет собой сложнейшую процедуру, которая должна быть четко определена на нормативном уровне. С одной стороны, разнообразие трактовок позволяет толковать ОРВ с расширительных позиций и не ограничивать ее конкретными дефинициями, с другой стороны, такой подход может привести к злоупотреблениям при реализации процедуры. Поэтому, полагаем, что проведение теоретических исследований по проблемам ОРВ и в частности конкретизации данного термина играет важную роль для повышения эффективности и результативности данной процедуры.

Вместе с тем в противовес нашей точки зрения можно парировать, что сегодня в России правовыми актами определен порядок проведения ОРВ и обозначены ее цели, которые, по сути, и отражают сущность этого института. Согласимся, однако, опять же, обратим внимание, они сформулированы по-разному.

Так, Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ фиксирует: «Оценка регулирующего воздействия проводится в целях выявления положений, вводящих избыточные обязанности, запреты и ограничения для субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности или способствующих их введению, а также положений, спо-

⁴ Интернет-портал для публичного обсуждения проектов и действующих нормативных актов органов власти: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. URL: <https://regulation.admhmao.ru/Regulation/faq/154> (дата обращения: 23.06.2021).

⁵ Официальный сайт администрации Городского округа Верхняя Тура. URL: <https://www.v-tura.ru/ehkonomika/orv-2/ocenka-reguliruyushhego-vozdejstvija-obshhie-polozheniya> (дата обращения: 23.06.2021).

собствующих возникновению необоснованных расходов субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности и бюджетов субъектов Российской Федерации»⁶.

Как правило, аналогичная формулировка находит свое отражение и в региональном законодательстве. Например, Закон Тамбовской области от 23 июня 2006 г. № 51-3 определяет, что целями ОРВ является «выявления положений, вводящих избыточные обязанности, запреты и ограничения для субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности или способствующих их введению, а также положений, способствующих возникновению необоснованных расходов субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности и бюджета Тамбовской области»⁷.

А вот в подзаконном акте, а именно в Постановлении Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1318, закрепляется следующее: «Целью оценки регулирующего воздействия проектов актов и проектов решений являются определение и оценка возможных положительных и отрицательных последствий принятия проекта акта на основе анализа проблемы, цели ее регулирования и возможных способов решения, а также выявление в проекте акта положений, вводящих избыточные обязанности, запреты и ограничения для физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности или способствующих их введению, а также положений, способствующих возникновению необоснованных расходов физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, а также бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации»⁸.

На первый взгляд, цели определяются идентично. Но во втором случае на экспертов возлагается более широкий спектр задач – необходимо выявить не только «негативные» положения, но и определить

⁶ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ // Российская газета. 1999. № 206.

⁷ О правовых актах Тамбовской области: Закон Тамбовской области от 23.06.2006 № 51-3 // Тамбовская жизнь. 2006. № 162-163 (23649-23650).

⁸ О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7491.

«положительные» и при этом предложить способы решения вызванных проблем. Также и расширен круг субъектов.

А если проанализировать методику, утвержденную приказом Министерства экономического развития РФ от 27 мая 2013 г. № 290, то ОРВ проводится «в целях обоснованного выбора способа правового регулирования общественных отношений на основе анализа альтернативных вариантов и возможных положительных и (или) отрицательных последствий (экономических, социальных, экологических) введения такого регулирования, а также обеспечения возможности учета мнений лиц, интересы которых затрагиваются предлагаемым правовым регулированием»⁹.

Таким образом, если в вышеобозначенных пунктах шла речь главным образом о выявлении факторов, которые так или иначе могут повлиять на развитие и регулирование тех или иных общественных отношений, то по представленной методике поставлена другая, более масштабная задача, заключающаяся в определении модели регулирования и управления в указанной сфере.

И если в первом сравнительном анализе такой подход обоснован с позиций правотворцев, исходя из уровня, на котором осуществляется ОРВ (и это тоже одна из особенностей правового регулирования данной процедуры, которая реализуется на всех уровнях управления: федеральном, региональном, муниципальном), то во втором – вопрос остается открытым.

При этом указанными правовыми актами, коих в данной сфере немало, разграничивается оценочная деятельность уже действующих актов и только разрабатываемых. В первом случае речь идет об оценке фактического воздействия, а во втором, рассматриваемом нами институте – оценке регулирующего воздействия.

Обратим внимание, что разработаны два порядка проведения ОРВ в отношении проектов: законодательства РФ – законов и подзаконных актов, а также в отношении решений Евразийской экономической комиссии.

Исходя из этого, для каждого уровня и в отношении каждого вида проекта принимается отдельный порядок проведения ОРВ. Так, Министерством экономического развития РФ разработаны методические ре-

⁹ Об утверждении формы сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия, формы заключения об оценке регулирующего воздействия, методики оценки регулирующего воздействия: Приказ Министерства экономического развития РФ от 27.05.2013 № 290 // Российская газета. 2013. № 184.

комендации по действиям федеральных органов власти как в отношении проектов нормативных правовых актов, так и решений Евразийской экономической комиссии, которые уже упоминались нами¹⁰, а также закреплён порядок, который определяет организацию и проведение ОРВ на региональном и муниципальном уровнях¹¹.

В целом процедура ОРВ имеет несколько основных этапов:

- 1) подготовка и размещение уведомления о подготовке проекта акта;
- 2) разработка проекта акта или решения;
- 3) составление сводного отчета о проведении ОРВ;
- 4) публичное обсуждение проекта;
- 5) подготовка заключения об ОРВ.

Вместе с тем на уровне субъекта определено несколько моделей, которые могут использоваться при ОРВ: децентрализованная, централизованная и смешанная, которая может включать в себя элементы первых двух. Принципиальное отличие моделей заключается в привлечении общественности и проведении публичных консультаций. Децентрализованная модель предполагает проведение консультаций на всех этапах – от зарождения концепции правового регулирования у органа-разработчика до подготовки отчета ОРВ. По схеме централизованной модели публичные консультации проводятся уполномоченным органом при подготовке заключения об ОРВ. При этом под органом-разработчиком понимается орган государственной власти субъекта РФ, уполномоченный на выработку государственной политики и нормативно-правовое регулирование в соответствующей сфере, а уполномоченный орган – это орган государственной власти субъекта РФ, ответственный за внедрение и развитие процедур ОРВ. По рекомендациям Министерства экономического развития РФ субъектам предпочтительно использовать первую модель.

¹⁰ Об утверждении формы сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия, формы заключения об оценке регулирующего воздействия, методики оценки регулирующего воздействия: Приказ Министерства экономического развития РФ от 27.05.2013 № 290 // Российская газета. 2013. № 184.

¹¹ Об утверждении Методических рекомендаций по организации и проведению процедуры оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации: Приказ Министерства экономического развития РФ от 26.03.2014 № 159. Доступ из СПС «Гарант»; О направлении Методических рекомендаций по организации и проведению процедуры оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных нормативных правовых актов и экспертизы муниципальных нормативных правовых актов: Письмо Министерства экономического развития РФ от 12.12.2014 № 31260-ОФ/Д26и. Доступ из СПС «Гарант».

Рассматривая проблемные аспекты правового регулирования ОРВ, хотелось бы обратить внимание на те основополагающие идеи, которые составляют ее фундамент, – принципы осуществления. Среди таковых, полагаем, верным выделить следующие:

- законность – процедура ОРВ основана на закрепленных в нормативных правовых актах правилах;
- гласность – ОРВ носит открытый характер, где используются публичные слушания и общественные консультации;
- системность – ОРВ носит постоянный характер и применяется на всех уровнях публичного управления – от муниципального до федерального;
- целесообразность – ОРВ применяется в отношении конкретных видов проектов нормативных правовых актов и решений;
- вариативность – ОРВ может проводиться по разным моделям (децентрализованная, централизованная, смешанная) на основе общих требований;
- оперативность – ОРВ проводится в установленные и достаточно короткие сроки;
- результативность – процедура ОРВ является одним из элементов «умного» или «качественного» управления и направлена на анализ конкретных актов и решений;
- эффективность – проведение ОРВ в отношении проектов, определяющих правовое регулирование той или иной сферы общественных отношений, должно способствовать развитию и поддержке бизнеса, субъектов экономических отношений.

Полагаем, что данные принципы могут найти свое отражение в законодательстве, определяющем основы проведения ОРВ.

Как уже неоднократно отмечалось в научных кругах и среди практиков, сегодня ОРВ приобретает особое значение, поскольку позволяет выявить негативные эффекты и риски, избежать возможные ошибки в предполагаемых способах правового воздействия в урегулированной сфере деятельности. Вместе с тем считаем, что результаты от внедрения и претворения в жизнь процедуры ОРВ немного шире. Среди них можно выделить:

- совершенствование правовой культуры среди населения и заинтересованных лиц посредством привлечения к процедуре представителей общественности;
- предупреждение правовых ошибок и устранение коллизий в праве;

- прогнозирование социально-экономических процессов в обществе;
- поддержку бизнеса и инновационного предпринимательства;
- развитие форм общественного контроля;
- разработку альтернативных вариантов способов правового регулирования и др.

Подводя итог вышеизложенному, можно прийти к следующим выводам. Вопросы проведения ОРВ сегодня как никогда востребованы и требуют пристального внимания к себе, поскольку данная процедура внедрена на всех уровнях публичного управления, осуществляется широким кругом субъектов и своей конечной целью преследует оптимальный выбор способов правового регулирования с учетом современных тенденций развития общества, бизнес-процессов и трансформации всей системы публичного управления. Проблемы в данном аспекте должны рассматриваться комплексно, во взаимосвязи теории и практики, права, политологии, экономики и социологии. При этом важно учитывать уже имеющийся российский опыт, а также мировую практику, поскольку сам институт ОРВ был заимствован из-за рубежа, где получил свое развитие с середины XX века – значительно раньше, чем в нашей стране. Особенно это актуально в свете проводящейся в России реформы государственного контроля и надзора, внедрения механизма регуляторной гильотины, предполагающего отмену устаревших нормативных правовых актов.

Список литературы

1. *Андреева Л.А.* Оценка регулирующего воздействия (правовой аспект) // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 12 (62). С. 70-82.
2. *Колегов В.В.* Оценка регулирующего воздействия: опыт внедрения на региональном уровне // Государственное управление. Электронный вестник. 2013. № 39. С. 95-112.

Статья поступила в редакцию 17.07.2021 г.

Одобрена после рецензирования 15.09.2021 г.

Принята к публикации 22.09.2021 г.

Информация об авторах

Зеленукин Роман Валерьевич, кандидат юридических наук, заместитель директора по научной работе Института права и национальной безопасности, доцент кафедры конституционного и международного права, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, lexcomlex@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0307-4385>

Липунцова Анна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Института права и национальной безопасности, Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, anna-lipuncova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8242-0305>

Для цитирования

Зелепукин Р.В., Липунцова А.В. Оценка регулирующего воздействия: проблемы правового регулирования и привлечения предпринимательского сообщества к проводимым процедурам // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 388-399. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-388-399>

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-388-399

REGULATORY IMPACT ASSESSMENT: LEGAL REGULATION ISSUES AND INVOLVEMENT OF BUSINESS COMMUNITY IN THE PROCEEDINGS

R.V. Zelepukin¹, A.V. Lipuntsova²

^{1,2}Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

¹lexcomplex@yandex.ru

²anna-lipuncova@yandex.ru

Abstract. This work is devoted to current issues of legal regulation of the procedure for assessing the regulatory impact in relation to draft regulatory legal acts and decisions. This procedure is of particular importance for choosing the optimal method of legal regulation, contributes to the prevention of the approval of excessive and unreasonable binding and prohibiting legal norms in the field of entrepreneurial and other economic activities. The purpose of study is to analyze the procedure for conducting a regulatory impact assessment. Within the framework of writing the work, both general and special legal scientific methods are used: analysis, synthesis, formal legal method, legal hermeneutics and a number of others. We analyze the concept and objectives of regulatory impact assessment. At the same time, we draw attention to the absence of a unified definition of “regulatory impact assessment” enshrined in the legislation. We propose to define at the legislative level a list of principles on which this procedure is based. As a result of study, we note the high social significance of the assessment of draft regulatory legal acts and decisions, we note the results that its implementation in practice leads to.

Keywords: regulatory impact assessment, public administration, state regulation, regulatory policy, draft regulatory legal acts

Acknowledgements: Prepared within the framework of the project “Development and improvement of legal conditions for attracting the business community to the regulatory impact assessment in the Tambov region”, supported by the results of the regional competition “Grants to support applied research of young scientists in 2020” and carried out on the basis of Agreement no. 7-MU-20 at the expense of the regional budget.

References

1. Andreyeva L.A. Otsenka reguliruyushchego vozdeystviya (pravovoy aspekt) [Regulatory impact assessment (legal aspect)]. *Voprosy sovremennoy yurisprudentsii* [Issues of Modern Jurisprudence], 2016, no. 12 (62), pp. 70-82. (In Russian).
2. Kolegov V.V. Otsenka reguliruyushchego vozdeystviya: opyt vnedreniya na regional'nom urovne [Regulatory impact assessment: implementation experience at the regional level]. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik – E-Journal Public Administration*, 2013, no. 39, pp. 95-112. (In Russian).

The article was submitted 17.07.2021

Approved after reviewing 15.09.2021

Accepted for publication 22.09.2021

Information about the author

Roman V. Zelepukin, Candidate of Law, Deputy Director of Law and National Security Institute for Scientific Work, Associate Professor of Constitutional and International Law Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, lexcomlex@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0307-4385>

Anna V. Lipuntsova, Candidate of Law, Associate Professor of Constitutional and International Law Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, anna-lipuncova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8242-0305>

For citation

Zelepukin R.V., Lipuntsova A.V. Otsenka reguliruyushchego vozdeystviya: problemy pravovogo regulirovaniya i privilecheniya predprinimatel'skogo soobshchestva k provodimym protseduram [Regulatory impact assessment: legal regulation issues and involvement of the business community in the proceedings]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 19, pp. 388-399. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-388-399> (In Russian, Abstr. in Engl.)

Работа доступна по лицензии
Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0
Всемирная

2021. Т. 5. № 19 АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law.html>

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA = CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2021, vol. 5, no. 19 <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng.html>
ISSN 2587-9340

Перечень ВАК, РИНЦ, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

© Кушнир И.В., 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.114.3

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-400-411

Шифр научной специальности 12.00.01

ОГРАНИЧИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ЕЕ ДЕЙСТВИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРИНЦИПА СОРАЗМЕРНОСТИ

И.В. Кушнир

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

410056, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Вольская, 1

irinavkushnir@mail.ru

Аннотация. Привлечено внимание к проблеме риска излишнего ограничения прав и свобод человека и гражданина в процессе установления и применения института юридической ответственности государством. Рассмотрены общетеоретические вопросы понятия и функций юридической ответственности. Обоснована позиция о необходимости выделения у юридической ответственности ограничительной функции. Как межотраслевой институт российского законодательства, юридическая ответственность характеризуется выполнением следующих функций: ограничительной, превентивной, гарантирующей, восстановительной и воспитательной. Обращено внимание на вопросы соразмерности юридической ответственности в отношении ее ограничительной функции. Раскрыто содержание принципа соразмерности в отношении юридической ответственности как межотраслевого института законодательства. Представлено, что активно применяемое в правовой политике государства средство в виде правового наказания и юридической ответственности в целом должно в максимальной степени соответствовать принципу соразмерности в целях недопущения произвольного и чрезмерного ограничения прав и свобод. Различного рода отклонения, отступления от действия принципа соразмерности юридической ответственности предполагается трактовать в теории в качестве одной из важнейших предпосылок формирования дисфункции и дисбаланса рассматриваемого ин-

ститута. Нарушение принципа соразмерности ответственности в праве предлагается трактовать в качестве ее дисфункции.

Ключевые слова: система юридической ответственности, функции юридической ответственности, принципы права, соразмерность ответственности в праве

ВВЕДЕНИЕ

Установление и применение современным государством меры юридической ответственности составляют существенную часть в деле реализации им функции охраны прав и свобод человека и гражданина и обеспечения правопорядка в обществе. Одновременно существует риск несбалансированного и несоразмерного использования данного инструмента в рамках правовой политики государства, эффект от реализации которой имеет порой отрицательное значение для цели охраны прав и свобод человека. Одним из важнейших критериев (пределов) действия ограничительной функции института юридической ответственности выступает требование-принцип о ее соразмерности.

Актуальность и научно-практическую значимость изучения проблем ограничительного воздействия права и юридической ответственности как его важнейшего охранительного института весьма точно характеризует Н.А. Власенко, обращая внимание на следующие моменты: «Ограничение и право всегда были рядом; достаточно вспомнить о том, что право зародилось как ограничение, запрет. ...Право ограничивает действия личности даже в тех случаях, когда что-то предоставляет или наделяет правомочиями. Следует согласиться с тем, что в периоды тоталитаризма и диктатуры «ограничительный фактор» в праве возрастает. В то время как при либеральном и демократическом режимах ограничения в праве уменьшаются, общество тем самым более свободно. Проектируя юридические нормы, формируя тот или иной нормативный правовой акт, необходимо отчетливо представлять, насколько он будет ограничивать свободу» [1, с. 42].

С учетом отмеченных обстоятельств представляется теоретически и практически значимым обращение на уровне общей теории права к вопросам соразмерности юридической ответственности в отношении ее ограничительной функции.

Категория «соразмерность» и соответствующий ей принцип по настоящий момент не получили обстоятельно рассмотрения на общетеоретическом уровне в отечественном правоведении. В отраслевой же юридической литературе принцип соразмерности достаточно часто

выступает объектом специального исследования [2, с. 203; 3, с. 5; 4, с. 209], в результате которых накоплен вполне объемный и содержательный материал для последующего теоретического обобщения. Соразмерность раскрывается авторами в качестве правового понятия, общеправового принципа, требования по законодательному установлению и практическому применению мер ответственности.

Не меньший интерес вызывает проблема соразмерности ответственности и у представителей зарубежной юридической науки, которые, однако, оперируют термином «пропорциональность» в своих работах по обозначенной тематике [5, р. 111].

В отдельных зарубежных источниках можно обнаружить достаточно интересные утверждения о наличии сложно-структурированного содержания у принципа пропорциональности (соразмерности) юридической ответственности, представляющего собой единство следующих элементов: условия о легитимности цели запрета и наказания за его нарушение; требования по обеспечению баланса частных и публичных интересов; пригодности применяемых мер [6, S. 430]. Кроме того, иностранные специалисты справедливо трактуют общее начало о соразмерности (пропорциональности) ограничения прав и свобод человека и гражданина в качестве корректирующего, обеспечивающего баланс ряда иных законодательных требований в отношении системы юридической ответственности и права в целом. При этом принцип пропорциональности, применяемый в ходе правоприменительной практики (прежде всего судебной), позволяет сбалансировать юридическую ответственность как межотраслевой институт законодательства посредством судебного контроля в целях недопущения чрезмерного ограничения прав и свобод со стороны правотворческих органов государственной власти. Особенно данный тезис справедлив в отношении установления пределов ограничительной функции правового наказания [7, р. 263]. Одновременно исследователи зачастую не ограничиваются исключительно позитивистской трактовкой сущности и содержания права и обращаются к социологическому подходу и структурно-функциональному анализу.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Последний из указанных методов представляется нам наиболее перспективным в изучении проблем соразмерности юридической ответственности, поскольку позволяет более тщательно проанализиро-

вать наложение данного принципа на процесс реализации той или иной конкретной ее функции. В рамках настоящей статьи целью исследования выступает обнаружение общих закономерностей реализации требований принципа соразмерности в отношении ограничительной функции юридической ответственности.

Однако, прежде чем обратиться к проблеме соразмерности юридической ответственности, кратко сформулируем собственную позицию по вопросу о понятии и видах юридической ответственности, выделив особо ее ограничительную функцию в качестве объекта действия принципа соразмерности.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В качестве отправного будем ориентироваться на определение функций юридической ответственности, согласно которому под ними следует понимать основные направления ее воздействия на социальные отношения, а также на законность, правопорядок и состояние конституционности в обществе, характеризующие ее основное содержание и социальное предназначение [8, с. 42]. Данная дефиниция представляется нам достаточно выверенной, поскольку представленное определение позволяет не допустить их отождествление, с одной стороны, с функциональностью ответственности, которая есть сам процесс реализации ее функций, а с другой – с результатами воздействия ответственности на общественные отношения.

Несмотря на наличие целого ряда специальных исследований по проблемам функций юридической ответственности, выполненных за последние четверть века [9–11], к сожалению, можно констатировать отсутствие единой и общепризнанной концепции по данному разделу общего учения о юридической ответственности.

Особой дискуссионностью отличается вопрос о конкретных функциях, выделяемых у юридической ответственности. В литературе наличествует обоснование достаточно широко круга функций у рассматриваемого института, часть которых вполне очевидно дублируют друг друга. В их числе выделим, например: регулятивную, охранительную, превентивную, профилактическую, воспитательную, карательную, штрафную, восстановительную, стимулирующую, компенсационную, организующую, функцию социального контроля и др. Одновременно встречаются работы, в которых обозначаются сдвоенные функции от-

ветственности в виде восстановительно-компенсационной и карательно-штрафной [12, с. 430-437].

Однако далеко не все исследователи поддерживают позицию о необходимости выделения восстановительной и регулятивной функции юридической ответственности. Так, В.В. Кожевников приводит заслуживающие внимания доводы о нецелесообразности признания у юридической ответственности восстановительной функции, поскольку это противоречит идеи о дифференциации, отграничении мер ответственности от средств защиты права. Так, полагает исследователь, лишь последние могут характеризоваться наличием у них восстановительной функции, а юридическая ответственность, будучи по своей природе инструментом наказания виновного лица за совершенное правонарушение, не способна оказывать восстановительного воздействия. В итоге В.В. Кожевников приходит к выводу о наличии у юридической ответственности исключительно трех функций – карательной (штрафной), превентивной и воспитательной [13, с. 9].

Н.Л. Соломеник, напротив, отстаивает точку зрения, согласно которой восстановительная функция имманентно присуща ответственности, поскольку она реализуется посредством закрепления в охранительных нормах права обязанности лица, совершившего правонарушение, по восстановлению права, изначального состояния общественного отношения, а также благодаря закреплению в юридических предписаниях компетенции органов государственной власти по принуждению правонарушителя к исполнению обязанности по восстановлению нарушенного права [11, с. 7-8]. В данном понимании восстановительная функция у юридической ответственности трактуется весьма широко, что, на наш взгляд, позволяет все же признать обоснованным ее выделение у рассматриваемого института, поскольку автор восстановительную функцию не отождествляет с простой компенсацией вреда или возмещением ущерба, а определяет ее исходя из способности восстанавливать общественные отношения в целом, обеспечивая тем самым достижение цели социальной справедливости.

М.П. Трофимова в своем специальном диссертационном исследовании, посвященном функциям юридической ответственности, в их числе называет пять: превентивную, регулятивную, карательную, восстановительную и воспитательную [14, с. 9-10]. По нашему мнению, наибольшие возражения вызывает выделение у ответственности именно регулятивной функции ввиду того обстоятельства, что данный институт имеет преимущественно охранительную направленность, со-

действуя реализации охранительной функции права в целом. В противном случае создаются условия для неоправданного отождествления регулятивной и охранительной функции права на примере функциональной характеристики юридической ответственности, для нивелирования основного предназначения анализируемого инструмента.

Одновременно заслуживает критики позиция о признании за юридической ответственностью стимулирующей функции. Более точным нам видится выделение ограничительной функции ответственности, поскольку ее содержание напрямую связано с ограничением правонарушителя в правах, свободах, в претерпевании им имущественных, организационных и иных лишений. Стоит усомниться в возможности стимулирования правомерного поведения непосредственно через реализацию мер юридической ответственности. Так называемое «косвенное стимулирование» посредством угрозы наказания правомерного поведения составляет содержание иной функции юридической ответственности – превентивной, а следовательно, закрепление за юридической ответственностью стимулирующей функции ведет к дублированию превентивной, а также к нелогичному отождествлению стимулирования и ограничения в праве.

Представляется, что в юридической литературе характеристика функций юридической ответственности будет неполной в случае упущения из поля зрения ее гарантирующей функции. Весьма важной представляется роль ответственности в качестве ведущей специально-юридической гарантии установления режима законности и обеспечения правопорядка в обществе.

Кроме того, подвергнем критике идею, имеющую широкое признание в отечественном правоведении, о наличии у юридической ответственности карательной функции. Думается, что такое наименование функции через указание на термин «кара» является неудачным и влечет за собой признание у правового наказания цели кары, что не соответствует современным потребностям общества, которое не требует от ответственности возмездного характера и устрашения правонарушителя. Более точным и отвечающим потребностям общества нам представляется выделение у юридической ответственности ограничительной функции как важнейшего направления ее информационно-психологического действия.

Таким образом, юридическая ответственность как межотраслевой институт российского законодательства характеризуется, по нашему

мнению, выполнением следующих функций: ограничительной, превентивной, гарантирующей, восстановительной и воспитательной.

Под ограничительной функцией юридической ответственности предлагаем понимать относительно самостоятельное направление ее информационно-психологического и охранительного воздействия на субъект правонарушения, реализуемое посредством ограничения личных, имущественных и иных прав, а также в результате использования мер организационно-ограничительного характера. При этом устанавливаемые ограничения в рамках института юридической ответственности не имеют своей целью кару, а, напротив, преследуют цели достижения социальной справедливости, восстановления права и предупреждения совершения правонарушений в будущем.

Достижению обозначенных целевых установок способствует принцип соразмерности, являющийся общим отправным началом всей системы юридической ответственности в целом, распространяя свое действие на все ее виды.

Представляется, что активно применяемое в правовой политике государства средства в виде правового наказания и юридической ответственности в целом должны в максимальной степени соответствовать принципу соразмерности в целях недопущения произвольного и чрезмерного ограничения прав и свобод. В противном случае государственные служащие, наделенные достаточно широкими полномочиями в сфере государственно-правового принуждения, потенциально способны привести систему юридической ответственности к состоянию ее дисфункции и дисбаланса, одновременно превратив ее в орудие «чиновничьего произвола», коррупции и злоупотребления властью.

Конституционный принцип соразмерности пронизывает собой и межотраслевой институт юридической ответственности, в котором он конкретизируется в принцип соразмерности наказания совершенному виновному противоправному деянию. Отступление в законодательной и правоприменительной практике от данного принципа с неизбежностью вызывает дисбаланс в системе юридической ответственности, выражающийся в нарушении баланса частных и публичных интересов.

При этом следует отметить корреляцию таких общеправовых принципов, как справедливость, равенство и соразмерность. Система российского законодательства, следуя общему началу справедливости, предусматривает правовые наказания таким образом, чтобы обеспечить тем самым возможность применения конкретной меры ответственности с учетом личности правонарушителя, характера виновного

деяния, степени его вредности или опасности для общественных отношений, размера причиненного вреда. Применительно к институту ответственности в праве справедливость как интегрирующий принцип распадается на два относительно самостоятельных требования (принципа), диалектически связанных между собой, – равенства и соразмерности (пропорциональности) [15, с. 110-111].

Юридическое равенство как составляющая более общего начала справедливости в праве предполагает применение мер юридической ответственности исключительно таким образом, чтобы правонарушитель независимо от его социального и правового статуса был подвергнут правовому наказанию в соответствии с законом на равных основаниях.

Принцип соразмерности, в свою очередь, как условие реализации начала справедливости в системе юридической ответственности, ориентирует нас на обеспечение должного сбалансированного соотношения конкурирующих правовых ценностей, в результате чего становится возможным достижение баланса частных и публичных интересов в праве. При этом следует отметить, что принцип соразмерности в российском праве является результатом рецепции общеевропейского принципа пропорциональности, который получил широкое применение в том числе и в судебной практике Европейского сообщества. Содержание рассматриваемого принципа сводится к тому, что государство в лице своих органов и должностных лиц не вправе устанавливать в отношении граждан мер ответственности и иных ограничений, превышающих пределов необходимости и достаточности подобных инструментов исходя из общих публичных целей правового регулирования.

ВЫВОДЫ

Соответствие мер юридической ответственности в деле ограничения прав и свобод публичным целям выступает достаточно четким критерием допустимости (пределом действия) ограничительной функции правового наказания, выходя за который оно должно оцениваться в качестве произвола государства и нарушения общих начал права. Думается, различного рода отклонения, отступления от действия принципа соразмерности юридической ответственности можно трактовать в теории в качестве одной из важнейших предпосылок формирования дисфункции и дисбаланса рассматриваемого института. В итоге дисфункция юридической ответственности будет представлять собой неосновное негативное направление воздействия предписаний системы

юридической ответственности, несогласующееся с основными целями и принципом соразмерности наказания и совершенного противоправного деяния, влекущее за собой дисбаланс частных и публичных интересов. Следовательно, применительно к институту юридической ответственности принцип соразмерности призван обеспечить надлежащую реализацию ее ограничительной функции, не допустив при этом ее превращения, трансформации в собственный антипод в виде своеобразной дисфункции по чрезмерному ограничению прав и свобод граждан, злоупотребления властью лицами, устанавливающими и применяющими меры юридической ответственности на практике.

Список литературы

1. *Власенко Н.А.* Проблема достаточности и агрессивности правового регулирования // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 41-47.
2. *Гаджиева М.Г., Пирбудагова Д.Ш.* Ограничения прав и свобод человека и гражданина: реализация принципа соразмерности при ограничении прав и свобод // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4 (143). С. 202-204.
3. *Зеленин С.Р.* Критерием справедливости всегда была и остается соразмерность наказания содеянному // Судья. 2020. № 8 (116). С. 4-9.
4. *Лабутин М.А.* Принцип соразмерности ограничения избирательных прав осужденных к лишению свободы: международное право и российское законодательство // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. С. 203-214.
5. *Alexy R.* Human dignity and proportionality analysis // Estacio Journal of Law. 2015. Vol. 16. Issue 3. P. 110-115.
6. *Voßkuhle A.* Der Grundsatz der Verhältnismäßigkeit // Juristische Schulung. 2007. Bd. 47, H. 5. S. 429-431.
7. *Ristroph A.* Proportionality as a Principle of Limited Government // Duke Law Journal. 2005. Vol. 55. № 2. P. 262-264.
8. *Витрук Н.В.* Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., исправл. и доп. М.: Норма, 2009. 300 с.
9. *Мацкевич А.В.* Реализация функций юридической ответственности органами государственной власти: на примере прокуратуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
10. *Катасонов А.В.* Превентивная функция юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010. 26 с.
11. *Соломеник Н.Л.* Восстановительная функция юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 30 с.
12. *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2007. 934 с.
13. *Кожевников В.В.* Функции юридической ответственности: общетеоретические и отраслевые аспекты // Современное право. 2015. № 4. С. 5-14.
14. *Трофимова М.П.* Функции юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 25 с.

15. *Максимова И.В.* Административные наказания. М.: Норма, 2009. 464 с.

Статья поступила в редакцию 01.09.2021 г.

Одобрена после рецензирования 15.09.2021 г.

Принята к публикации 22.09.2021 г.

Информация об авторе

Кушнир Ирина Владимировна, старший преподаватель кафедры теории государства и права, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация, irinavkushnir@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6268-3482>

Для цитирования

Кушнир И.В. Ограничительная функция юридической ответственности и пределы ее действия сквозь призму принципа соразмерности // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 400-411. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-400-411>

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-400-411

THE RESTRICTIVE FUNCTION OF LEGAL RESPONSIBILITY AND THE LIMITS OF ITS ACTION THROUGH THE PRISM OF PROPORTIONALITY PRINCIPLE

I.V. Kushnir

Saratov State Law Academy

1 Volskaya St., Saratov 410056, Russian Federation

irinavkushnir@mail.ru

Abstract. We draw attention to the problem of excessive restriction risk of human and civil rights and freedoms in the process of establishing and applying the institution of legal responsibility by the state. We consider general theoretical issues of the concept and functions of legal responsibility. We substantiate the position on the need to separate the restrictive function from legal liability. As an intersectoral institution of Russian legislation, legal responsibility is characterized by the performance of the following functions: restrictive, preventive, guaranteeing, restorative and educational. We draw attention to the issues of legal liability proportionality in relation to its restrictive function. We disclose the content of proportionality principle in relation to legal responsibility as an intersectoral institution of legislation. We imagine that the remedy actively used in the legal policy of the state in the form of legal punishment and legal responsibility in general should correspond to the maximum extent to proportionality principle in order to prevent arbitrary and

excessive restriction of rights and freedoms. Various kinds of deviations, deviations from the principle of proportionality of legal responsibility are supposed to be interpreted in theory as one of the most important prerequisites for the formation of dysfunction and imbalance of the institution in question. Violation of proportionality principle of responsibility in law is proposed to be interpreted as its dysfunction.

Keywords: legal responsibility system, legal responsibility functions, principles of law, proportionality of responsibility in law

References

1. Vlasenko N.A. Problema dostatochnosti i agressivnosti pravovogo regulirovaniya [Problems of sufficiency of legal regulation in the modern Russian society]. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 1 (41), pp. 41-47. (In Russian).
2. Gadzhiyeva M.G., Pribudagova D.S. Ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina: realizatsiya printsipa sorazmernosti pri ogranichenii prav i svobod [Restrictions on the rights and freedoms of man and citizen: implementation of the principle of proportionality while restricting rights and freedoms]. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal*, 2020, no. 4 (143), pp. 202-204. (In Russian).
3. Zelenin S.R. Kriteriyem spravedlivosti vsegda byla i ostayetsya sorazmernost' nakazaniya sodeyannomu [The criterion of justice has always been and remains the proportionality of punishment for the deed]. *Sud'ya [Judge]*, 2020, no. 8 (116), pp. 4-9. (In Russian).
4. Labutin M.A. Printsip sorazmernosti ogranicheniya izbiratel'nykh prav osuzhdennykh k lisheniyu svobody: mezhdunarodnoye pravo i rossiyskoye zakonodatel'stvo [Principle of proportionality of restriction of electoral rights sentenced to detention of freedom: international law and Russian legislation]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii [Russian Justice Issues]*, 2020, no. 7, pp. 203-214. (In Russian).
5. Alexy R. Human dignity and proportionality analysis. *Estacio Journal of Law*, 2015, vol. 16, issue 3, pp. 110-115.
6. Voßkuhle A. Der Grundsatz der Verhältnismäßigkeit. *Juristische Schulung*, 2007, Bd. 47, H. 5, S. 429-431 (In German).
7. Ristroph A. Proportionality as a Principle of Limited Government. *Duke Law Journal*, 2005, vol. 55, no. 2, pp. 262-264.
8. Vitruk N.V. *Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti* [General Theory of Legal Liability]. Moscow, Norma Publ., 2009, 300 p. (In Russian).
9. Matskevich A.V. *Realizatsiya funktsiy yuridicheskoy otvetstvennosti organami gosudarstvennoy vlasti: na primere prokuratury: avtoref. ... kand. yurid. nauk* [Implementation of the Functions of Legal Responsibility by Public Authorities: the Example of the Prosecutor's Office. Cand. jurid. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2006. (In Russian).
10. Katasonov A.V. *Preventivnaya funktsiya yuridicheskoy otvetstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Preventive Function of Legal Responsibility. Cand. jurid. sci. diss. abstr.]. Kazan, 2010, 26 p. (In Russian).
11. Solomenik N.L. *Vosstanovitel'naya funktsiya yuridicheskoy otvetstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Restorative Function of Legal Responsibility. Cand. jurid. sci. diss. abstr.]. Kazan, 2007, 30 p. (In Russian).

12. Khachaturov R.L., Lipinskiy D.A. *Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti* [General Theory of Legal Liability]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr-Press Publ., 2007, 934 p. (In Russian).
13. Kozhevnikov V.V. Funktsii yuridicheskoy otvetstvennosti: obshche-teoreticheskiye i otraslevyye aspekty [Functions of legal responsibility revisited: general and sectoral aspects]. *Sovremennoye pravo – Modern Law*, 2015, no. 4, pp. 5-14. (In Russian).
14. Trofimova M.P. *Funktsii yuridicheskoy otvetstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Functions of Legal Responsibility. Cand. jurid. sci. diss. abstr.]. Saratov, 2000, 25 p. (In Russian).
15. Maksimova I.V. *Administrativnyye nakazaniya* [Administrative Penalties]. Moscow, Norma Publ., 2009, 464 p. (In Russian).

The article was submitted 01.09.2021

Approved after reviewing 15.09.2021

Accepted for publication 22.09.2021

Information about the author

Irina V. Kushnir, Senior Lecturer of Theory of State and Law Department, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, irinavkushnir@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6268-3482>

For citation

Kushnir I.V. Ogranichitel'naya funktsiya yuridicheskoy otvetstvennosti i predely eye deystviya skvoz' prizmu printsipa sorazmernosti [The restrictive function of legal responsibility and the limits of its action through the prism of proportionality principle]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 19, pp. 400-411. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-400-411> (In Russian, Abstr. in Engl.)

Работа доступна по лицензии
Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0
Всемирная

2021. Т. 5. № 19 <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law.html>

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA = CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2021, vol. 5, no. 19 <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng.html>
ISSN 2587-9340

Перечень ВАК, РИНЦ, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

© Феднева Н.Л., 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.4+351.741

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-412-424

Шифр научной специальности 12.00.01

МИНИСТЕРСТВО ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА М.М. СПЕРАНСКОГО

Н.Л. Феднева

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя»

117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12

nfedneva@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены не являвшиеся ранее объектом специального исследования взгляды М.М. Сперанского на сферу полицейского управления, а также особенности реализации его проекта создания Министерства полиции Российской империи, призванного, по замыслу создателя, обеспечивать не только порядок и безопасность, но и надзор за законностью деятельности администрации на местах. Сделаны выводы: во-первых, формирование взглядов Сперанского проходило под воздействием внутренних потребностей укрепления власти и поддержания порядка, возникших в Российской империи в начале XIX века; во-вторых, влияние на Сперанского оказали последний представитель европейской школы римского права, идеолог Просвещенного абсолютизма Ж. Дома, который первым в Европе увидел в полиции универсальный инструмент поддержания порядка на основе норм публичного права, и правовед-полицист Н. Деламар, осуществивший систематизацию французского полицейского законодательства. Министерство полиции Российской империи, созданное по проекту Сперанского, должно было обеспечить соблюдение законности на основе публичного права и от имени государства, а также защищать и при необходимости восстанавливать права подданных как частных лиц. Решение этой задачи в рамках предложенной Сперанским теоретической концепции, отражавшей потребности развития российского общества, требовало долгосрочной перспективы и включало постепенную перестройку деятельности полиции, разработку

соответствующего правового, идеологического и кадрового обеспечения и, по сути, означало переход к правовому государству. Подчеркнут вклад Министерства полиции в обеспечение победы в Отечественной войне 1812 г. и предположены причины его включения в состав Министерства внутренних дел в 1819 г.

Ключевые слова: конституционализм М.М. Сперанского, Министерство полиции Российской империи, законность, легальное государство, правовое государство

Законопроекты М.М. Сперанского, которые можно рассматривать в узком смысле как системное изложение концепции конституционной монархии, применительно к особенностям Российской империи, а в широком смысле – как теоретические подходы к государственному управлению, – уже на стадии их разработки являлись объектом пристального внимания современников. Интерес к ним усиливался в XIX–XXI веках каждый раз, когда на повестку дня вставал вопрос об изменении государственного строя [1–4].

Вместе с тем анализу взглядов Сперанского на реформирование полицейского управления, которому он уделял особое внимание на пике своей карьеры как государственного чиновника, не посвящено ни одной специальной работы. Это не может не удивлять, поскольку сама постановка проблемы дает возможность проследить, как шло претворение в жизнь замысла реформатора во время создания Министерства полиции, оценить степень соответствия идеальной модели реальности и проанализировать объективные и субъективные факторы, воспрепятствовавшие реализации проекта.

Цель данной публикации состоит в том, чтобы проследить процесс концептуализации взглядов М.М. Сперанского на полицию как централизованный орган поддержания законности и безопасности в Российской империи, как на правовой и социальный институт, являющийся неотъемлемым элементом правоохранительной системы государства, в котором власть монарха действует в рамках закона. Эти взгляды в той или иной степени нашли отражение в нормативных актах, принятых в первой половине XIX века и определивших структуру содержания и формы деятельности российской полиции.

Итак, о самостоятельной полицейской власти в России впервые заговорили при обсуждении проектов реформ государственного строя в Негласном комитете. Уже на первых заседаниях молодые реформаторы констатировали необходимость разделения понятий общего госу-

дарственного и полицейского управления, которые до последней четверти XVIII века в России традиционно не разделялись.

В Европе идею «универсальной полиции» как инструмента управления в эпоху абсолютной монархии выдвинул юрист-правовед Жан Дома в своем сочинении «Гражданские законы, упорядоченные в духе естественного права» (*“Les Lois civiles dans leur ordre naturel”*), опубликованном в 1689 г. [5, р. XLVI-XLVII, 43].

Концепция полиции как инструмента государственного управления была предметно проработана в вышедшем в 1705–1738 гг. во Франции трехтомном «Трактате о полиции» Н. Деламара [6].

В России вопрос о полиции как социальном институте, имеющем как нормативную правовую (уставы), так и организационную (полицейские учреждения) основы, поставила Екатерина II в XXI Дополнительной статье своего Наказа Уложенной комиссии (1768). С принятием Учреждения для управления губерний Всероссийской империи (1775) и Устава благочиния, или полицейского (1782) началась кодификация полицейского законодательства, однако, организационно полиция оставалась децентрализованной и содержалась за счет местного бюджета.

В одном из первых докладов на заседаниях Негласного комитета, сделанном графом А. Чарторыйским, было предложено учредить особую полицейскую власть под началом Правительствующего Сената [7, с. 178], в чем прослеживалось прямое заимствование из французской системы организации судебной власти. Как известно, М.М. Сперанский, не имея права голоса на заседаниях, выполнял задачу спичрайтера – составлял конспекты для высокопоставленных докладчиков. Возможно предположить, что идея применить французский опыт принадлежала именно М.М. Сперанскому, подтверждением чему служит тот факт, что он и впоследствии неоднократно предлагал использовать в России французский образец организации полицейской власти.

В предложении А. Чарторыйского о выделении отдельной полицейской власти под контролем Сената можно усмотреть либеральный подход с точки зрения правового государства и разделения властей. Но это предложение на тот момент не учитывало объективно сложившийся российский опыт. Во французской модели проявились такие особенности происхождения полицейской власти, как ее зарождение в раннем Средневековье при судах, относительно автономных от королевской администрации, с последующим установлением контроля над

судами и полицией со стороны абсолютного монарха при Людовике XIV и его преемниках, а затем лично императора Наполеона I.

В России формирование системы охраны общественного порядка шло иначе, полиция вела свое происхождение от военной администрации – княжеской дружины, государевых объезжих голов, царских стрельцов. Регулярная полиция, созданная при Петре I как орган общего управления, традиционно опиралась не на суды, а на военные гарнизоны. При этом полиция при необходимости выполняла функции розыска и дознания; осуществление досудебного расследования (включая следствие с направлением дел в суд) было закреплено исключительно за полицией только при Екатерине II, однако это направление деятельности являлась одним из многих и далеко не основным.

Субъективный фактор также сыграл свою роль в отклонении предложения А. Чарторыйского о передаче полиции под контроль Сената: Александр I увидел в контроле Сената над полицией усиление роли закрепившейся в этом органе екатерининской аристократии и, как следствие, угрозу своему правлению. Проект создания полицейской власти под контролем Сената был отвергнут.

В процессе последующих обсуждений в Негласном комитете судьба полицейской власти была решена следующим образом: первоначально экспедиция полиции была включена в состав Министерства внутренних дел – исполнительного органа в сфере благосостояния, но предполагалось, что в дальнейшем будет произведено обособление полиции и создание отдельного министерства – Министерства полиции.

Опираясь на разработанные конспекты докладов и учитывая ход обсуждения, Сперанский в 1803 г. составил «Записку об устройстве судебных и правительственных учреждений в России». Сравнение «Записки» с протоколами заседаний Негласного комитета позволяет проследить дальнейшее развитие его мысли.

Учитывая негативную реакцию Александра I на предложение создать «полицейскую власть» под контролем Сената, будущий реформатор отказался от термина «полицейская власть» и заменил его терминами «полиция», «сила полиции».

Анализ задач и основных направлений деятельности полиции занимает значительное место – почти 5 страниц – в «Записке» 1803 г. [8, с. 30-35]. При этом в подходах Сперанского к полицейской деятельности заметно влияние концепции полицейского государства, в частности трактата Н. Деламара, в котором четко обозначена идея контроля полиции над всеми сферами народной жизни. Созданный в эпоху абсо-

лютизма, трактат Деламара ориентировал на поддержание законности на практике, систематизируя сложившееся законодательство по всем многочисленным отраслям полицейского управления.

Оценивая современный ему государственный строй России как самодержавие, не ограниченное законом, Сперанский видел главную задачу реформ государственного управления в том, чтобы поставить власть монарха в рамки твердого закона. Это не умаляло бы верховную власть, по его мнению, а наоборот, придавало бы ей большую силу и авторитет.

Ведущая роль в поддержании законности отводилась им именно полиции, которая понималась как «средство, избранное правительством к сохранению действия закона в его непрерывности, способ удерживать деяния людей в порядке и пресекать всякое насилие» [7, с. 33]. *«Полиция есть непрерывное действие закона, удерживающее ... назначенный порядок»* [7, с. 36] (курсив мой. – Н. Ф.).

Обращаясь в очередной раз к французскому опыту, следуя разработанной во Франции классификации полиции по видам деятельности, М.М. Сперанский указывал три способа удерживать закон в непрерывном действии, которым соответствуют три вида полиции: 1) исполнительная полиция, восстанавливающая нарушенную законность; 2) смирительная полиция, пресекающая насилие на месте; 3) предохранительная полиция, предупреждающая насилие [8, с. 31-33].

Все дальнейшие преобразования, которые планировалось осуществить после создания министерств, по замыслу М.М. Сперанского, должны были быть направлены на укрепление законности, соотносимое им с усилением державной власти. Эту цель реформатор провозгласил в качестве основной в своем наиболее полном проекте – «Плане государственного преобразования (введении к Уложению государственных законов 1809 г.)», содержавшем проект конституции. Отдавая дань критике консерваторов, Сперанский еще в «Записке» 1803 г. термин «конституция» заменил термином «государственные законы», сделав специальную оговорку [8, с. 29].

В «Плане» Сперанский воспользовался классификацией, предложенной ранее французским правоведом XVII века Ж. Дома [5, р. XLVI] и ставшей достаточно распространенной среди правоведов того времени, согласно которой законы делились на две группы. К первой относились законы преходящие, создаваемые людьми в соответствии с изменяющимися обстоятельствами, которые могут быть изменены без ущерба для существующего порядка.

Ко второй части Ж. Дома относил законы незыблемые, непеременимые, составляющие основу общества [5, р. LVI-LVII]. Сперанский определяет их как «коренные, неподвижные, первообразные», «с которыми бы все другие законы могли быть соображаемы». Сперанский на момент написания «Плана государственного преобразования» подразумевает по умолчанию светское происхождение коренных законов, он видит их основание в нравственных и физических силах людей, в народе, тогда как Дома считал основанием непеременимых законов Божественную волю, выраженную в Священном писании. В отличие от Дома, Сперанский выступает сторонником теории разделения властей: «Три силы движут государством: сила законодательная, исполнительная и судная. Начало и источник сих сил в народе: ибо он есть не что другое суть, как нравственные и физические силы людей в отношении к общежитию. Соединенное действие сих сил составляет державную власть. Сопряжения их в державной власти могут быть многоразличны. Из сих многоразличных сопряжений коренные законы определяют один постоянный и непременный» [8, с. 2]. Примечательно, что по прошествии времени в лекциях для наследника престола, будущего императора Александра II, Сперанский откажется от идеи светского происхождения первообразных законов в пользу их Божественного происхождения.

Согласно представлениям Сперанского, созвучным Дома, коренной закон действует в двух направлениях: во-первых, он определяет структуру органов власти – «державную власть и политические права ее»; во-вторых, он «рождает права подданных» [8, с. 2]. Следуя за определением «универсальной полиции», данным Ж. Дома [5, р. XLVI-XLVII], Сперанский настаивает на том, что полиция обеспечивает действие коренного закона и наказывает за его нарушения, поддерживая равновесие между «силами личного самолюбия, все в себе влекущего, и силами закона, все относящего к общему благу» [8, с. 30].

Характеризуя ветви державной власти, Сперанский относит полицию к исполнительной власти (правительству, министерствам); им подтверждена обозначенная ранее, в «Записке» 1803 г., необходимость создания Министерства полиции. Новой, по сравнению с подходом, изложенным в «Записке», является идея охраны законности и прав подданных всех сословий как главная цель деятельности Министерства полиции.

«Прежде нежели можно думать о промышленности и народном богатстве, прежде нежели можно помышлять о казенных доходах, *долж-*

но оградить лицо и стяжание каждого безопасностью: посему то и выше было замечено, что часть сия (министерство полиции. – Н. Ф.) должна служить всем другим внутренним частям утверждением и некоторым ручательством в успехе их предприятий» (курсив мой. – Н. Ф.) [8, с. 24]. Это положение в смысловом плане совпадает с суждениями Ж. Дома о том, что полиция, действующая на основе публичного права и от имени государства, должна защищать и при необходимости восстанавливать права подданных [9, р. 22].

Поэтому-то Сперанский и предлагал учредить Министерство полиции как самостоятельный орган управления, функциями которого стало бы осуществление надзора за законностью, охрана внутренней безопасности и порядка, прав подданных, пресечение и предотвращение преступности. За полицией он предполагал сохранить и досудебное расследование, возложенное на нее «Уставом благочиния, или полицейским» 1782 г. По его мнению, Министерство полиции могло бы стать гарантом прав, которые монарх постепенно будет октроировать. Согласно проекту Сперанского, оно должно было обеспечить соблюдение законности на основе публичного права и от имени государства, а также защищать и при необходимости восстанавливать права подданных как частных лиц.

Решение этой задачи в рамках предложенной Сперанским теоретической концепции требовало долгосрочной перспективы, постепенной перестройки деятельности полиции как социально-политического и правового института российского общества, разработки соответствующего правового, идеологического и кадрового обеспечения, и, по сути, означало переход к новому уровню развития государственности – правовому государству. Практическая реализация проекта растянулась во времени на два столетия и протекала нелинейно, под влиянием различных внешних по отношению к институту полиции как таковому факторов как международного, так и внутреннего характера.

Сперанский же в 1810 г. был назначен на должность государственного секретаря и имел максимальное доверие императора, который утвердил им составленный Манифест «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов, каждому управлению принадлежащих...»¹. Манифест был опубликован 25 июля 1810 г.

В соответствии с Манифестом было создано Министерство полиции, которое получало ведение над «всеми учреждениями к общему благоустройству или к полиции предохранительной относящиеся», а

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXXI. № 24307.

также над полицией исполнительной. Так, в Манифесте были употреблены, как и в проектах, переводные термины, заимствованные из французской модели, содержание которых раскрывалось следующим образом: под полицией предохранительной (*police administrative, preservative, police de surete*) имелись в виду дела продовольственные (хлебные магазины, в которых хранились запасы на случай неурожая), медицинские и карантинные, безопасность путей сообщения, дела по цензурным установлениям, по приказам общественного призрения.

Под полицией исполнительной (*police executive*) понимались подразделения, приводящие в исполнение приговоры судов, осуществлявшие сбор недоимок, а также внутренняя стража, заведения смиренные, рабочие, полиция темничная. Термин «полиция смиренная» (*police coercitive ou repressive*), который Сперанский употреблял во «Введении к уложению государственных законов», в Манифест не вошел. Содержание понятия подпало под термин «полиция исполнительная».

Такое разделение полиции на виды для России было нововведением, не имевшим исторических корней, не понятным большинству чиновников и вызывавшим их неприятие. В дальнейшем под предохранительной функцией полиции понималось обеспечение безопасности.

В целом же проект создания министерства полиции предполагал усиление специализации правоохранительных учреждений, что должно было, по мысли Сперанского, положительно сказаться на повышении эффективности управления, поддержания безопасности и законности.

Контроль соблюдения законности, который рассматривался не как самоцель, а, согласно «Учреждению Министерства Полиции» от 25 июня 1811 г., как важнейший инструмент «охранения внутренней безопасности», стал важнейшей задачей вновь созданного министерства. Министр полиции наделялся полномочиями надзирать за законностью, «доставить скорое и точное ее исполнение»².

Накануне издания Манифеста об «Учреждении Министерства Полиции» именным указом Александра I от 19 июня 1811 г. была установлена обязанность комендантов и городничих доносить «о всех необыкновенных случаях» министру полиции непосредственно, минуя местные власти³. Для исполнения указа на места направлялись чиновники от Министерства полиции, которые получали все нормативные

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXXI. № 24687. Гл. III. Ч. II. С. 721.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXXI. № 24679.

акты о деятельности местных органов и должны были следить за их проведением в жизнь. Тем самым была предпринята попытка установить взаимосвязь между центром и губернскими органами и подотчетность последних. Но контроль со стороны полиции порождал глухое сопротивление со стороны чиновничества как в столицах, так и на местах.

Создание Министерства полиции вызвало принципиальные возражения и опасения со стороны консервативно настроенных представителей российской правящей элиты, выразителем которых стал Н.М. Карамзин. Следуя своим представлениям об абсолютной монархической власти, основанной не столько на законе и охраняющей его бюрократии, сколько на религии и морали общества, Н.М. Карамзин с возмущением вопрошал в «Записке о древней и новой России», представленной Александру I в начале 1811 г., способен ли министр полиции контролировать и опеки, и медицину и прочие сферы, отнесенные к безопасности? [10, с. 58]. Осознавая отличие отечественной модели формирования охраны правопорядка от соответствующей французской, видя отсутствие исторических корней российской полиции России в системе юстиции, историограф указывал на умозрительность проекта отделения полиции от МВД и в перспективе оказался прав: развитие структур полицейского управления в дальнейшем вернулось в рамки МВД.

Таким образом, Министерство полиции Российской империи возникло как «детище» М.М. Сперанского, долженствующее развить просветительские посылы, заложенные реформатором: контроль полиции над соблюдением законности для всех подданных при условии их гражданского равенства, постепенное обретение крестьянами правоспособности, рационализация бюрократического управления.

Однако в краткосрочной перспективе и действующей реальности просветительский настрой Сперанского привел его к переоценке степени могущества Наполеона и благородства намерений последнего в отношении России (да и других покоренных им государств). Франция времен I Империи, возглавляемая представителями новой французской элиты – конгломератом финансистов, чиновников, новых крупных землевладельцев, – стремилась к захватам территорий, ресурсов и увеличению сфер влияния, а отнюдь не к бескорыстному распространению идей эпохи Просвещения, хотя соответствующие идеям просветителей призывы служили завоевателю информационным прикрытием. В силу известного франкофильства Сперанского его дальнейшее пребывание на посту госсекретаря на момент готовящегося нападения напо-

леоновской армии Александр I посчитал опасным для безопасности империи и отправил его в ссылку до начала военных действий, в марте 1812 г.

По воле судьбы, нашедшей выражение в деятельности определенных лиц, Министерство полиции Российской империи, созданное реформатором и поклонником Наполеона М.М. Сперанским, продолжило свой путь в период Отечественной войны 1812 г. и в послевоенные годы без своего создателя.

При этом характерно, что на заложенных реформатором правовых основах Министерство полиции продолжило осуществлять свою деятельность как полицейский институт национального государства, отстаивая интересы формирующейся великорусской нации. В борьбе с Наполеоном оно сыграло выдающуюся роль, его создание накануне войны обеспечило централизованное управление службами охраны порядка и безопасности по всей Российской империи.

Многие заложенные в проекте М.М. Сперанского принципы рационального управления были реализованы впоследствии в деятельности Министерства внутренних дел, в состав которого было включено Министерство полиции в 1819 г. Вектор создания элиты российской рациональной бюрократии, следующей закону и способной защищать закон в сфере полицейской деятельности, был обозначен.

Настоятельная попытка М.М. Сперанского осуществить принцип законности в деятельности полиции и через ее посредство – государственных учреждений – оставила свой след в правовом и политическом сознании общества. В период подготовки отмены крепостного права, пореформенный период и при переходе к думской монархии идеи правового государства, основанного на соблюдении субъективных прав подданных и законности, стремились воплотить в жизнь министры внутренних дел и высшие чиновники МВД, в том числе С.С. Ланской, Н.А. Милютин, М.Т. Лорис-Меликов, П.А. Столыпин и др.

Список литературы

1. Бачило И.Л. Михаил Сперанский и наука управления в России // Русский архив. 1992. № 1. С. 81-139.
2. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского: Т. 1 (ч. 1 и 2). Спб.: Издание Императорской публичной библиотеки, 1861. 283 с.
3. Сперанский С.И. Учение М.М. Сперанского о праве и государстве. М.: Ось-89, 2004. 224 с.
4. Томсинов В.А. Сперанский. М.: Молодая гвардия, 2006. 451 с.
5. Domat J. Les lois civiles dans leur ordre naturel. P.: Nyon aîné, 1777. Т. 1. 586 p.

6. *Delamare N. Traite de la Police, ou l'on trouvera l'histoire de son etablissement, les fonctions et les prerogatives de ses magistrats, toutes les loix et tous les reglements qui la concernent.* P.: Brunet, Michel., 1705–1735. Т. 1–3.
7. *Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817): историческое исследование эпохи императора Александра I: в 3 т. Т. 2.* Спб.: Тип. Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг, 1903. 435 с.
8. *Сперанский М.М. План государственного преобразования (введение к Уложению государственных законов 1809 г.).* М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К. Пимен, 1905. 359 с.
9. *Domat J. Le droit public, suite des lois civiles dans leur ordre naturel et 'Legum delectus'.* P.: Nyon aîné, 1777. Т. 2. 552 p.
10. *Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях.* М.: Наука, 1991. 127 с.

Статья поступила в редакцию 09.07.2021 г.

Одобрена после рецензирования 15.09.2021 г.

Принята к публикации 22.09.2021 г.

Информация об авторе

Феднева Наталья Львовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация, nfedneva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9819-6069>

Для цитирования

Феднева Н.Л. Министерство полиции российской империи: реализация проекта М.М. Сперанского // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 412–424. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-412-424>

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-412-424

MINISTRY OF POLICE OF THE RUSSIAN EMPIRE: IMPLEMENTATION OF THE PROJECT BY M.M. SPERANSKY

N.L. Fedneva

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
named after V.Y. Kikot

12 Academician Volgin St., Moscow 117997, Russian Federation

tumin-msk@mail.ru

Abstract. We consider the views of M.M. Speransky on the sphere of the police department, which were not previously the object of special research, as well as the implementation features of his project for the creation of the Ministry of Police of the Russian Empire, designed, according to the creator's plan, to ensure not only order and security, but also oversee the legality of the administration's activities on the ground. We draw conclusions: firstly, the formation of Speransky's views took place under the influence of internal needs to strengthen power and maintain order that arose in the Russian Empire at the beginning of the 19th century; secondly, Speransky was influenced by the last representative of the European school of Roman law, the ideologue of the Enlightened absolutism J. Dom, who was the first in Europe to see the police as a universal instrument for maintaining order based on the norms of public law, and the lawyer-policeist N. Delamare, who systematized the French police legislation. The Ministry of Police of the Russian Empire, created according to Speransky's project, was supposed to ensure compliance with the rule of law on the basis of public law and on behalf of the state, as well as protect and, if necessary, restore the rights of subjects as private individuals. The solution of this problem within the framework of the theoretical concept proposed by Speransky, which reflected the needs of the development of Russian society, required a long-term perspective and included a gradual restructuring of police activities, the development of appropriate legal, ideological and personnel support and, in fact, meant a transition to the rule of law. We emphasize the contribution of the Ministry of Police to ensuring victory in the Patriotic War of 1812 and suggest the reasons for its inclusion in the Ministry of Internal Affairs in 1819.

Keywords: M.M. Speransky's constitutional ideas, Ministry of Police of the Russian Empire, legitimacy, legal state, constitutional state

References

1. Bachilo I.L. Mikhail Speranskiy i nauka upravleniya v Rossii [Mikhail Speransky and management science in Russia]. *Russkiy arkhiv – Russian Archive*, 1992, no. 1, pp. 81-139. (In Russian).

2. Korf M.A. *Zhizn' grafa Speranskogo: T. 1 (ch. 1 i 2)* [The Life of Count Speransky: Vol. 1 (pts 1 and 2)]. St. Petersburg, Edition of the Imperial Public Library, 1861, 283 p. (In Russian).
3. Speranskiy S.I. *Ucheniye M.M. Speranskogo o prave i gosudarstve* [The Teachings of M.M. Speransky on Law and State]. Moscow, Os-89 Publ., 2004, 224 p. (In Russian).
4. Tomsinov V.A. *Speranskiy* [Speransky]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2006, 451 p. (In Russian).
5. Domat J. *Les lois civiles dans leur ordre naturel*. Paris, Nyon aîné Publ., 1777, vol. 1, 586 p. (In French).
6. Delamare N. *Traite de la Police, ou l'on trouvera l'histoire de son etablissement, les fonctions et les prerogatives de ses magistrats, toutes les loix et tous les reglements qui la concernent*. Paris, Brunet, Michel. Publ., 1705–1735, vol. 1–3. (In French).
7. Velikiy knyaz Nikolay Mikhaylovich. *Graf Pavel Aleksandrovich Stroganov (1774–1817): istoricheskoye issledovaniye epokhi imperatora Aleksandra I: v 3 t. T. 2* [Count Pavel Alexandrovich Stroganov (1774–1817): Historical Study of the Epoch of Emperor Alexander I: in 3 vols. Vol. 2]. St. Petersburg, Expedition of Storing State Papers Typography, 1903, 435 p. (In Russian).
8. Speranskiy M.M. *Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya (vvedeniye k Ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov 1809 g.)* [State Transformation Plan (Introduction to the Code of State Laws of 1809)]. Moscow, Typo-lithography of the partnership of I.N. Kushnerev and K. Pimen, 1905, 359 p. (In Russian).
9. Domat J. *Le droit public, suite des lois civiles dans leur ordre naturel et 'Legum delectus'*. Paris, Nyon aîné Publ., 1777, vol. 2, 552 p. (In French).
10. Karamzin N.M. *Zapiska o drevney i novoy Rossii v eye politicheskoy i grazhdanskoy otnosheniyakh* [A Note on Ancient and New Russia in Its Political and Civil Relations]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 127 p. (In Russian).

The article was submitted 09.07.2021

Approved after reviewing 15.09.2021

Accepted for publication 22.09.2021

Information about the author

Natalia L. Fedneva, Candidate of History, Associate Professor of History of State and Law Department, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, Moscow, Russian Federation, nfedneva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9819-6069>

For citation

Fedneva N.L. Ministerstvo politicii rossiyskoy imperii: realizatsiya proyekta M.M. Speranskogo [Ministry of Police of the Russian Empire: implementation of the project by M.M. Speransky]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 19, pp. 412–424. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-412-424> (In Russian, Abstr. in Engl.)

Работа доступна по лицензии
Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0
Всемирная

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
2021. Т. 5. № 19 <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law.html>

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA = CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2021, vol. 5, no. 19 <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng.html>
ISSN 2587-9340

Перечень ВАК, РИНЦ, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

© Фролова Н.А., 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 351.761.3

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-425-437

Шифр научной специальности 12.00.01

НАРКОБЕЗОПАСНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ НОВОГО ВИДА ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Н.А. Фролова

ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел
Российской Федерации»

119021, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2

frolova.rags@yandex.ru

Аннотация. В исследовании актуализированы вопросы достижения наркобезопасности личности и общества в условиях преобладания методов «гибридного» воздействия на их культуру, сознание и жизнедеятельность, связанного с новыми информационными технологиями с использованием социальных сетей, даркнета, веб-рынков, теневых видов коммуникаций. В реальной действительности это совокупно усиливает антагонизм глубокого конфликта между государством и существующим международным рынком незаконного оборота наркотиков. Проявления наркоэкспансии, динамичного внедрения наркотической субкультуры, нравственной дезориентации молодежи в контексте происходящих в XXI веке глобальных информационных и социальных процессов способствуют усилению опасной тенденции наркотизации социума. С позиции геополитического подхода и его принципов обозначена острота востребованности формирования национальной стратегии контроля над наркотиками через создание и функционирование государственной антинаркотической системы с проведением правовой политики по противодействию распространения наркомании и незаконного оборота наркотиков. Этому отвечает в полной мере интегративный подход с определением таких важных в данной системе компонентов, как: нормативно-правовой, научно-теоретический, организационно-управленческий, информационный, контрольно-аналитический. В исследовании представ-

лены формы антинаркотической деятельности на федеральном, региональном и местном уровнях для построения системного противодействия незаконному обороту наркотиков в России.

Ключевые слова: безопасность, незаконный оборот наркотиков, проблема, социум, конфликт, государство, гибридная война, антинаркотическая система, антинаркотическая политика

В современных условиях XXI века одной из сложных как мировых, так и внутригосударственных проблем остается проблема распространения наркомании и незаконного оборота наркотиков, формирующая особую наркореальность, связанную в том числе с наркоэкспансией, формированием наркоиндустрии и наркокультуры. С позиции объективности следует четко представлять, что решение этой проблемы представляет собой задачу высокой сложности и требует со всей очевидностью инновационного, управленческого, научного подходов.

Опасность сохраняющейся наркотизации социума в национальном, региональном и глобальном пространстве с существующим транснациональным наркотрафиком, стратегией и технологиями психоактивного и информационного воздействия на страны, сообщества и наиболее продуктивные для каждого государства социальные группы четко выразил Президент Исландии Олафур Рагнар Гримссон на прошедшей в 2005 г. в Осло (Норвегия) Международной конференции «Наркоиндустрия и ее жертвы – ограничительная наркополитика и забота о человеке», заложив как политик и исследователь необходимость решения стратегической задачи достижения Европы без наркотиков: «Мы должны взять на себя борьбу с дальнейшим распространением незаконных наркотиков в наших сообществах. Каждый несет ответственность за вклад и помощь в этой борьбе. Мы находимся *в условиях нового вида нетрадиционной «войны»* с использованием современных технологий. Все имеющиеся ресурсы необходимо максимально эффективно направить против наркобизнеса и его индустрии»¹.

Главным пространством действий при ведении современных войн, как считает отечественный ученый-филолог, генерал-майор Е.Г. Князева, становится «менталитет наций, социальных групп и общностей, структура самоопределения, духовные основы армий, вера, идеология, история, патриотизм, культура... Особое место занимают информационные, психологические, кибернетические операции» [1, с. 3].

¹ Практика антинаркотической деятельности городов и направления ее совершенствования. Научно-практическое издание. Вып. 1. М.: Орбита-М, 2005. С. 127.

Конфликтность в современном мире, порожденная глобализацией, демонстрирующей стремление более сильных и развитых государств установить для многочисленных регионов Земли единый и отвечающий их интересам порядок, обеспечивая его институтами международного формата, порождает новые конфликтогенные зоны, связанные с проявлениями нелегального международного рынка наркотиков.

Их распространение и незаконный оборот создают опасную, деструктивную наркореальность, для которой становятся характерными возникновение и устойчивое состояние глубокого антагонистического конфликта между государством и наркорынком, разрушение традиционных духовных ценностей и моральных устоев, формирование субкультуры в обществе.

Кроме того, с развитием информационной сферы теневыми структурами с использованием разнообразных интернет-ресурсов осуществляется пропаганда форм девиантного поведения, усиливая негативный контент в Интернете и влияя тем самым на девальвацию национальных и личных культурных предпочтений, нравственную дезориентацию молодежи. Наряду с этим особого внимания заслуживают технологии формирования наркокультуры, в связи с чем в системе ценностей человека происходит определенная трансформация: приоритет начинает приобретать принцип индивидуального потребления в совокупности с потребительским отношением к жизни, потерей способности самостоятельно мыслить, анализировать предметы, явления, возникающие практические жизненные проблемы.

В сложной динамике современных демографических процессов, затрагивающих конкретные государства, регионы, народы и семьи, имеют место проявления наркоэкспансии, внедрение наркотической субкультуры с ее влиянием на образ жизни и деятельность особенно молодежи, на отношения молодых с другими социальными группами, субъектами, институтами.

Незаконное распространение наркотиков способствует изменению форм молодежного досуга, тесному переплетению субкультуры с современными музыкой, кино, игровыми предпочтениями. Создание и функционирование ночных клубов зачастую с реализацией алкоголя, наркотиков, формирование молодежных группировок «по интересам» активизируют граждан в сферу преступности, насилия, праздности.

Наркодельцы активно используют знание интересов молодежи, культивируя в ее среде по выражению немецкого социолога и философа Р. Дарендорфа своеобразные «неправовые зоны». Как исследова-

тель феномена социального конфликта, Р. Дарендорф отмечает, что «существование молодежной нормативной «неправовой зоны», вероятно, больше всего чревато последствиями, ибо изымает из сферы действия норм, на которых держится общество, тех, кто должен усваивать эти нормы» [2, с. 215].

В рамках рассматриваемой проблематики существующая наркореальность корреспондируется с понятием наркобезопасности, достигаемой в большинстве государств путем реализации антинаркотической политики, как системы мер, институтов и средств, способствующих, с одной стороны, противодействию распространения наркотиков, а с другой стороны, восстановлению и сохранению человеческого потенциала, интеллектуального капитала и ресурсов общества.

Обеспечение безопасности государства и общества, представляющее процесс защиты и реализации их интересов, в условиях глобализационных изменений в мире дополняется геополитическим подходом, который позволяет проследить и учесть целый ряд причин и обстоятельств, затрагивающих все условия и возможности государств в решении задач обеспечения национальных интересов и безопасности [3]. Применительно к вопросу влияния наркотиков на безопасность наций необходимо четко представлять, что геополитический подход дает возможность акцентировать процессы изменений в развитии государств, раскрывать и обобщать факторы, влияющие на различные трансформации в социальном, экономическом, правовом, информационном, культурном пространстве конкретного государства.

Безусловно, отмеченное отражает не только принципы жизнедеятельности какого-либо сообщества, но и подходы к контролю тех пространственных категорий, в которых заинтересовано каждое государство. Это в свою очередь позволяет отметить важность фундаментальности таких принципов геополитического подхода применительно к проблеме обеспечения наркобезопасности современного сообщества, как:

- *принципа системности* в достижении наркобезопасности, который взаимосвязан с организационно-правовой основой ее формирования;
- *принципа здравого смысла*, основанного на историческом анализе пространственного развития государств, на их культуuroобразующей характеристике в совокупности с состоянием политической и экономической систем.

Потенциал отмеченных принципов при осуществлении наркобезопасности усиливается значимостью *принципа ответственности* на внутригосударственном и международном уровнях, а в равной мере и

принципа приоритетности норм международного права, международных стандартов прав человека.

Немаловажным является и то, что в рамках геополитического подхода более четко обозначается направленность национальных стратегий контроля над наркотиками, динамика межгосударственных отношений в данной сфере, в связи с чем считаем возможным с позиции борьбы с распространением незаконного оборота наркотиков обратиться к сущностным аспектам геополитического моделирования [4]. Это позволяет обоснованно заключить, что в существующих условиях постиндустриальной информационной эпохи в области контроля над наркотиками среди государств современного мира сформировалось и существует в качестве геополитической модели *плюралистское* направление, выражающееся в расколе социума на тех, кто «**против**» наркотиков, и тех, кто «**за**» наркотики.

Этому в полной мере способствовала глобализация, когда в исторической эволюции на фоне географических открытий новых земель, колонизации отсталых народов развитыми в промышленном отношении государствами происходило культурное выращивание наркотиков с последующим вовлечением их в сферу экономики и международной торговли. При этом применяемые в традиционных обществах в прикладных целях вещества, обладающие наркотическим действием, стали обеспечивать материально-финансовую прибыль метрополиям, ускоряя в них формирование индустриального общества.

Постепенно глобализация с ее рыночной экономикой, сопровождающейся миграцией товаров, ресурсов и рабочей силы, становится одним из объективных факторов распространения наркотиков. Их немедицинское потребление в чуждом человеку мире уничтожало в нем социальную сущность. Глобальная практика, когда наркотики становятся товаром, порождает столкновение самых разных форм социальных объединений, государств, народов, а также отдельных личностей [5].

Если на историческом этапе XIX–XX веков решающее значение приобретал приоритет средств производства, определяющий лидерство стран в идущем глобальном процессе, то в конце XX – начале XXI века решающим фактором мирового развития становятся средства коммуникации. Переход к информационному обществу способствовал тому, что в условиях современных процессов резко возросла значимость информационной сферы как совокупности информации, информацион-

ной инфраструктуры, субъектов сбора, формирования, распространения, использования и защиты информации.

Проявлениями развития информационного общества выступают: сама беспрецедентная мощь Интернета как технологии, мировой Сети и средств общения (форумы, социальные сети, мессенджеры); интернет-сайты и информационные технологии; электронные информационные ресурсы; создание цифровой среды в многогранной человеческой деятельности.

Важнейшим результатом подобных инноваций все более становится влияние современных сетевых и производственных технологий особенно в сфере экономики, проявляющееся в новейших направлениях научно-технического прогресса по расширению поля деятельности искусственного интеллекта и дронов, углубляя конкуренцию между компьютерами и людьми. Характер данной тенденции с усиливающимся опасением общества относительно, с одной стороны, снижения уровня жизни, усиления постоянства социальной нестабильности, а с другой – доминирования социальных сетей (Instagram, Facebook, Twitter и др.), размывающих понимание человеком его реального места в мире, отразил англо-американский историк и политолог Э. Кин (род. 1960) в своем исследовательском труде «Ничего личного. Как социальные сети, поисковые системы и спецслужбы используют наши персональные данные». В подобном состоянии создается иллюзия общения и востребованности, а формируемая селфицентричная культура способствует тому, что ценности реальной жизни замещаются погоней за бесконечной цепью «твитов», «лайков», «постов», что, в конечном счете, в реальности приводит к «одинокости вместе» и позволяет констатировать антисоциальность социальных медиа [6, с. 91-94].

Современные сообщества все острее осознают необходимость достижения устойчивого состояния информационной безопасности, прежде всего, личности наряду с пониманием важности психологического фактора в системе обеспечения национальной безопасности и ее составляющей – наркобезопасности конкретного социума. Вместе с тем повысились риски совершения преступлений против детей с использованием информационно-телекоммуникационных сетей в условиях самоизоляции и дистанционного обучения, поскольку увеличилось время, проводимое ими в Интернете.

Так, современная пандемия COVID-19 оказала влияние на незаконный оборот наркотиков как в мире, так и в России, так как в условиях самоизоляции возросло количество личных сделок с доставкой

товаров на дом, а кризисное социально-экономическое положение уязвимых групп населения с потерей работы и законных доходов стало фактором не только роста потребления наркотиков, но и расширения формата незаконной деятельности. В поиске наркотиков более заметную роль стали играть веб-рынки, даркнет, социальные сети, защищенные коммуникационные приложения. При этом наркотрафик по большинству основных маршрутов продолжает приносить наркобизнесу огромную прибыль.

Наркореальность, влияя на безопасность и развитие наций, позволяет охарактеризовать ее как пространство гибридной войны, понятие смысл которой подчеркивает наличие в данной реальности:

- целевой составляющей, связанной с получением сверхдоходов наркомафией, организованными преступными группировками;
- противоправности деятельности, преступного механизма производства, транспортировки, логистики, торговли, распространения наркотиков;
- системного подхода к организационно-структурному, технологическому и финансовому обеспечению преступной деятельности.

Отмеченные аспекты наркореальности существенно усиливают конфликтные проявления в обществе, что особо отражается на безопасности важнейших сфер социальных отношений, требующих значительного государственного внимания и практических мер содействия в их укреплении и развитии. Это, безусловно, сферы:

- *семьи и семейной политики*, реальных направлений поддержки и защиты института семьи и ее ресурсов, включая деятельность по искоренению бедности как негативного явления, унижающего сущность и достоинство социального государства;
- *молодежной политики* с достижением исключения состояния молодежной безработицы, коммерциализации сфер развития молодежи;
- *культурной политики*, направленной на повсеместное воспитание общественных институтов культурой с сохранением и преемственностью национальных духовно-нравственных ценностей, народных жизненных традиций;
- *информационной политики*, включающей технологический компонент гражданско-правового сознания, эффективной социальной рекламы, полезной и общедоступной информации.

Для обеспечения наркобезопасности общества и личности действенной государственной мерой в России должна быть правовая антинаркотическая политика с комплексом результативных мер по созданию

антинаркотической системы с определением задач антинаркотической деятельности на федеральном, региональном и местном уровнях.

Антинаркотическая система должна включать подсистемы комплексной профилактики наркотизма, лечения и социальной реабилитации наркозависимых, борьбы с незаконным оборотом наркотиков, антинаркотической пропаганды и опираться на понятную и разделяемую обществом государственную идеологию в данной сфере социальной жизни, иметь единую правовую основу, а также эффективные механизмы:

- управления антинаркотической деятельностью и ее контроля;
- реализации целевых антинаркотических программ;
- межрегионального и международного сотрудничества в сфере борьбы с наркотиками.

В качестве главных активных субъектов антинаркотической системы должны выступать органы власти всех уровней, гражданские институты, средства массовой информации, правоохранительные органы, общественные структуры.

При этом **антинаркотическая система** понимается как комплекс государственных и общественных институтов, структур, норм, средств, методов, отношений, с помощью которого на уровне государства, субъекта Российской Федерации, муниципального образования целенаправленно осуществляется защита общества от негативных явлений, связанных с распространением наркомании и незаконным оборотом наркотиков. С позиции интегративного подхода видится целесообразным определить следующие компоненты антинаркотической системы, формирующие ее как целостное и сложное образование.

Первый компонент – *нормативно-правовой*, ядро которого составляет антинаркотическое законодательство. В данном аспекте речь идет о создании единого правового пространства, в котором должна функционировать государственная антинаркотическая система. Приоритетным должен стать принцип иерархического построения актов в данном компоненте. Это необходимо для формирования полноты нормативно-правовой базы противодействия распространению наркомании, устранения пробелов в имеющемся законодательном материале, принятия в опережающем порядке базовых нормативных актов федерального уровня и на этой основе дальнейшего развития и совершенствования антинаркотического законодательства субъектов РФ, а также актов органов местного самоуправления, регулирующих вопросы правовой антинаркотической муниципальной политики.

Второй компонент – *научно-теоретический*, связан с формированием стратегии государственной правовой антинаркотической политики, научной методологией, с проработкой проблемных теоретических и практических вопросов в сфере борьбы с наркотиками.

Третий компонент – *организационно-управленческий*. Он включает субъекты антинаркотической системы, а также способствует развитию координационных начал в деятельности структур, связанных с противодействием наркотизации общества, становлению института антинаркотического управления с целью совершенствования правоприменительной практики в сфере борьбы с наркотиками.

Четвертый компонент – *информационный*. Предусматривает взаимодействие государственных и общественных ресурсов и должен быть включен в разработку эффективных методов антинаркотической пропаганды, социальной рекламы, в формирование устойчивого антинаркотического правосознания, развитие правового просвещения и воспитания как средств правового воздействия на поведение человека.

Пятый компонент – *контрольно-аналитический*. Это – средства, способы, действия, направленные на анализ, изучение и выявление факторов распространения наркомании и ее преодоление как опасного деструктивного явления. Ресурсы компонента связаны с выработкой методов эффективного контроля за принятием и реализацией антинаркотических программ, совершенствования судебной практики по делам, связанным с наркопреступлениями.

Выделенные основные компоненты государственной антинаркотической системы позволяют обосновать целесообразность разделения ее на *уровни*, ценность которых видится в развитии подходов к достижению научности, инициативности и действенности в социальной практике для противодействия распространению наркотиков в российском обществе.

На *федеральном уровне* в обозначенной системе определяется взвешенная антинаркотическая политика как вид теоретической, научно-методологической и организационно-правовой деятельности, проводится мониторинг результатов антинаркотической деятельности регионов в рамках федеральных округов. Данный уровень должен усиливаться поддерживаемой обществом государственной идеологией в сфере борьбы с наркотиками и наркопреступностью. Идеальная составляющая борьбы с наркотиками должна отвечать социальным ценностям, которые заслуживают защиты – здоровье народа, развитие молодежи, общественный порядок и безопасность, культура и др. Формиро-

вание мировоззренческой основы противодействия наркоагрессии особенно значимо для России в условиях низкой правовой культуры общества. Укрепление антинаркотического мировоззрения необходимо и для создания в обществе атмосферы нетерпимости к наркоманам и организаторам наркобизнеса. В обозначенном контексте именно идеология позволяет выстроить ценностные ориентации индивида и общества и наряду с правовыми нормами быть средством реализации государственной политики. Антинаркотическая политика, отвечающая конкретной цели обеспечения национальной безопасности России, должна включать совершенствование антинаркотического законодательства, юридической практики, выработку координационных мер в рамках реализации общегосударственной антинаркотической стратегии.

На *региональном уровне* формируется антинаркотическая деятельность с учетом социальных, экономических, демографических, национальных, культурных особенностей. Ядром региональной антинаркотической системы должна быть исполнительная власть субъекта РФ. Важнейшими направлениями на данном уровне являются разработка и реализация программного обеспечения в сфере борьбы с наркотиками, усиление кадрового ресурса, формирование межведомственного взаимодействия структур, в компетенцию которых входят вопросы антинаркотической деятельности.

В каждом субъекте Российской Федерации необходимо создать реабилитационный центр с развитием воспитательных и трудовых практик. Практическим расширением содержания антинаркотической деятельности региона должен стать сравнительный анализ антинаркотической работы муниципалитетов.

На *местном уровне* осуществляется ежедневная практическая работа по противодействию распространению наркомании, приоритетами которой должны быть гражданско-общественные инициативы, управляемость, постоянство профилактики.

Достижение четкой взаимосвязи данных уровней позволит сформировать антинаркотическую систему как результативную, действующую на опережение негативных социальных практик. При этом столь необходимому для российского общества состоянию наркобезопасности в условиях нового века отвечает объективное осознание на всех уровнях построения такой модели государственной правовой антинаркотической политики, которая позволит не только обеспечить приоритет комплексной профилактики наркомании, но и рационально внедрить имеющиеся ресурсы в практику системного противодействия не-

законному обороту наркотиков на геополитическом пространстве Российской Федерации.

Список литературы

1. Князева Е.Г. // Гибридные войны в геополитических процессах XXI века: материалы межвузовского «круглого стола». М.: Изд-во Военный университет, 2015. 188 с.
2. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерки политики свободы / пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия, 2002. 284 с.
3. Смутьский С.В. Сущность геополитического подхода к анализу условий обеспечения национальной безопасности // Общая теория национальной безопасности / под общ. ред. А.А. Прохожева. М.: Изд-во РАГС, 2002. С. 269, 275-276.
4. Смутьский С.В. Современные геополитические модели // Общая теория национальной безопасности / под общ. ред. А.А. Прохожева. М.: Изд-во РАГС, 2002. С. 279-283.
5. Зазулин Г.В. Наркореальность как предмет социально-философского анализа // Теория, практика и методы антинаркотической деятельности в современной России. М.: Орбита-М, 2014. С. 69-71.
6. Кин Э. Ничего личного. Как социальные сети, поисковые системы и спецслужбы используют наши персональные данные. М.: Альпина Паблишер, 2016. 224 с.

Статья поступила в редакцию 13.07.2021 г.

Одобрена после рецензирования 15.09.2021 г.

Принята к публикации 22.09.2021 г.

Информация об авторе

Фролова Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой торгового права и основ внешней экономической деятельности, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, frolova.rags@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5102-9039>

Для цитирования

Фролова Н.А. Наркобезопасность в современных условиях нового вида войны: проблемные аспекты // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 425-437. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-425-437>

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-425-437

DRUG SAFETY IN MODERN CONDITIONS OF A NEW TYPE OF WAR: PROBLEMATIC ASPECTS

N.A. Frolova

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
53/2 Ostozhenka St., Moscow 119021, Russian Federation
frolova.rags@yandex.ru

Abstract. The study actualizes the issues of achieving drug safety for individuals and society in the context of the prevalence of methods of “hybrid” impact on their culture, consciousness and life, associated with new information technologies using social networks, the darknet, web markets, shadow types of communications. In reality, this cumulatively reinforces the antagonism of a deep conflict between state and existing international drug trafficking market. The manifestations of drug expansion, the dynamic introduction of the drug subculture, the moral disorientation of young people in the context of the global information and social processes taking place in the 21st century contribute to the strengthening of the dangerous trend of drug addiction in society. From the standpoint of the geopolitical approach and its principles, we indicate the urgency of the need for the formation of a national drug control strategy through the creation and functioning of the state anti-drug system with the implementation of a legal policy to counter the spread of drug addiction and illegal drug trafficking. This is fully answered by an integrative approach with the definition of such important components in this system as: regulatory and legal, scientific and theoretical, organizational and managerial, information, control and analytical. The study presents the forms of anti-drug activities at the federal, regional and local levels to build a systemic counteraction to drug trafficking in Russia.

Keywords: security, drug trafficking, problem, society, conflict, state, hybrid war, anti-drug system, anti-drug policy

References

1. Knyazeva E.G. In: *Materialy mezhvuzovskogo «kruglogo stola» «Gibridnyye voyny v geopoliticheskikh protsessakh XXI veka»* [Proceedings of International “Round-Table” “Hybrid Wars in the Geopolitical Processes of the 21st Century”]. Moscow, Military University Publ., 2015, 188 p. (In Russian).
2. Darendorf R. *Sovremennyy sotsial'nyy konflikt. Ocherki politiki svobody* [Contemporary Social Conflict. Essays on the Politics of Freedom]. Moscow, Russian Political Encyclopedia Publ., 2002, 284 p. (In Russian).
3. Smulskiy S.V. Sushchnost' geopoliticheskogo podkhoda k analizu usloviy obespecheniya natsional'noy bezopasnosti [The essence of the geopolitical approach to the analysis of the conditions for ensuring national security]. *Obshchaya teoriya natsional'noy*

- bezopasnosti* [General Theory of National Security]. Moscow, RAPS Publ., 2002, pp. 269, 275-276. (In Russian).
4. Smulskiy S.V. Sovremennyye geopoliticheskiye modeli [Modern geopolitical models]. *Obshchaya teoriya natsional'noy bezopasnosti* [General Theory of National Security]. Moscow, RAPS Publ., 2002, pp. 279-283. (In Russian).
 5. Zazulin G.V. Narkoreal'nost' kak predmet sotsial'no-filosofskogo analiza [Drug reality as a subject of socio-philosophical analysis]. *Teoriya, praktika i metody antinarkoticheskoy deyatel'nosti v sovremennoy Rossii* [Theory, Practice and Methods of Anti-Drug Activities in Modern Russia]. Moscow, Orbita-M Publ., 2014, pp. 69-71. (In Russian).
 6. Kin E. *Nichego lichnogo. Kak sotsial'nyye seti, poiskovyie sistemy i spetssluzhby ispol'zuyut nashi personal'nyye dannyye* [Nothing Personal. How Social Networks, Search Engines and Intelligence Agencies Use Our Personal Data]. Moscow, Alpina Publ., 2016, 224 p. (In Russian).

The article was submitted 13.07.2021

Approved after reviewing 15.09.2021

Accepted for publication 22.09.2021

Information about the author

Natalia A. Frolova, Doctor of Law, Professor, Head of Commercial Law and Fundamentals of Foreign Economic Activity Department, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russian Federation, frolova.rags@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5102-9039>

For citation

Frolova N.A. Narkobezopasnost' v sovremennykh usloviyakh novogo vida voyny: problemnyye aspekty [Drug safety in modern conditions of a new type of war: problematic aspects]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 19, pp. 425-437. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-425-437> (In Russian, Abstr. in Engl.)

Работа доступна по лицензии
Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0
Всемирная

2021. Т. 5. № 19 АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law.html>

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA = CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2021, vol. 5, no. 19 <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng.html>
ISSN 2587-9340

Перечень ВАК, РИНЦ, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

© Хащина Э.Э., 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-438-453

Шифр научной специальности 12.00.01

ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ ДЛЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ СЕЦЕССИИ: ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Э.Э. Хащина

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

305000, Российская Федерация, г. Курск, ул. Радищева, 33

ellenberns1408@gmail.com

Аннотация. Правовое регулирование сецессии – одностороннего выхода части территории из состава материнского государства, осуществляется на стыке двух отраслей права – международного и конституционного. В связи с отсутствием в большинстве писаных конституций норм, непосредственно относящихся к сецессии, и лаконичностью соответствующих принципов международного права, допускающих возможность многозначного толкования, решения международных и внутригосударственных судебных органов по вопросам допустимости сецессии играют особую роль в правовых механизмах ее предотвращения, что определяет актуальность выбранной темы. На основе анализа Консультативного заключения Международного Суда ООН от 22 июля 2010 г. «О соответствии международному праву односторонней декларации независимости Косово» сформулирован вывод об отсутствии единых международно-правовых критериев, позволяющих определить допустимость сецессии. По нашему мнению, Международный Суд ООН так и не решил правовую проблему, лежащую в основе затянувшегося политического конфликта, не создал новую норму международного обычного права, но и не предоставил сторонникам одностороннего провозглашения независимости необходимых и достаточных аргументов для правового обоснования своей позиции. Это позволяет говорить о важности

данного решения в международно-правовых механизмах предотвращения сецессии, которые, однако, находятся на стадии становления. Их развитие должно происходить синхронно с конституционно-правовыми внутригосударственными механизмами, которые в современных условиях должны быть направлены на поиск баланса между интересами центра и региональных сообществ, установление диалога со сторонниками независимости и защиту национально-культурной идентичности населения.

Ключевые слова: сецессия, Международный Суд ООН, Косово, территориальная целостность, право народа на самоопределение, ремедиальная сецессия

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00418.

Сецессия представляет собой сложную политическую проблему, решение которой во многом определяется политическими факторами: устоявшимися в государстве методами осуществления государственной власти, наличием или отсутствием признания международного сообщества, готовностью политических элит идти на компромисс и многими другими. Одновременно с этим выход из состава государства какой-либо его части является объектом правового регулирования, причем в отличие от изменчивой политической ситуации нормы права способны предоставить универсальный механизм для оценки допустимости сецессий и их предотвращения.

Но и в рамках права вопрос о регулировании допустимости сецессии может решаться как с помощью внутреннего конституционного регулирования, так и посредством международного права. Международное право призвано выработать универсальные критерии допустимости одностороннего провозглашения независимости, однако сделать это крайне проблематично в связи с необходимостью разрешения коллизии между принципом территориальной целостности государств и правом народа на самоопределение.

Так, в пункте 1 статьи 1 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и пункте 1 статьи 1 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. установлено, что «все народы имеют право на самоопределение», «свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие». В Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г. (далее – Декларация 1970 г.), установлено, что

«любая попытка, направленная на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности государства или страны или их политической независимости, несовместима с целями и принципами Устава», и установлен принцип, согласно которому каждое государство обязано воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности любого государства. В то же время Декларация 1970 г. закрепляет принцип самоопределения народов, согласно которому «все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с Уставом ООН». Более подробно данный принцип сформулирован в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г.

В настоящее время в условиях повсеместного обострения национально-этнических конфликтов и появления большого числа новых очагов сецессий на политической карте мира проблема соотношения данных принципов приобретает особую актуальность. Если до XX века сецессия не регулировалась международным правом и вопрос о допустимости одностороннего выхода решался преимущественно политическими методами (государство, способное защитить суверенитет самостоятельно либо пользующееся поддержкой третьего, могущественного государства, становилось независимым, в противном случае одностороннее отделение было невозможно [1]), то в современном мире в условиях повсеместного признания и установления гарантий прав человека необходима выработка юридических механизмов, позволяющих регламентировать односторонний выход территорий из состава материнского государства на основе универсальных критериев допустимости сецессии.

В этой связи особую актуальность приобретают решения международных и внутригосударственных судебных органов (к числу последних, как правило, относятся органы конституционного контроля), осуществляющие толкование данных принципов международного права, в том числе в соотношении с нормами конституций соответствующих государств.

Применительно к вопросам сецессии международное право либо хранит молчание, либо отсылает к внутреннему конституционному праву, предоставляя материнскому государству и самопровозглашенной территории самостоятельно осуществлять поиск оптимальной

формы реализации права на самоопределение. Анализ позиций международных органов в отношении одностороннего провозглашения независимости демонстрирует, что в основном приоритет отдается принципу территориальной целостности, однако, в ограниченных случаях право наций на самоопределение может трактоваться как право на борьбу за независимость и односторонний выход из материнского государства. Как правило, условием правомерности подобной «самопровозглашенной независимости» является предшествующие отделению массовые и грубые нарушения прав человека. Классическим примером этого служит деколонизация – одностороннее отделение стран, ранее находящихся в колониальной зависимости от своих метрополий.

Таким образом, в международном праве не выработано точных критериев для принятия судебных решений и доктрины в отношении одностороннего провозглашения независимости. На данный момент сформированы лишь контуры движения международного права в этом направлении, а имеющиеся решения носят преимущественно «поисковый» характер. В дальнейшем эти акты могут стать основой для принятия более конкретных решений, содержащих четкие правовые позиции, однако велика вероятность того, что решение данной проблемы и далее будет предметом ведения преимущественно конституционного законодательства.

Рассмотрим данную проблему более подробно на примере Косово в контексте Консультативного заключения Международного суда ООН (далее – Суда) от 22 июля 2010 г. «О соответствии международному праву односторонней декларации независимости Косово». Уникальность данного Консультативного заключения обусловлена тем фактом, что Судом была предпринята отчасти успешная попытка детального исследования допустимости сецессии с позиций международного права. Принятие заключения стало важной страницей в истории международно-правовой регламентации сецессии в связи с масштабом подготовительной работы и количеством заинтересованных сторон, представивших свои соображения. Однако оно же наглядно продемонстрировало, что международное право как по вопросу допустимости сецессий, так и их предотвращения находится на этапе становления.

В связи с отсутствием комплексного международно-правового регулирования права наций на самоопределение, которое зачастую подменяется соображениями о политической целесообразности, разнящимися в зависимости от ситуации, после инициирования сербскими властями запроса в Генеральную Ассамблею ООН исследователи не без

причины возлагали надежды на Международный Суд ООН, как на орган, способный создать правовые ориентиры и внести ясность в решение вопроса о границах, в рамках которых возможна реализация прав наций на самоопределение.

Предыстория событий, предшествовавших принятию Судом Консультативного заключения от 22 июля 2010 г., связана с распадом Югославии и последующими вооруженными конфликтами между сербским и албанским населением автономного края Косово и Метохии, обладавшим в соответствии с Конституцией Югославии особым правовым статусом и утратившим его после ее распада. 17 февраля 2008 г. временная Ассамблея (Скупщина) Косово объявила о создании на его территории независимой суверенной республики, закрепив данное решение в виде Декларации независимости, а в апреле 2008 г. была принята Конституция самопровозглашенной республики Косово, вступившая в силу 15 июня 2008 г. В статье 1 Конституции указывалось, что «Республика Косово является независимым, суверенным, демократическим, единым и неделимым государством».

Провозглашению независимости предшествовали неоднократные попытки урегулировать ситуацию как посредством внутреннего конституционного права, так и через международное вмешательство. Конституционное регулирование статуса автономного края может быть охарактеризовано как непоследовательное: в сербской конституции 1990 г. права автономий были значительно урезаны, фактически край был лишен принадлежавших ему ранее прав принимать собственное законодательство, иметь собственные государственные символы и т. п. В 2006 г. была принята новая Конституция Республики Сербия, в преамбуле которой закреплялся статус автономного края Косово и Метохии как неотъемлемой части Сербии, появлялась конструкция «существенная автономия», и предусматривалось создание специального закона, регулирующего статус региона. Ранее попытки урегулировать ситуацию предпринимались со стороны международного сообщества: в 1999 г. Советом Безопасности ООН был одобрен мирный план, передававший Косово под управление международной администрации, закрепленный в Резолюции 1244, а в 2001 г. был издан другой документ ООН – Распоряжение № 2001/9, устанавливающий своего рода временную Конституцию – Конституционные рамки для временного самоуправления в Косово, предусматривающие создание ряда политических институтов (в том числе органа народного представительства – Ассамблеи), а также гарантии соблюдения прав человека.

Непоследовательность в нормативной регламентации статуса Косово со стороны Сербии стала одним из важных факторов, дестабилизирующих ситуацию в регионе, а вмешательство международных организаций, принимающих акты со спорной юридической природой (с одной стороны, они были приняты без участия народа Косово, что ставило под сомнение их легитимность, и являлись актами международного права; с другой – на тот момент они выполняли функции внутреннего конституционного законодательства страны), не обеспеченных ни со стороны властей Косово, ни международных органов, не способствовало примирению противоборствующих сил. Убедившись в провале политического процесса, направленного на определение статуса Косово, члены Ассамблеи Косово сочли возможным в одностороннем порядке провозгласить его независимость.

В стремлении получить юридическую оценку данному прецеденту власти Сербии обратились в Генеральную Ассамблею ООН, которая в свою очередь приняла резолюцию об обращении в Международный Суд ООН с запросом о даче консультативного заключения относительно соответствия провозглашения независимости временными институтами самоуправления Косово международному праву. 22 июля 2010 г. это заключение было издано и получило название «О соответствии международному праву одностороннего провозглашения независимости Косово».

Поставленный перед Судом вопрос был изложен в следующей формулировке: «Соответствует ли одностороннее признание независимости временными институтами самоуправления Косово нормам международного права?». В ходе разбирательства свои письменные соображения относительно данного вопроса представили 35 государств, а также авторы Декларации независимости. Мнения государств разделились: некоторые, в том числе представители Российской Федерации, настаивали на недопустимости одностороннего отделения, которое противоречит как признаваемому в международном праве принципу территориальной целостности, так и Резолюции 1244, согласно которой Ассамблея Косово была лишь временным органом и не обладала соответствующей компетенцией; другие утверждали, что издание декларации независимости само по себе не влечет юридических последствий, которые можно было бы считать нарушением норм международного права.

Стоит отметить, что в своем решении Международный Суд целенаправленно отказался отвечать на какие-либо вопросы, помимо сфор-

мулированного в резолюции Генеральной Ассамблеи. В обоснование этого Суд указал, что в отличие от Верховного Суда Канады, призванного в своем решении относительно провинции Квебек ответить на вопрос о том, допускает ли международное право одностороннее отделение и если да, то при каких условиях, Международный Суд должен принять решение лишь по одному вопросу: нарушает или не нарушает нормы международного права Декларация независимости республики Косово от 17 февраля 2008 г.

В рамках Консультативного заключения можно условно выделить две правовые позиции. Первая касается соответствия Декларации независимости общему международно-правовому режиму, вторая позиция отражает оценку действий авторов Декларации относительно специального правового режима, установленного Резолюцией Совета Безопасности ООН 1244.

Относительно первого вопроса Суд указал, что «в течение второй половины XX века развитие международного права на самоопределение происходило с целью создания механизмов освобождения народов, находящихся под иностранным господством и эксплуатацией», и подчеркнул, что «огромное количество государств получили возможность существовать именно в результате реализации права на самоопределение». При этом отсутствие отношений колониальной зависимости между Сербией и Косово Суд не прокомментировал, однако указал, что обычное международное право не содержит прямого запрета деклараций независимости.

Суд также не усмотрел в действиях косовских властей нарушения принципа территориальной целостности, мотивировав это тем, что данный принцип касается лишь «межгосударственных отношений». Не был прокомментирован в заключении Суда высказанный рядом стран, представивших свои соображения по рассматриваемому вопросу, тезис об «исправительной» или «возмещающей» сецессии (remedial secession), допустимой в случае массового нарушения прав человека материнским государством, поскольку это, по мнению большинства, выходило за пределы поставленного вопроса.

Примечательно, что ответы на многие вопросы, проигнорированные в Консультативном заключении, были сформулированы в особых мнениях судей, как голосовавших в составе большинства, так и выступивших против принятия заключения. К числу таких вопросов относятся и допустимость возмещающей сецессии. Так, судья А.К. Триндади пришел к выводу, что систематические нарушения прав человека,

имевшие место в отношении косовских албанцев, отодвигают принцип территориальной целостности на второй план и служат основанием для возникновения права на внешнее самоопределение. Схожую позицию выразил судья А.А. Юсуф (гражданин Сомали), отметивший, что в исключительных случаях (дискриминация народа, отказ в автономии, преследование по этническим признакам) допускается реализация права на самоопределение в форме сецессии. В то же время, не отрицая справедливость доктрины возмещающей сецессии, полагаем, есть определенные основания сомневаться в возможности ее применения в случае Косово в 2008 г. Фактически, нарушение прав человека, о котором заявляли сторонники применения данной доктрины в случае Косово, имели место в 1999 г., однако к 2008 г. на территории автономного края прекратились военные действия, а сербское правительство отказалось от использования военной силы.

Ряд авторов справедливо указывают на несвоевременность реакции косовских властей. Так, по мнению Б. Гарцля, «в 2008 г. не было никаких убедительных свидетельств того, что для косовских албанцев существовала реальная угроза со стороны Белграда. С. Милошевич больше не находился у власти, и правительство Белграда отказалось от использования военной силы, чтобы избежать уголовного преследования в связи с событиями в Косове» [2, с. 104]. Схожая точка зрения была выражена представителями Словакии, представившими соображения относительно запроса Генеральной Ассамблеи ООН, в которых отмечалось, что изменение статуса Косово и возврат к событиям 1999 г. не соответствует закону, а должностные лица бывшей Югославии, несущие ответственность за события в Косово 1999 г., понесли личную уголовную ответственность.

В консультативном заключении уделяется внимание вопросу о соответствии Декларации независимости специальному правовому режиму, установленному на территории Косово Резолюцией 1244. Согласно данному нормативному документу, властные полномочия передавались «временным институтам самоуправления», одним из которых была принявшая декларацию Ассамблея. Признание авторов Декларации временными акторами расценивалось заявителями как основание для признания провозглашения независимости превышением полномочий данного органа. Именно в такой формулировке был представлен запрос Генеральной Ассамблеи ООН.

В своем решении Суд подчеркнул имеющееся у него право прояснить формулировку запроса Генеральной Ассамблеи относительно

принятия Декларации «временными институтами самоуправления», отметив, что определение того, кто именно провозгласил независимость края (временные институты или представители населения Косово), относится к компетенции самого Суда. Суд же пришел к выводу, что Декларация была принята не временными органами, а «лицами, действующими в качестве представителей косовского народа». Следовательно, принятие Декларации независимости не противоречит ни общему международно-правовому режиму, ни специальному режиму, установленному Резолюцией 1244.

Таким образом, Суд пришел к выводу, одобренному большинством судей, о «непротиворечии» Декларации независимости Косово международному праву. Фактически Суд воздержался от выражения правовых позиций по таким важным вопросам, как соотношение права на самоопределение и принципа территориальной целостности, допустимости ремедиальной или возмещающей сецессии, условия, при которых сецессия может признаваться соответствующей нормам международного права, и многим другим. Как справедливо отметил С.Р. Алексанян, сложилась парадоксальная ситуация, когда в отсутствие четких критериев признания либо непризнания самопровозглашенных государств международное право не может гарантировать ни территориальной целостности государств, ни права народов на самоопределение [3, с. 142].

На сегодняшний день, по прошествии более десяти лет с момента принятия Консультативного заключения, можно утверждать, что признание независимости Косова и заключение Суда о его допустимости с позиций международного права не только не помогло прояснить содержание права народа на самоопределение, а, скорее, «размыло» его и тем самым политизировало. Пример Косово фигурирует во многих политических заявлениях, связанных с признанием самопровозглашенных государств, однако, в теории международного права отсутствует единообразное понимание значения решения Международного Суда ООН о независимости Косово. Дискуссия между исследователями, оценивающими легитимацию независимости Косово как прецедентную, и исследователями, настаивающими на уникальном характере ситуации (*sui generis*) в Косово, продолжаются.

Сторонники независимости Косово настаивают на том, что данный случай уникальный и не создает прецедента для других неразрешенных конфликтов. Так, признавая независимость Косово, министр иностранных дел Канады указал, что данный случай уникален и не может

быть использован сторонниками независимости Квебека в обоснование своей позиции. В качестве причин «уникальности», как правило, указываются следующие: национальный характер федерации в Югославии, состоящей из этнических государств, одним из которых может считаться Косово; массовые нарушения прав человека со стороны Сербии; вмешательство международных организаций и «интернационализация» конфликта. В то же время в мировой практике имел место ряд аналогичных ситуаций, иначе истолкованных международным сообществом. В связи с этим аргументы, обосновывающие уникальность сецессии Косово, вызывают серьезные сомнения.

В случае признания случая Косово уникальным и не порождающим правовых последствий для других государств фактически происходит отказ от верховенства права и подчинение правовых норм геополитическим мотивам, что впоследствии может служить оправданием для последующих сецессий лишь при наличии политических причин.

Исходя из вышеизложенного, необходимо дать ответ на вопрос: возник ли в результате принятия Декларации независимости Косова и принятия Международным Судом ООН соответствующего решения новый международно-правовой обычай? Полагаем, что на этот вопрос следует ответить отрицательно. Для признания поведения субъектов международного права международно-правовым обычаем требуется его соответствие ряду критериев, среди которых продолжительность, распространенность и единообразие [2, с. 108]. В ситуации с Косово нельзя говорить ни о распространенности, ни о единообразии, поскольку в 1999 г. Совет Безопасности ООН отклонил притязания Косово на независимость, признав лишь автономный статус провинции, а решение Международного Суда ООН 2010 г. не содержало четкого ответа на вопрос о возможности одностороннего отделения, указав лишь на отсутствие в международном праве запрета на сецессию и о возможности отделения в случае освобождения от колониальной зависимости. Несмотря на признание правомерности сецессии Косово от Сербии в 2008 г., Международный Суд так и не создал универсальных критериев для оценки легальности данного действия в отношении других случаев; иными словами, противоречие между принципом территориальной целостности государств и принципом самоопределения народов по-прежнему не разрешено.

Примечательно, что ранее Совет Безопасности ООН в своих документах демонстрировал принципиально иную позицию относительно деклараций независимости. Так, в Резолюциях 541 и 550 Совет Безо-

пасности призвал не признавать так называемую Турецкую Республику Северного Кипра и осудил деятельность сторонников независимости данной территории как незаконную и сепаратистскую, осуществляемую в нарушение предыдущих резолюций. Аналогичная позиция была высказана руководящими органами ООН относительно одностороннего провозглашения независимости Южной Родезии и Республики Сербской (в Боснии и Герцеговине). Примечательно, что в Консультативном заключении 2010 г. Суд прокомментировал данные казусы, указав, что указанные решения касались лишь названных конкретных ситуаций.

Таким образом, среди государств не сложилось единого мнения относительно соответствия сецессии Косово нормам международного права, поэтому, на наш взгляд, говорить о появлении новой нормы международного обычного права на данный момент нельзя.

Декларация о принципах предусматривает широкий перечень возможных форм для реализации права на самоопределение. В их числе создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом. В связи с этим решения международных судов, как правило, состоявшие в отказе в правовой защите сепаратистов и самопровозглашенных государственных образований, ориентируют стороны на самостоятельный поиск оптимальной формы самоопределения, то есть фактически международное право в значительной степени отсылает к внутреннему конституционному праву.

В своем решении по Косово Международный Суд ООН не осудил действия Ассамблеи Косово и не решил правовую проблему, лежащую в основе длительного политического спора, поскольку позиции сторонников независимости были усилены ввиду признания суверенитета Косово более чем 80 государствами. В подобной ситуации независимо от решений международных судебных и иных органов позиции сторонников создания полностью независимого государства усиливаются, а возможность достижения компромисса с материнским государством на пути сохранения его территориальной целостности уменьшается. Как следствие, несмотря на отсутствие примата международного права над конституционным, обеспечить конституционный способ решения конфликта затруднительно.

Неоднозначный характер Консультативного заключения Суда по Косово в условиях частичного признания со стороны международного

сообщества образует брешь в правовых механизмах предотвращения сецессии, поэтому для Сербии решение данной проблемы с помощью внутригосударственного конституционного права затруднительно и даже невозможно, даже в случае принятия соответствующего решения Конституционным судом.

Что касается других стран, столкнувшихся с проблемой сецессионизма (Италия, Испания, США, Германия, Канада), то в них высшие судебные инстанции, как правило, трактуют конституционные положения как запрещающие сецессию. Международно-правовые аспекты не оказывают особого влияния на выработку правовых позиций по данному вопросу, а доктрина «ремедиальной» сецессии в данном случае и вовсе считается неприменимой в связи демократическим характером организации государственной власти и признанием приоритета прав человека.

Так, лаконичное решение Федерального Конституционного суда Германии об отказе в принятии жалобы гражданина Баварии по поводу недопущения проведения референдума о выходе Баварии из ФРГ содержит следующую правовую позицию: поскольку ФРГ является государством, основанном на учредительной власти немецкого народа, а земли не являются «господами» Основного закона, попытки выхода земель из состава страны были бы нарушением конституционного порядка. Схожий аргумент привел в своих многочисленных решениях по вопросу независимости Каталонии Конституционный суд Испании, указавший, что согласно Конституции Испании носителем суверенитета является весь испанский народ, что делает возможным проведение регионального референдума по вопросу сецессии лишь в случае конституционной реформы, которая, в свою очередь, осложняется по причине жесткого порядка изменения Конституции. На «единый и неделимый характер государства», закрепленный в статье 5 Конституции Италии, ссылаясь Конституционный суд Италии, констатируя в своем решении 2015 г. по поводу легитимности консультативного референдума об автономии области Венето, что проведение данного референдума является вторжением в сферу ведения общегосударственного уровня.

Подводя итог, необходимо признать, что отсутствие универсальных правовых критериев легитимности с международно-правовой точки зрения для признания самопровозглашенных образований лишь обостряет межнациональные конфликты и не способствует поиску компромисса между сторонниками независимости самопровозглашен-

ных государств (или пытающихся отделиться территорий) и представителями материнских государств, настаивающих на приоритете принципа территориальной целостности. Издание деклараций независимости не является предметом регулирования международного права, что объясняет характер выводов Международного Суда ООН в решении по Косово, однако, международное право должно более детально регламентировать вопросы международного статуса, границ и правопреемства вновь созданных государств. При этом устоявшееся в конституционно-правовой доктрине ряда европейских государств толкование концепции национального суверенитета как безусловный запрет на сепессию отдельных территорий представляется недостаточно эффективным, поскольку зачастую лишь обостряет конфликт и приводит к открытому противостоянию центра и сторонников независимости. Задачей высших судов, исходя из этого, видится создание правовых механизмов, позволяющих обеспечить интересы населения региона по чувствительным для него вопросам и предусмотреть процедуры для разрешения возможных конфликтов, что само по себе может служить механизмом предотвращения сепессии.

Не менее важным правовым механизмом предотвращения сепессии должна служить деятельность международных судебных органов, однако, такое предотвращение должно осуществляться не в форме жесткого запрета, а путем конкретизации условий осуществления права на самоопределение народов. Консультативное заключение Международного Суда ООН по косовскому вопросу в этом отношении является фундаментальным, заложившим основу для дальнейшего предотвращения сепессий с помощью гуманитарного подхода. Суд, не установив нарушения авторами декларации независимости Косово норм международного права, не предоставил сторонникам отделения однозначных правовых аргументов, продемонстрировав тем самым, что международное право как в отношении допустимости сепессий, так и их предотвращения находится на стадии становления.

Список литературы

1. *Андреева Г.Н.* Конституционно-правовая доктрина по вопросам сепессии в странах – членах ЕС (на примере Испании, Германии, Италии, Великобритании) // *Lex russica* (Русский закон). 2018. № 8. С. 130-143.
2. *Гарцль Б.* Открытие ящика Пандоры, или как право на самоопределение разжигает обманчивые страсти (некоторые международно-правовые аспекты независимости Косова) // *Труды Института государства и права РАН*. 2018. № 5. С. 92-116.

3. *Алексанян С.Р.* К вопросу о теории ремедиальной сепарации в современном международном праве // Московский журнал международного права. 2017. № 4. С. 141-150. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-4-141-150>

Статья поступила в редакцию 01.08.2021 г.

Одобрена после рецензирования 15.09.2021 г.

Принята к публикации 22.09.2021 г.

Информация об авторе

Хащина Эллина Эдуардовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, ellenberns1408@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5188-4377>

Для цитирования

Хащина Э.Э. Значение правовых позиций международных и внутригосударственных судебных органов для предотвращения сепарации: теоретико-исторический аспект // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 438-453. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-438-453>

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-438-453

THE IMPORTANCE OF LEGAL POSITIONS OF INTERNATIONAL AND DOMESTIC JUDICIAL AUTHORITIES FOR PREVENTING SECESSION: THEORETICAL HISTORICAL ASPECT

E.E. Khashchina

Kursk State University

33 Radishcheva St., Kursk 305000, Russian Federation

ellenberns1408@gmail.com

Abstract. The legal regulation of secession – the unilateral withdrawal of a part of territory from the parent state, is carried out at the junction of two branches of law – international and constitutional. Due to the absence in most of written constitutions of norms directly related to secession, and the laconic nature of relevant principles of international law, allowing for the possibility of ambiguous interpretation, decisions of international and domestic judicial authorities on the admissibility of secession play a special role in the legal mechanisms for its prevention, which determines the relevance of the chosen themes. Based on the analysis of the Advisory Opinion of the International Court of Justice of the United Nations of July 22, 2010 “On compliance with

international law of the unilateral declaration of independence of Kosovo”, we formulate a conclusion about the absence of uniform international legal criteria to determine the admissibility of secession. In our opinion, the International Court of Justice has not resolved the legal issue underlying the protracted political conflict, has not created a new norm of customary international law, but has not provided the supporters of the unilateral declaration of independence with the necessary and sufficient arguments for the legal justification of their position. This allows us to speak about the importance of this decision in the international legal mechanisms for the prevention of secession, which, however, are at the stage of formation. Their development should take place synchronously with the constitutional and legal intrastate mechanisms, which in modern conditions should be aimed at finding a balance between the interests of the center and regional communities, establishing a dialogue with supporters of independence and protecting the national and cultural identity of population.

Keywords: secession, International Court of Justice, Kosovo, territorial integrity, people's right to self-determination, remedial secession

Acknowledgment: The study is funded by RFBR, project no. 20-011-00418.

References

1. Andreyeva G.N. Konstitutsionno-pravovaya doktrina po voprosam setsessii v stranakh – chlenakh ES (na primere Ispanii, Germanii, Italii, Velikobritanii) [Constitutional legal doctrine on the issues of secession in the EU member states (case study of Spain, Germany, Italy, UK)]. *Lex russica (Russkiy zakon) – Lex russica (The Russian Law)*, 2018, no. 8, pp. 130-143. (In Russian).
2. Garts B. Otkrytiye yashchika Pandory, ili kak pravo na samoopredeleniye razzhigayet obmanchivyye strasti (nekotoryye mezhdunarodno-pravovyye aspekty nezavisimosti Kosova) [Opening up of a Pandora's box or how the right to self-determination inflames deceptive passions (some international legal aspects of Kosov's independence)]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN – Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2018, no. 5, pp. 92-116. (In Russian).
3. Aleksanyan S.R. K voprosu o teorii remedial'noy setsessii v sovremennom mezhdunarodnom prave [On theory of remedial secession in contemporary international law]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava – Moscow Journal of International Law*, 2017, no. 4, pp. 141-150. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-4-141-150>. (In Russian).

The article was submitted 01.08.2021

Approved after reviewing 15.09.2021

Accepted for publication 22.09.2021

Information about the author

Ellina E. Khashchina, Candidate of Law, Associate Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Kursk State University, Kursk, Russian Federation, ellenberns1408@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5188-4377>

For citation

Khashchina E.E. Znachenije pravovykh pozitsiy mezhdunarodnykh i vnutrigosudarstvennykh sudebnykh organov dlya predotvrashcheniya setsessii: teoretiko-istoricheskiy aspekt [The importance of legal positions of international and domestic judicial authorities for preventing secession: theoretical historical aspect]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 19, pp. 438-453. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-438-453> (In Russian, Abstr. in Engl.)

Работа доступна по лицензии
Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0
Всемирная

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО SUBSTANTIVE LAW

© Ветров П.В., Красников В.В., 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-454-464

Шифр научной специальности 12.00.01

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ЛИЦ, ВСТУПАЮЩИХ В БРАК

П.В. Ветров¹, В.В. Красников²

¹ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
Tetzvil@yandex.ru

²ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106
viktor_krasnikov@list.ru

Аннотация. На всех этапах существования государства одной из основных его задач является забота и охрана здоровья народа и сохранение его генофонда. Решение данной задачи невозможно без непосредственного участия государства в создании полноценной и здоровой семьи, а также принятия непосредственных мер для недопущения рождения детей с врожденными заболеваниями и заболеваниями, передающимися по наследству, которое выражается в правовом регулировании медицинского обследования лиц, вступающих в брак. Проанализировано законодательство зарубежных стран. Констатируется два подхода по регулированию данного вопроса, где одни государства придерживаются позиции, что добрачное медицинское обследование является правом, а не обязанностью, другие же придерживаются прямо противоположного мнения. Установлены противоречия между нормами в рамках семейного законодательства и нормами семейного кодекса с нормами федераль-

ных нормативных правовых актов. Выявлены причины отсутствия механизма реализации права на бесплатное медицинское обследование лиц, вступающих в брак. С учетом зарубежного законодательства и на основании выявленных проблем реализации и защиты права на бесплатное медицинское обследование лиц, вступающих в брак, предложены изменения и дополнения в Семейный кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: брак, семья, медицинское обследование, вступающие в брак лица, заключение брака

Перед современным развитым государством ставится много задач, одной из которой является правовое регулирование, направленное на охрану и защиту здоровья населения, следовательно, предотвращение демографического кризиса, обеспечение здоровья будущих поколений и соответственно сохранение генофонда его народа.

Фундаментом любого государства всегда считалась и считается семья, одной из основных функций которой является сохранение и воспроизводство потомства. Следовательно, возможность защитить будущего ребенка от серьезных заболеваний, передающихся от родителей, – медицинское обследование лиц, заключающих брак.

Современное Российское законодательство предусматривает право лиц, вступающих в брак, на бесплатное медицинское обследование, а также консультирование по медико-генетическим вопросам и вопросам планирования семьи. Эта норма закреплена в статье 15 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ)¹, что согласуется с требованиями федерального законодательства в области здравоохранения – федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»².

Норма, закрепленная пунктом 1 статьи 15 СК РФ, которая закрепляет возможность добровольного медицинского обследования перед вступлением в брак, сомнительна сама по себе, поскольку она является лишь декларационной, не выполняя при этом своей основной функции, а именно информирования потенциальных супругов о состоянии здоровья друг друга [1, с. 131].

Ведь априори понятно, что будущим супругам жизненно необходимо располагать информацией о состоянии здоровья друг друга в первую очередь для планирования будущего потомства. Российское законодательство предоставляет право, а не обязанность пройти бес-

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020). М.: Юрист, 2020. С. 5.

² Об основах охраны здоровья граждан в РФ: федеральный закон РФ // Российская газета. 2020. 7 авг. № 174.

платное медицинское обследование лицам, вступающим в брак, в отличие от ряда зарубежных стран.

В связи с этим в науке сложились две точки зрения по регулированию данного вопроса.

За обязательность медицинского обследования высказывается М.В. Антокольская [2], Н.А. Матвеева [3, с. 21-23], И.А. Косарева [4, с. 18], Ю.С. Шишкина [5, с. 30]. По мнению А.М. Нечаевой, обязательное медицинское обследование желательно, поскольку способствовало бы прочности брака и здоровью детей, хотя явилось бы своеобразным препятствием к браку [6, с. 78-79].

Существует и иная точка зрения, что обязанность, закрепляющая добрачное обследование, резко отрицательно повлияет на количество зарегистрированных браков и в свою очередь значительно увеличит незарегистрированные [7, с. 3].

Как было отмечено ранее, неоднозначность этого вопроса прослеживается в законодательстве других государств.

К группе государств, которые придерживаются позиции, что добрачное медицинское обследование – это право, а не обязанность будущих супругов, помимо России, можно отнести такие государства, как Швейцария, Беларусь и др.

Иной точки зрения придерживается законодатель Украины, там закреплена обязанность брачующихся информировать о полученных результатах медицинского обследования и вопросах, касающихся их здоровья.

В США законодателем предусмотрено обязательное добрачное медицинское обследование будущих супругов с предоставлением в органы регистрации брака сертификата, подтверждающего его результаты. В Америке брак признается недействительным, если один из супругов утаил о существующем заболевании, внесенном в особый реестр государства, или умолчал о нем.

Такие государства, как Польша, Латвия, Болгария и Узбекистан, закрепили в своем законодательстве обязанность вступающих в брак проходить медицинское обследование.

Известны случаи, когда государства отказались от данной обязанности. Ярким примером является опыт Молдавии, который заключается в отмене существовавшего обязательного медицинского осмотра. По мнению официальных лиц, существовавшее национальное законо-

дательство не соответствовало международному в части, касающейся вопросов прав и свобод человека³.

Обязательное медицинское обследование лиц, вступающих в брак, являлось обязательным во Франции до легализации в 2013 г. однополых браков.

Как и наука, мировая практика определила несколько путей решения данного вопроса. Первый, когда одним из условий для вступления в брак стала обязанность брачующихся в медицинском обследовании, которое само по себе приводит к ущемлению прав всех участников данных отношений, второй оправдан необходимостью государства заботиться о здоровье своего населения [1, с. 132].

Прослеживается противоречие между пунктом 2 статьи 15 СК РФ, согласно которой лицам, вступающим в брак, предоставляется возможность добрачного медицинского обследования и не закрепляется обязанность супруга или работника медицинского учреждения ознакомить партнера с полученными результатами, и статьей 1 СК РФ, которая говорит о защите государством семьи, материнства, отцовства и детства. В данном случае происходит противопоставление отдельного гражданина и общего блага семьи.

Знание о результатах обследования партнера может оказать значительное влияние на формирование воли лица при вступлении в брак, своевременное предупреждение партнера позволит сделать осознанный выбор, укрепить доверие и предотвратить наступление негативных последствий брака [8, с. 68-69].

На сегодняшний день остается не решенным вопрос, касающийся правового регулирования брачно-семейных отношений лиц, сменивших пол.

В этой связи рациональными являются предложения обязать человека, сменившего свой пол, информировать об этом будущего супруга до того, как брак между ними будет заключен [4, с. 18].

Безусловно, смена пола сопряжена с возникновением проблем общественного характера, проблем в медицинской сфере, а также проблем правового закрепления его статуса и регулирования отношений. Смена пола порождает такие жизненные ситуации, которые на сегодняшний день не имеют правового решения. Примером может послужить ситуация, когда лицо находится уже в браке и сменило пол, дей-

³ В Молдове отменили обязательный медосмотр молодоженов. URL: <https://www.belta.by/kaleidoscope/view/v-moldove-otmenili-objazatelnyj-medosmotr-molodozhenov-99996-2012> (дата обращения: 10.03.2021).

ствующее законодательство не дает ответа на решение данной проблемы. Содержание норм семейного кодекса, закрепляющих основания признать брак недействительным, исключают такую возможность – статьи 12–14 и пункт 3 статьи 15 СК РФ. Статья 12 СК РФ четко определяет условие вступления в брак только мужчины и женщины, но не устанавливает, а исключает принудительное расторжение брака. По действующему семейному законодательству брак расторгается по обоюдному желанию супругов в органах ЗАГСа или по желанию одного из них в судебном порядке. Если же супруги брак расторгать не хотят, то и тут законодательство не дает ответа, как разрешить этот вопрос. Кроме того, отсутствует как препятствие к заключению брака и смена пола одного из брачующихся до заключения брака; по существующему законодательству получается, что формальных преград нет [9, с. 197].

Дискуссионным является и пункт 3 статьи 15 СК РФ. Суть проблемы заключается в том, что если человек скрыл информацию о наличии венерических заболеваний или ВИЧ-инфекции, то правовые последствия будут сопоставимы. По мнению некоторых юристов, данное положение закрепляет несправедливость и ничем не обосновано, и поэтому необходимо разделить наказание за скрывание информации о венерических болезнях и ВИЧ-инфекции, так как последнее заболевание неизлечимо и представляет большую опасность для человека, нежели большинство венерических болезней [10, с. 153].

По мнению С.С. Чекулаева и М.С. Зорина, данная позиция является не совсем корректной, так как статья 31 СК РФ гласит, что супруги должны строить семейные отношения на основе взаимоуважения и взаимопомощи и это является их обязанностью, что противоречит пункту 3 статьи 15, которая предусматривает возможность вторым супругом признать брак недействительным, как наказание не из социальной опасности содеянного, а из-за непорядочности в отношениях одного супруга по отношению к другому [11, с. 621].

Одним из обсуждаемых вопросов является потребность расширения списка заболеваний, помимо венерических болезней и ВИЧ-инфекции, это связано с появлением новых генетических и иных заболеваний, которые создают угрозу здоровью и жизни другого супруга, их будущим детям. Ими могут быть: бесплодие, наркомания, гепатиты В, С и др. [8, с. 69].

И.Ф. Сагитова предлагает дополнить пункт 3 статьи 15 СК РФ заболеваниями, включенными в Перечень социально значимых заболе-

ваний и перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих [12, с. 3929].

Несмотря на то, что государство должно брать на себя ответственность за сохранность здоровья населения, реализация данной нормы затруднена, поскольку не разработан механизм ее выполнения. С одной стороны, законодателем предусмотрено право на медицинское обследование перед вступлением в брак, а с другой стороны, проведение медицинского обследования подобной категории граждан не возложено ни на какие медицинские организации. Поскольку данное обследование должно быть бесплатным, понятно, что его должны проводить учреждения, относящиеся к государственной и муниципальной системе здравоохранения. Кроме того, ни один акт не определяет круг конкретных должностных лиц, на которых может быть возложена ответственность за неисполнение либо ненадлежащее исполнение данной обязанности. Эти нормы не закреплены ни в СК РФ, ни в других законах и подзаконных актах.

Рассматриваемая тема нашла свое отражение во многих работах современных авторов. К примеру, Е.П. Бурдо в данной проблематике выделяет конкретные вопросы, которые до настоящего момента не урегулированы: в какое медицинское учреждение должны обращаться молодые люди перед вступлением в брак, какие документы они должны получить в целях подтверждения своего статуса, и кто эти документы должен им выдавать. Кроме того, ученый обращает внимание на то, что не отработаны и вопросы самого комплекса медицинских обследований, которые необходимо провести лицам перед вступлением в брак. Однозначно понятно, что этот комплекс должен включать в себя исследования и консультации по медико-генетическим вопросам, вопросам планирования семьи, исследование на инфекции и болезни, передаваемые половым путем, и т. д. Остаются еще и вопросы, касающиеся самой процедуры проведения обследования, а именно: порядок и сроки его проведения, состав врачебной комиссии, перечень заболеваний, которые могут послужить препятствием для вступления в брак, отсутствует форма бланка медицинского обследования, не определен порядок сообщения его результатов и т. д. [13, с. 47].

Вследствие отсутствия нормативно-правовой базы, регулирующей порядок проведения медицинского обследования лиц, вступающих в брак, а также неопределенность в источниках его финансирования, медицинские учреждения, относящиеся к государственной и муници-

пальной системе здравоохранения, не проводят бесплатно подобные медицинские обследования.

Незнание о законном праве прохождения бесплатного медицинского обследования лиц, вступающих в брак, является не только значительным законодательным упущением, но и еще одной весомой проблемой. Существование этой проблемы можно объяснить следующими факторами – отсутствие обязанности информировать лиц, вступающих в брак, о возможности пройти медицинское обследование добровольно и бесплатно, не определен круг субъектов, в компетенцию которых закреплена бы данная обязанность. Вследствие этого данная норма имеет чисто декларативный характер и не реализуется на практике [7, с. 3].

Разделяя точку зрения Е.П. Бурдо, следует отметить, что основная нагрузка по информированию лиц, вступающих в брак, должна ложиться на органы ЗАГС, где в компетенциях работников должны быть закреплены такие обязанности. Данная работа должна проводиться и медицинскими учреждениями системы здравоохранения, используя различные методы, такие как лекции, беседы, размещение информации на плакатах и стендах в зданиях указанных органов. Не безучастны к этому процессу должны быть и органы средств массовой информации и Интернета, так как их роль в обществе становится все более значимой [13, с. 47].

Считаем актуальным предложение, высказанное Н.С. Махарадзе и А.Е. Курчановой, которые предлагают закрепить подписями будущих супругов при подаче заявления о заключении брака положение о том, что они ознакомлены и до них доведена информация о возможности пройти бесплатное медицинское обследование [8, с. 71].

Таким образом, основной целью и задачей проведения медицинского осмотра лиц, вступающих в брак, является повышение уровня здоровья граждан, рождение здорового потомства, выявление заболеваний, передающихся половым путем, душевных болезней или психических расстройств, бесплодия и, как следствие, сокращение числа недуманных браков.

На основании выявленных проблем реализации и защиты права на бесплатное медицинское обследование лиц, вступающих в брак, учитывая опыт зарубежного законодательства, а также рассмотрев мнения упомянутых выше авторов, полагаем необходимым внести следующие коррективы в Семейный кодекс Российской Федерации: закрепить обязанность прохождения медицинского обследования лиц, вступающих в брак, а также консультирование по медико-генетическим вопросам и

вопросам планирования семьи, которые должны проводиться медицинскими организациями государственной и муниципальной системы здравоохранения по месту жительства бесплатно; установить порядок и сроки проведения медицинского обследования лиц, вступающих в брак, и определить порядок сообщения результатов этого обследования; закрепить обязанность лица, прошедшего медицинское обследование и решившего заключить брак, сообщать результаты своего обследования лицу, с которым оно намерено заключить брак; конкретизировать и дополнить перечень заболеваний, которые создают угрозу жизни и здоровья будущих супругов и их потомству.

Полагаю, принятие таких поправок повысит уровень здоровья граждан, минимизирует число легкомысленных браков и, как следствие, сократится количество расторгаемых браков, а самое главное – увеличится возможность предупредить рождение детей с врожденными аномалиями, передающимися по наследству.

Список литературы

1. *Стародубцева Ю.В.* Правовые аспекты медицинского обследования лиц, вступающих в брак // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 11. С. 130-133.
2. *Антокольская М.В.* Семейное право. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2013. 431 с.
3. *Матвеева Н.А.* Правовые аспекты медицинского обследования лиц, вступающих в брак, в Российской Федерации, Украине и Беларуси // Медицинское право. 2007. № 1. С. 19-23.
4. *Косарева И.А.* Юридическое значение состояния здоровья лица, вступающего в брак // Медицинское право. 2009. № 1. С. 16-19.
5. *Шишкина Ю.С.* Медицинское обследование лиц, вступающих в брак // Семейное и жилищное право. 2013. № 1. С. 27-30.
6. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.М. Нечаева. М.: Юрайт-Издат, 2008. 548 с.
7. *Альбинов И.Р.* Правовые аспекты медицинского обследования лиц, вступающих в брак // Семейное и жилищное право. 2013. № 5. С. 2-4.
8. *Махарадзе Н.С., Курчанова А.Е.* Проблемы правового регулирования медицинского обследования лиц, вступающих в брак (социологический опрос) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 2. № 4 (97). С. 66-72.
9. *Король И.Г.* Медицинское обследование лиц, вступающих в брак: быть или не быть? // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2-3. С. 195-198.
10. *Грачева О.А.* Некоторые проблемы правового регулирования медицинского обследования лиц, вступающих в брак // Молодой ученый. 2020. № 13. С. 153-154.
11. *Чекулаев С.С., Зорин М.С.* Медицинское обследование лиц, вступающих в брак // Аллея науки. 2018. № 1. С. 619-624.
12. *Сагитова И.Ф.* О медицинском обследовании граждан, вступающих в брак // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2015. № 13. С. 3926-3930.

13. Бурдо Е.П. Медицинское обследование лиц, вступающих в брак // Марийский юридический вестник. 2015. № 2. С. 46-49.

Статья поступила в редакцию 02.08.2021 г.
Одобрена после рецензирования 15.09.2021 г.
Принята к публикации 22.09.2021 г.

Информация об авторах

Ветров Павел Валерьевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, Tetzvil@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7307-6979>

Красников Виктор Викторович, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права юридического института, Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация, viktor_krasnikov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7310-6074>

Для цитирования

Ветров П.В., Красников В.В. Основные аспекты правового регулирования медицинского обследования лиц, вступающих в брак // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 454-464. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-454-464>

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-454-464

THE MAIN ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF MEDICAL EXAMINATION OF PERSONS ENTERING INTO MARRIAGE

P.V. Vetrov¹, V.V. Krasnikov²

¹Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
Tetzvil@yandex.ru

²Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St., Tambov 392000, Russian Federation
viktor_krasnikov@list.ru

Abstract. At all stages of the existence of the state, one of its main tasks is the care and protection of the health of the people and the preservation of its gene pool. The solution to this problem is impossible without the direct participation of the state in creating a full-fledged and healthy family, as well as taking direct measures to prevent the birth of children with congenital diseases and diseases transmitted by inheritance, which is expressed in the legal

regulation of medical examination of persons entering into marriage. We analyze the legislation of foreign countries. We state two approaches to regulating this issue, where some states adhere to the position that premarital medical examination is a right, not an obligation, while others hold the exact opposite opinion. We establish contradictions between the norms of family law and the norms of the family code with the norms of federal regulations. We identify the reasons for the lack of a mechanism for exercising the right to free medical examination of persons entering into marriage. Taking into account foreign legislation and on the basis of the identified problems of the implementation and protection of the right to free medical examination of persons entering into marriage, we propose amendments and additions to the Family Code of the Russian Federation.

Keywords: marriage, family, medical examination, persons entering into marriage, contraction of marriage

References

1. Starodubtseva Y.V. Pravovyye aspekty meditsinskogo obsledovaniya lits, vstupayushchikh v brak [Legal aspects of the medical examination of persons entering into marriage]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University*, 2014, no. 11, pp.130-133. (In Russian).
2. Antokolskaya M.V. Semeynoye pravo [Family Law]. Moscow, Norma: Infra-M Publ., 2013, 431 p. (In Russian).
3. Matveyeva N.A. Pravovyye aspekty meditsinskogo obsledovaniya lits, vstupayushchikh v brak, v Rossiyskoy Federatsii, Ukraine i Belarusi [Legal aspects of medical examination of persons entering into marriage in the Russian Federation, Ukraine and Belarus]. *Meditsinskoye pravo – Medical Law*, 2007, no. 1, pp. 19-23. (In Russian).
4. Kosareva I.A. Yuridicheskoye znachenie sostoyaniya zdorov'ya litsa, vstupayushchego v brak [The legal significance of the state of health of a person entering into marriage]. *Meditsinskoye pravo – Medical Law*, 2009, no. 1, pp. 16-19. (In Russian).
5. Shishkina Y.S. Meditsinskoye obsledovaniye lits, vstupayushchikh v brak [Medical examination of persons entering into marriage]. *Semeynoye i zhilishchnoye pravo – Family and Housing Law*, 2013, no. 1, pp. 27-30. (In Russian).
6. Nechayeva A.M. (executive ed.). *Kommentariy k Semeynomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Family Code of the Russian Federation]. Moscow, Yurayt-Izdat Publ., 2008, 548 p. (In Russian).
7. Albikov I.R. Pravovyye aspekty meditsinskogo obsledovaniya lits, vstupayushchikh v brak [Legal aspects of medical examination of persons entering into marriage]. *Semeynoye i zhilishchnoye pravo – Family and Housing Law*, 2013, no. 5, pp. 2-4. (In Russian).
8. Makharadze N.S., Kurchanova A.E. Problemy pravovogo regulirovaniya meditsinskogo obsledovaniya lits, vstupayushchikh v brak (sotsiologicheskiy opros) [Problems of legal regulation of medical examination of persons entering into marriage (sociological survey)]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva – Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev*, 2020, vol. 2, no. 4 (97), pp. 66-72. (In Russian).

9. Korol I.G. Meditsinskoye obsledovaniye lits, vstupayushchikh v brak: byt' ili ne byt'? [Medical examination of persons entering into marriage: to be or not to be?]. *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences], 2016, no. 2-3, pp. 195-198. (In Russian).
10. Gracheva O.A. Nekotoryye problemy pravovogo regulirovaniya meditsinskogo obsledovaniya lits, vstupayushchikh v brak [Some problems of legal regulation of medical examination of persons entering into marriage]. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*, 2020, no. 13, pp. 153-154. (In Russian).
11. Chekulayev S.S., Zorin M.S. Meditsinskoye obsledovaniye lits, vstupayushchikh v brak [Medical examination of persons entering into marriage]. *Alleya nauki – Alley of Science*, 2018, no. 1, pp. 619-624. (In Russian).
12. Sagitova I.F. O meditsinskom obsledovanii grazhdan, vstupayushchikh v brak [About medical examination of citizens entering into marriage]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal Kontsept – Scientific-Methodological Electronic Journal Konzept*, 2015, no. 13, pp. 3926-3930. (In Russian).
13. Burdo E.P. Meditsinskoye obsledovaniye lits, vstupayushchikh v brak [Medical examination of persons entering into marriage]. *Mariyskiy yuridicheskiy vestnik – Mary Law Vestnik*, 2015, no. 2, pp. 46-49. (In Russian).

The article was submitted 02.08.2021

Approved after reviewing 15.09.2021

Accepted for publication 22.09.2021

Information about the author

Pavel V. Vetrov, Candidate of Economy, Associate Professor of Theory and History of State and Law Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, Tetzvil@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7307-6979>

Viktor V. Krasnikov, Candidate of Law, Associate Professor of International Law Department of Law Institute, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, viktor_krasnikov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7310-6074>

For citation

Vetrov P.V., Krasnikov V.V. Osnovnyye aspekty pravovogo regulirovaniya meditsinskogo obsledovaniya lits, vstupayushchikh v brak [The main aspects of legal regulation of medical examination of persons entering into marriage]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 19, pp. 454-464. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-454-464> (In Russian, Abstr. in Engl.)

Работа доступна по лицензии
Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0
Всемирная

© Гончаров И.В., 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-465-474

Шифр научной специальности 12.00.08

СУБЪЕКТИВНЫЕ СВОЙСТВА ОСНОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

И.В. Гончаров

Нахимовский районный суд города Севастополя

299004, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Адмирала Макарова, 9

goncharov_iv@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены признаки субъективной стороны состава преступления, сопряженного с нарушением правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (статья 264.1 УК РФ). Подчеркнуто, что состояние опьянения следует отличать от болезненных состояний психики, так как их следует относить к иной категории психических состояний лица. Обращая внимание на признаки субъективной стороны, отмечено, что рассматриваемый состав преступления сформулирован как формальный. В силу чего данное деяние совершается умышленно и с прямым умыслом. Управление транспортным средством в состоянии опьянения носит общественно опасный характер, так как в данном психо-физиологическом состоянии водитель в значительной степени утрачивает функциональные, физиологические, психологические возможности управления транспортом, что создает реальную угрозу для безопасного дорожного движения – опасность причинения вреда здоровью или смерти физическим лицам. Обоснована необходимость исключения из статьи 264.1 УК РФ указания на административную преюдицию, так как лицо, находясь за управлением транспортным средством в состоянии опьянения, осознает и понимает, что нарушает правила дорожного движения, что транспортное средство является источником повышенной опасности, и, кроме того, у него снижается концентрация внимания и т. п.

Ключевые слова: управление транспортным средством, состояние опьянения, общественная опасность, административная преюдиция, субъективная сторона состава преступления, умысел

Субъективная сторона состава преступления в соответствии с теорией уголовного права выражается в вине, мотиве и цели. Понятие «субъективная сторона преступления» является родовым по отношению к вине, мотиву и т. д. Каждый из названных признаков имеет свои особенности, ни один из них не может быть рассмотрен в качестве составной части другого элемента. Ни один из элементов не может заменить собой другой элемент.

Проанализируем более подробно форму вины применительно к статье 264.1 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию». В указанной статье законодатель предусмотрел, что лицо, находясь в состоянии опьянения, нарушает правила дорожного движения, причем ранее, то есть в течение года (статья 4.6 КоАП РФ), оно было подвергнуто административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения. Кроме того, в этой норме установлена административная преюдиция за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. В данной статье уголовного закона регламентируется ответственность и за нахождение лица в состоянии опьянения, имеющего судимость за совершение деяния, предусмотренного частями 2, 4 и 6 статьи 264 УК РФ. В настоящем исследовании рассмотрены именно специфика и целесообразность отражения административной преюдиции за управлением транспортным средством в состоянии опьянения.

Отражение подобного деяния в уголовном законе России обусловлено тем, что регулирование безопасности движения транспорта направлено на предотвращение наступления каких-либо неблагоприятных последствий для его участников. Это обстоятельство подтверждает и пояснительная записка к Федеральному закону от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения», в которой подчеркивается, что криминализация в том числе рассматриваемого состава преступления обусловлена распространенностью случаев нахождения водителей за управлением своих транспорт-

ных средств в состоянии опьянения, а также возможностью причинения вреда здоровью лиц или их смерти¹.

Постановление Пленума Верховного суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»² определяет транспортное средство как один из источников повышенной опасности в силу того, что фактически каждый водитель транспортного средства берет на себя ответственность по обеспечению правил дорожной безопасности движения.

В свою очередь, рассмотрение признаков субъективной стороны применимо к деянию, сопряженному с управлением транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, позволит проанализировать обусловленность криминализации данного деяния в УК РФ, а также указать форму вины преступника, совершающего подобное преступление. Однако, прежде чем приступить к анализу признаков субъективной стороны состава данного преступления, хотелось бы подчеркнуть, что уголовной ответственности подлежат и лица, употребляющие не только алкогольные напитки, но и наркотические средства или психотропные вещества и их аналоги.

Понятие «алкогольная и спиртосодержащая продукция» содержится в Федеральном законе от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»³.

В Федеральном законе от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» говорится, что следует понимать под наркотическими средствами, психотропными веществами, а также их производством, оборотом, распределением и т. п. Перечень этих средств и веществ регулируется рядом нормативных правовых актов⁴.

¹ К проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения»: пояснительная записка. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Российская газета. 2010. 5 февр.

³ См.: Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.

⁴ См.: Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г. с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 г. о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. // Собрание законодательства РФ. 2000. № 22. Ст. 226; Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: Постановление

В связи с этим, основываясь на мнении Ю.И. Козаренко, состояние опьянения можно охарактеризовать как аномально психическое состояние лица в момент совершения преступления, предусмотренного статьей 264.1 УК РФ, вызванного употреблением алкоголя и иных спиртосодержащих продуктов, наркотических или психотропных средств и веществ [1, с. 74].

По нашему мнению, Ю.И. Козаренко учла не все обстоятельства, при которых лицо считается находящимся в состоянии опьянения, так как в целом подобное состояние не указывает на его патологическое состояние в соответствии с медицинским критерием, что он подлежит ответственности, так как, наоборот, водитель подлежит ответственности, несмотря на состояние опьянения.

В период опьянения происходит нарушение деятельности центральной нервной системы, которое зависит от количества употребленного лицом алкоголя либо какого-либо запрещенного вещества, приводящего его в состояние опьянения [1, с. 66-67; 2, с. 222]. Состояние опьянения следует отличать от болезненных состояний психики, так как их следует относить к иной категории психических состояний лица. Кроме того, состояние опьянения от болезненного состояния психики отличается тем, что лицо признается психически нездоровым человеком согласно судебно-психиатрической экспертизе.

В статье 6 Закона РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и в Постановлении Правительства РФ от 28 апреля 1993 г. № 377 «О реализации Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»⁵ говорится, что вследствие психического расстройства к выполнению отдельных видов профессиональной деятельности и деятельности, связанной с источником повышенной опасности, лицам, страдающим психическими расстройствами, запрещается управлять транспортными средствами⁶.

Технико-юридическая конструкция анализируемого деяния свидетельствует о том, что лицо ранее было привлечено к административной ответственности в соответствии с КоАП РФ. Однако необходимо подчеркнуть, что административная преюдиция относится к объективной стороне состава преступления. Кроме того, ее отражение в УК РФ вызы-

Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 (в ред. от 03.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 27. Ст. 3198.

⁵ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.

⁶ См.: Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 18. Ст. 1602.

вает полемику среди ученых, так как одни исследователи разделяют позицию отечественного законодателя по отражению административной преюдиции, другие считают, что она противоречит принципам криминализации и находится в коллизии со степенью общественной опасности и качеством этого деяния. Составы преступлений с административной преюдицией предусматривают уголовную ответственность лица повторно в течение года со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания совершившего подобное деяние.

Обращая внимание на признаки субъективной стороны, хотелось бы отметить, что рассматриваемый состав преступления сформулирован как формальный. Таким образом, оно признается совершенным умышленно и с прямым умыслом [3, с. 98]. Кроме того, при прямом умысле виновное лицо предполагает возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий.

Применительно к иным признакам субъективной стороны, а именно мотиву и цели, их необходимо устанавливать по определенной норме УК РФ только в том случае, если законодатель их непосредственно отразил в УК РФ, например, статьи 116 (мотив), 148 (цель) и т. д. В иных случаях мотив и цель, за исключением возможной их переквалификации с одной нормы УК РФ рассматриваемого состава преступления на другую, имеют значение для квалификации. В научной литературе указывается, что деяние, предусмотренное статьей 264.1 уголовного закона, может совершаться умышленно либо по неосторожности [4].

Между тем, как отмечает Г.Ш. Аюпова, уголовный закон не включает в умысел такой признак, как осознание виновным лицом своей противоправности. В результате суды не всегда обращают внимание на данный признак [5, с. 148]. Судебная практика свидетельствует о том, что лицо в период нахождения за управлением транспортным средством в состоянии опьянения перед привлечением его к уголовной ответственности по статье 264.1 УК РФ осознавало общественную опасность своих действий⁷, в том числе умышленное невыполнение требований Правил дорожного движения Российской Федерации⁸.

⁷ См.: Приговор Ахтубинского районного суда Астраханской области от 21.11.2019 по делу № 1-366/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TdWK7jxmHrHJ/?regular-txt=> (дата обращения: 12.05.2020); Приговор Ахтубинского районного суда Астраханской области от 5.11.2019 по делу № 1-318/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VpDKJ09IM9Hr/?regular-txt=> (дата обращения: 12.05.2020).

⁸ См.: Приговор Элистинского городского суда Республики Калмыкия от 04.09.2019 по делу № 1-339/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL:

Г.Ш. Аюпова считает, что психическое отношение лица к употреблению средств и веществ, приводящих его в состояние опьянения, не влияет на квалификацию по статье 264.1 УК РФ.

В случае если лицо полагало, что с учетом определенного периода времени с момента принятия или употребления средств и веществ, приводящих его в состояние опьянения, из организма они уже вывелись, но в момент его нахождения за управлением транспортным средством оказалось, что оно пребывает в состоянии опьянения, данное лицо будет подлежать ответственности в соответствии с нормами отечественного законодательства [5, с. 148-150]. Это свидетельствует о том, что анализируемое преступление было совершено умышленно. Приведенное заключение подтверждают примеры судебной практики. Так, в приговоре Красноуфимского районного суда от 1 июня 2017 г. по делу № 1-2-6/2017 подчеркивается, что подсудимый П. совершил умышленное преступление против безопасности движения и эксплуатации транспорта и относящееся к категории небольшой тяжести⁹.

Однако в судебной практике имело место постановление Президиума Верховного суда Республики Марий Эл от 18 марта 2016 г. № 44У-3/2016, в котором, во-первых, говорилось о том, что суд первой инстанции, рассматривающий дело в отношении В., указал, что при совершении им деяния по статье 264.1 УК РФ имел место рецидив преступлений, так как было совершено умышленное преступление небольшой тяжести при наличии судимости за умышленное особо тяжкое преступление. В результате осужденному было назначено наказание по части 2 статьи 68 УК РФ. Суд апелляционной инстанции указал, что статья 264.1 УК РФ предполагает неосторожную форму вины, поэтому исключил из предыдущего приговора суда указание на наличие у В. рецидива преступлений.

Президиум Верховного суда Республики Марий Эл пришел к выводу, согласно которому суд апелляционной инстанции неправильно понял технико-юридическое содержание статьи 264.1 УК РФ, так как в

<https://sudact.ru/regular/doc/M6vBg77cgnmj/?regular-txt=> (дата обращения: 12.05.2020); Приговор Олёкминского районного суда Республики Саха (Якутия) от 09.07.2019 по делу № 1-65/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/zQa56Q7lNxQl/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc= (дата обращения: 12.05.2020).

⁹ См.: Приговор Красноуфимского районного суда Свердловской области от 01.06.2017 по делу № 1-2-6/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ZfBGi4h9hxZj/?page=4®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc= (дата обращения: 12.05.2020).

ней содержится формальный состав преступления, которое может быть совершено только с прямым умыслом. В связи с этим уголовное дело в отношении В. было направлено на новое апелляционное рассмотрение¹⁰.

Необходимо учитывать тот факт, что лицо, управляя транспортным средством, осознает, что управляет источником повышенной опасности для окружающих, а употребляя вещества, приводящие его в состояние опьянения, понимает, что в данном состоянии снижается концентрация внимания, что приводит к нарушению правил дорожного движения, так как согласно пункту 2.7 статьи 2 Постановления Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения»¹¹ водителю запрещается управлять транспортным средством в состоянии опьянения (независимо от того, какое средство, вещество и т. п. привело лицо в подобное состояние).

Статистические данные Судебного департамента при Верховном суде РФ свидетельствуют о правовом нигилизме водителей транспортных средств¹². Поэтому общественная опасность с субъективной стороны состава рассматриваемого деяния заключается в том, что лицо, управляя транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, характеризуется тем, что оно и так, управляя источником повышенной опасности, имеет прямой умысел на совершение в дальнейшем деяний, которые могут привести к вредным последствиям. Это связано с тем, что к водителю предъявляются достаточно высокие требования, ведь, вступая в ряды автомобилистов, он становится частью огромной системы, которая должна действовать четко во избежание гибели и травматизма людей. А водитель в состоянии алкогольного опьянения ставит под угрозу жизнь и безопасность всех окружающих.

Считаем в этой связи необходимым из статьи 264.1 УК РФ исключить указание на административную преюдицию, так как лицо, управляющее транспортным средством в состоянии опьянения, понимает, что находится за управлением транспортным средством, а также нарушает правила дорожного движения и может причинить вред окружающим в силу того, что у него снижено внимание, и предвидит на-

¹⁰ См.: Постановление Президиума Верховного суда Республики Марий Эл от 18.03.2016 № 44У-3/2016. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 47. Ст. 4531.

¹² См.: Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.04.2020).

ступление иных, более тяжких последствий для окружающих, связанных с причинением по его вине вреда их здоровью или смерти. Поэтому лицо, управляющее транспортным средством, заранее берет на себя ответственность по обеспечению любыми способами безопасности движения для окружающих.

Управление транспортным средством в состоянии опьянения носит общественно опасный характер, так как в данном психо-физиологическом состоянии водитель в значительной степени утрачивает функциональные, физиологические, психологические возможности управления транспортом, что создает реальную угрозу для безопасного дорожного движения – опасность причинения вреда здоровью или смерти физическим лицам.

Список литературы

1. *Козаренко Ю.И.* Состояние опьянение: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014. 214 с.
2. *Наумов А.В.* Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 1: Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2011. 736 с.
3. *Дуюнов В.К., Хлебушкин А.Г.* Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика. М.: РИОР, 2018. 384 с.
4. *Баканов К.С., Васюков В.Ф.* Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию // Уголовный процесс. 2016. № 6. С. 60-67.
5. *Аюпова Г.Ш.* Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 225 с.

Статья поступила в редакцию 22.07.2021 г.

Одобрена после рецензирования 15.09.2021 г.

Принята к публикации 22.09.2021 г.

Информация об авторе

Гончаров Игорь Владимирович, заместитель председателя, Нахимовский районный суд города Севастополя, г. Севастополь, Российская Федерация, goncharov_iv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1572-0655>

Для цитирования

Гончаров И.В. Субъективные свойства основания уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 465-474. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-465-474>

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-465-474

SUBJECTIVE PROPERTIES OF THE GROUNDS FOR CRIMINAL LIABILITY FOR DRIVING WHILE INTOXICATED

I.V. Goncharov

Nakhimovsky District Court of Sevastopol

9 Admiral Makarov St., Sevastopol 299004, Russian Federation

goncharov_iv@mail.ru

Abstract. We consider the signs of subjective side of a crime involving a traffic violation by a person subjected to administrative punishment (Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). We emphasize that the state of intoxication should be distinguished from morbid psyche states, since they should be attributed to a different category of mental states of the person. We pay attention to the signs of the subjective side, we note that the considered corpus delicti is formulated as formal. Therefore, this act is committed intentionally and with direct intent. Driving while intoxicated is socially dangerous, since in this psycho-physiological state the driver largely loses the functional, physiological, psychological capabilities of transport control, which poses a real threat to safe road traffic – the danger of harm to health or death to individuals. We justify the need to exclude from Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation an indication of an administrative prejudice, since a person, while driving intoxicated, realizes and understands that he is violating traffic rules, that the vehicle is a source of increased danger, and, in addition, his concentration of attention decreases, etc.

Keywords: driving a vehicle, state of intoxication, public danger, administrative prejudice, subjective side of corpus delicti, intent

References

1. Kozarenko Y.I. *Sostoyaniye op'yaneniye: ugovno-pravovyye i kriminologicheskiye aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk* [The State of Intoxication: Criminal Law and Criminological Aspects. Cand. jurid. sci. diss.]. Volgograd, 2014, 214 p. (In Russian).
2. Naumov A.V. *Rossiyskoye ugovnoye pravo: kurs lektsiy: v 3 t. T. 1: Obshchaya chast'* [Russian Criminal Law: Course of Lectures: in 3 vols. Vol. 1: General Part]. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2011, 736 p. (In Russian).
3. Duyunov V.K., Khlebushkin A.G. *Kvalifikatsiya prestupleniy: zakonodatel'stvo, teoriya, sudebnaya praktika* [Qualification of Crimes: Legislation, Theory, Judicial Practice]. Moscow, RIOR Publ., 2018, 384 p. (In Russian).
4. Bakanov K.S., Vasyukov V.F. Narusheniye pravil dorozhnogo dvizheniya litsom, podvergnutym administrativnomu nakazaniyu [Violation of traffic rules by a person subjected to administrative punishment]. *Ugovnyy protsess – Criminal Procedure*, 2016, no. 6, pp. 60-67. (In Russian).

5. Ayupova G.S. *Ugolovnaya otvetstvennost' za narusheniye pravil dorozhnogo dvizheniya litsom, podvergnutym administrativnomu nakazaniyu: dis. ... kand. jurid. nauk* [Criminal Liability for Violation of Traffic Rules by a Person Subjected to Administrative Punishment. Cand. jurid. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2018, 225 p. (In Russian).

The article was submitted 22.07.2021

Approved after reviewing 15.09.2021

Accepted for publication 22.09.2021

Information about the author

Igor V. Goncharov, Vice-Chairman, Nakhimovsky District Court of Sevastopol, Sevastopol, Russian Federation, goncharov_iv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1572-0655>

For citation

Goncharov I.V. Sub'yektivnyye svoystva osnovaniya ugolovnoy otvetstvennosti za upravleniye transportnym sredstvom v sostoyanii op'yaneniya [Subjective properties of the grounds for criminal liability for driving while intoxicated]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 19, pp. 465-474. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-465-474> (In Russian, Abstr. in Engl.)

Работа доступна по лицензии
Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0
Всемирная

2021. Т. 5. № 19 АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law.html>

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA = CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2021, vol. 5, no. 19 <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng.html>
ISSN 2587-9340

Перечень ВАК, РИНЦ, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

© Крамской В.В., 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 346.32

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-475-485

Шифр научной специальности 12.00.03

ИНСТИТУТ СРОКА В ПРАВООТНОШЕНИЯХ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИСПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО (МУНИЦИПАЛЬНОГО) КОНТРАКТА И ГАРАНТИЙНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ: ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

В.В. Крамской^{1,2}

¹ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, 82

²ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106

evkramskoy@mail.ru

Аннотация. Исследован институт срока в обеспечительных правоотношениях, используемый в положениях государственных (муниципальных) контрактов, заключаемых для закупок товаров, работ, услуг по обеспечению государственных и муниципальных нужд. Основной целью является анализ положений законодательства о контрактной системе в части осмысления существующего подхода к закреплению в праве обеспечительных обязательств контрагентов государственного заказчика, сроков, в течение которых действует тот или иной способ обеспечения исполнения контракта, и срока, в течение которого предоставляется со стороны поставщика, подрядчика, исполнителя обеспечение как контрактного обязательства, так и следующего за ним гарантийного обязательства. Поставлена проблема непоследовательности правового регулирования названного правового института и правовой неопределенности в применении отдельных его аспектов, дано объяснение такому положению дел, и приводятся примеры возможного формулирования условий о сроке действия обеспечительных обязательств в контракте. В

частности, показаны случаи «правового вакуума» в ситуации с возвратом денежных средств, внесенных в качестве обеспечения исполнения контракта, случай пробела в праве относительно условия о сроке предоставления обеспечения гарантийного обязательства и др. Статья носит практико-ориентированный характер и содержит в себе примеры возможного формулирования условий контрактов в части действия обеспечительных мер. Методологическую основу исследования составили методы анализа и синтеза, формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Ключевые слова: контракт, срок, заказчик, поставщик (подрядчик, исполнитель), обеспечение исполнения контракта, гарантийное обязательство

Если бы известный еще со времен римского права принцип *раста sunt servanda*, содержащий в себе постулат о том, что договоры должны соблюдаться, был бы настолько незыблем, что не нуждался в защите, то, вероятнее, и институт обеспечения исполнения договорных (контрактных) обязательств и не возник бы.

Институт обеспечения исполнения обязательств поставщика (подрядчика, исполнителя) в контрактных правоотношениях играет важную системообразующую роль в функционировании всей конструкции государственного (муниципального) контракта, поскольку от эффективности его реализации зависит полнота удовлетворения интересов государственного (муниципального) заказчика в товарах, работах, услугах, а также уровень финансово-хозяйственной дисциплины поставщиков (подрядчиков, исполнителей), на что обращается внимание в юридической литературе. Причем внимание ученых-правоведов обращается не только на институт обеспечения исполнения контрактных обязательств, но и обязательств, возникающих из повседневных гражданско-правовых договоров купли-продажи, подряда, возмездного оказания услуг и др.

К примеру, Е.В. Кругликова отмечает, что реализация мер по обеспечению исполнения договора (контракта) всегда связана с нарушением договорных обязательств со стороны контрагента и направлена на соблюдение интересов кредитора, в нашем случае – государственного или муниципального заказчика [1, с. 414]. На негативный контекст реализации процедуры обеспечения исполнения договорных обязательств указывается и в совместной работе М.И. Брагинского и В.В. Витрянского [2, с. 171].

До недавнего времени институт обеспечения исполнения контракта представлял собой вариацию таких общегражданских способов обеспечения исполнения обязательств, как независимая гарантия и обеспе-

чительный платеж¹. Наряду с банковской гарантией как видом независимой гарантии и обеспечительным платежом к обеспечению исполнения контракта в 2019 г. добавился институт обеспечения исполнения гарантийных обязательств, который уже стал получать научное осмысление в плане совершенствования практики его функционирования [3, с. 123].

В сравнении с институтом обеспечения исполнения контракта, который в рамках контрактной системы существовал со дня ее введения в действие, институт обеспечения исполнения гарантийных обязательств появился с принятием Федерального закона от 1 мая 2019 г. № 71-ФЗ².

Супротив институту обеспечения исполнения контрактного обязательства, являющимся, как правило, обязательным элементом, предвещающим заключение контракта, включение в контракт положений об обеспечении гарантийных обязательств контрагента является дискреционным полномочием заказчика, который реализует право на установление гарантийных обязательств в рамках каждой закупки избирательно, в зависимости от конкретных ее условий.

При этом согласно части 3 статьи 96 федерального закона о контрактной системе³ гарантийные обязательства контрагента государственного заказчика обеспечиваются так же: либо банковской гарантией, либо внесением денежных средств на счет, указанный заказчиком.

В срезе рассмотрения институтов обеспечения исполнения как контракта, так и гарантийных обязательств возможно выделение трех аспектов, связанных с правовой регламентацией срока:

- 1) срок предоставления обеспечительных обязательств;
- 2) срок действия обеспечительных обязательств;
- 3) срок возврата обеспечения в виде денежных средств.

Совершенно закономерно, что если на поставщика (подрядчика, исполнителя) в отдельных случаях возложена обязанность предоставления обеспечения исполнения основного контрактного обязательства или гарантийного обязательства, вытекающего из основного, то долж-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Часть первая (действ. ред. с учетом изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 01.05.2019 № 71-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 18. Ст. 2195.

³ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд от 05.04.2013 № 44-ФЗ (действ. ред. с учетом изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

на существовать и правовая урегулированность вопроса о сроках предоставления поставщиками (подрядчиками, исполнителями) такого обеспечения.

Срок предоставления обеспечительных обязательств со стороны контрагента заказчика представляет собой период времени, в течение которого лицо, которое признали в установленном порядке в качестве поставщика (подрядчика, исполнителя) по итогам конкурентных (неконкурентных) процедур торгов, направляет заказчику подтверждение взятия на себя обеспечительных обязательств.

Частью 3 статьи 83.2 федерального закона о контрактной системе предусмотрено, что по окончании административной процедуры по определению лица в качестве поставщика (подрядчика, исполнителя) заказчиком на государственном информационном ресурсе размещается проект контракта, который подписывается контрагентом заказчика в пределах 5 календарных дней. В этот же срок контрагент заказчика обязан направить ему либо банковскую гарантию, либо внести денежные средства в депозит.

Важным условием финансово-хозяйственной дисциплины будет являться то, что факт заключения контракта обусловлен фактом предоставления обеспечения исполнения этого контракта со стороны поставщика (подрядчика, исполнителя).

В ходе исполнения контракта возможна ситуация, когда выданная кредитной организацией банковская гарантия утрачивает свой обеспечительный потенциал по причине утраты такой организацией специальной правоспособности ввиду отзыва лицензии на осуществление банковских операций. В этом случае на поставщика (подрядчика, исполнителя) падает бремя предоставления нового обеспечения в течение одного месяца.

Если со сроком предоставления обеспечения исполнения контракта ситуация с точки зрения правовой регламентации ясна, то со сроком предоставления обеспечения исполнения гарантийных обязательств существует некая неопределенность, о чем в своих исследованиях упоминают Т.А. Гусева, Е.М. Фомина [4, с. 123] и Е.С. Первушина [5, с. 12].

Так, в силу части 7.1 статьи 94 федерального закона о контрактной системе при установлении заказчиком при проведении процедуры определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) такого требования, как предоставление гарантийных обязательств и их обеспечения исполнения, процедура приемки товаров, работ, услуг, поставленных

контрагентом в рамках исполнения контракта, будет осуществляться государственным (муниципальным) заказчиком только после предоставления обеспечения исполнения гарантийных обязательств.

Сравнивая институт обеспечения исполнения контракта и институт обеспечения гарантийных обязательств в части сроков их предоставления, становится видно, что в отношении обеспечения исполнения гарантийных обязательств:

1) срок предоставления обеспечения гарантийного обязательства установлен законодательством условно – только путем указания этапа в составе срока действия контракта в целом, на котором должно быть предоставлено обеспечение исполнения гарантийных обязательств, то есть на стадии окончательной приемки реализованного предмета контракта;

2) определение конечного срока предоставления обеспечения гарантийного обязательства отводится на усмотрение заказчика при формулировании положений контракта на стадии размещения заказа.

Здесь уместно задаться вопросом о том, в связи с чем законом не установлен конкретный срок предоставления гарантийного обязательства супротив определенного законодателем срока предоставления обеспечения контрактного обязательства.

Объяснение этому видится в необходимости обеспечения имущественных интересов поставщика (подрядчика, исполнителя), поскольку на момент заключения контракта, в особенности исполнение по которому отдалено во времени от даты его заключения, необходимость, к примеру, удержания денежных средств, которые служат средством обеспечения гарантийного обязательства, отсутствует. На этапе заключения контракта контракт еще не исполнен вовсе, что делает нецелесообразным ведение разговора о необходимости предоставления гарантийного обязательства.

Длительность периода действия обеспечения в виде банковской гарантии (от вступления в силу контракта до окончания срока действия гарантийного обязательства) удорожает ее стоимость, а длительность удержания денежных средств, обеспечивающих исполнение гарантийного обязательства (от начала действия контракта до окончания срока действия гарантийных обязательств на предмет контракта), связана с утратой данными денежными средствами их первоначальной платежеспособности ввиду явления экономической инфляции.

При решении вопроса об определении срока предоставления обеспечения исполнения гарантийных обязательств следует исходить из

продолжительности периода, в течение которого осуществляется приемка заказчиком исполнения контрактных обязательств контрагентом заказчика, в пределах течения которого стороны должны оформить приемо-передаточные документы.

Определение срока предоставления обеспечения исполнения гарантийных обязательств должно соотноситься со сроком окончания приемки исполнения по контракту. В этой связи условие о сроке предоставления обеспечения исполнения гарантийных обязательств может выглядеть следующим образом:

«Принятие поставленного по государственному контракту Товара по его количеству, качеству, комплектности осуществляется Государственным заказчиком в течение 2 рабочих дней с даты получения Товара от Поставщика, что подтверждается подписанием переданного Поставщиком проекта Акта сдачи-приемки товара. Одновременно с передачей поставленного Товара и подписанного Поставщиком проекта Акта сдачи-приемки товара Поставщик предоставляет обеспечение исполнения гарантийных обязательств на поставленный Товар.»

Следующим аспектом правовой регламентации срока применительно к институту обеспечения контрактно-гарантийных обязательств является вопрос определения *продолжительности действия обеспечения обязательства*.

В соответствии с частью 3 статьи 96 федерального закона о контрактной системе срок действия банковской гарантии для каждого из случаев определяется поставщиком (подрядчиком, исполнителем) самостоятельно с учетом правила о месячном запасе срока действия гарантии.

Так, если по государственному контракту поставщик должен поставить товар в течение 70 дней с даты заключения государственного контракта, то срок действия банковской гарантии должен быть не менее 90 дней.

По сроку действия обеспечения исполнения контракта (основного обязательства) посредством его обеспечения денежными средствами с депозитным хранением, федеральный закон о контрактной системе прямого ответа не содержит, но в определенных законом случаях срок возврата денежных средств обеспечительного характера не должен превышать 30 или 15 дней с даты исполнения контрактного обязательства.

Следует обратить внимание, что в части 27 статьи 34 федерального закона о контрактной системе речь идет об обеспечении исполнения основного обязательства, но не гарантийного.

Сравнивая между собой положения о сроке действия обеспечительного обязательства в виде гарантии или депозитного хранения денежных средств, приведем следующие умозаключения:

1) срок действия банковской гарантии и срок действия обеспечения в виде внесенных на указанный заказчиком счет денежных средств различны;

2) срок действия банковской гарантии един для всех категорий контрагентов заказчика, а срок действия обеспечения в виде внесенных на указанный заказчиком счет денежных средств дифференцирован в зависимости от категории контрагента заказчика: по общему правилу он не должен превышать 30 дней, а в отдельных случаях – 15 дней;

3) в отношении срока возврата денежных средств, внесенных в качестве обеспечения исполнения гарантийных обязательств, федеральный закон о контрактной системе соответствующих правил не содержит.

Федеральным законом о контрактной системе не установлен в полной мере порядок обращения с денежными средствами, внесенными в качестве обеспечения исполнения гарантийных обязательств после его исполнения, ввиду чего существует проблемный аспект правоприменительной практики, связанный с определением момента возврата денежных средств обеспечительного характера.

Применяя правила формальной логики, очевидно, что срок удержания обеспечительных денежных средств должен быть сопоставим со сроком действия гарантийного обязательства. К примеру: если срок гарантийного обязательства составляет 180 дней с даты подписания акта сдачи-приемки товара, нецелесообразным является установление по умолчанию срока удержания обеспечительных денежных средств продолжительностью менее 180 календарных дней, поскольку в полной мере не будет соблюдено правило об обеспечении исполнения гарантийного обязательства.

Тем самым в ситуации «правового вакуума» со сроком возврата обеспечительных денежных средств представляется целесообразным воспользоваться общеправовым правилом об аналогии закона и в отношении срока возврата обеспечительных денежных средств руководствоваться нормативным положением о возврате денежных средств обеспечительного характера.

В ситуации с определением срока действия обеспечения гарантийного обязательства и моментом возврата обеспечительных денежных средств можно также вести речь не о применении аналогии закона, а в известной мере о применении расширительного толкования положений федерального закона о контрактной системе, содержащихся в части 27 статьи 34, и в определении срока действия обеспечения гарантийного обязательства и момента возврата денежных средств, внесенных в качестве обеспечения исполнения гарантийного обязательства, исходить из того, что гарантийные обязательства – это часть обязательства поставщика (подрядчика, исполнителя) по исполнению контракта. Однако представляется более предпочтительным вариант с применением аналогии закона, поскольку в последнем случае появляются основания для утверждения о подмене понятий. Ведь самим федеральным законом о контрактной системе предусмотрено как самостоятельное обеспечение исполнения контракта, так и обеспечение исполнения гарантийного обязательства (часть 1 статьи 96).

Говоря о *возврате денежных средств обеспечительного характера*, следует обратить внимание еще на один существенный аспект института обеспечения исполнения путем внесения контрагентом заказчика денежных средств на указанный им счет.

Так, согласно части 7.1 статьи 96 федерального закона о контрактной системе если контракт предусматривает его поэтапное исполнение, то размер предоставленного обеспечения исполнения контракта подлежит так же поэтапному уменьшению пропорционально исполненному объему основного обязательства.

В контракте, предусматривающем его поэтапное исполнение, установление срока поэтапного возврата обеспечительных денежных средств отводится на усмотрение заказчика, но с учетом правила о тридцатидневном или пятнадцатидневном сроке, рассмотренном выше.

В целях универсализации положений контракта о возврате денежных средств обеспечительного характера представляется целесообразным в положениях каждого контракта предусматривать 15-дневный срок на возврат денежных средств по итогам исполнения основного обязательства в рамках отдельного этапа исполнения контракта или в целом контракта, а также окончания срока действия гарантийных обязательств.

В качестве примера изложения правила об этом в тексте контракта может быть:

«Срок действия банковской гарантии, предоставленной в обеспечение исполнения настоящего Контракта или гарантийных обязательств Поставщика, должен превышать срок действия Контракта или срок действия гарантийного обязательства на поставленный Товар соответственно не менее чем на один месяц.»

«В случае обеспечения исполнения настоящего Контракта или гарантийных обязательств Подрядчика на результат выполненных работ по настоящему Контракту посредством внесения денежных средств на счет, указанный Государственным заказчиком, возврат данных денежных средств осуществляется в течение 15 календарных дней со дня соответственно принятия Государственным заказчиком исполнения по настоящему Контракту или принятия исполнения по гарантийному обязательству Подрядчика на результат выполненных работ либо окончания срока гарантийных обязательств Подрядчика.»

Список литературы

1. *Кругликова Е.В.* Титульное обеспечение как способ обеспечения исполнения обязательств // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 414-432.
2. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Книга первая. М.: Статут, 2001.
3. *Демина Е.А.* Правовые проблемы обеспечения гарантийных обязательств // Хозяйство и право. 2021. № 1 (528). С. 122-128.
4. *Гусева Т.А., Фоминова Е.М.* Проблемы обеспечения исполнения гарантийных обязательств после 1 июля 2019 года // Хозяйство и право. 2020. № 9 (524). С. 123-128.
5. *Первушина Е.С.* Проблемы обеспечения гарантийных обязательств при поставке товаров для государственных (муниципальных) нужд // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы 9 Междунар. науч. конф. Казань, 2020. С. 12-17.

Статья поступила в редакцию 22.07.2021 г.

Одобрена после рецензирования 15.09.2021 г.

Принята к публикации 22.09.2021 г.

Информация об авторе

Крамской Вадим Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин, Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент кафедры гражданского права и процесса, Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация, vkramskoy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4186-7765>

Для цитирования

Крамской В.В. Институт срока в правоотношениях по обеспечению исполнения государственного (муниципального) контракта и гарантийных обязательств: вопросы практики правовой регламентации // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 475-485. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-475-485>

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-475-485

**THE INSTITUTION OF TERM IN LEGAL RELATIONS
TO ENSURE THE EXECUTION OF STATE (MUNICIPAL)
CONTRACT AND GUARANTEE OBLIGATIONS:
ISSUES OF LEGAL REGULATION PRACTICE**

V.V. Kramskoy^{1,2}

¹The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
84 Vernadskogo Ave., Moscow 119571, Russian Federation

²Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St., Tambov 392000, Russian Federation
vkramskoy@mail.ru

Abstract. We investigate the institution of term in security relations, used in the provisions of state (municipal) contracts concluded for the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs. The main goal is to analyze the provisions of the legislation on the contractual system in terms of comprehending the existing approach to securing in law the security obligations of counterparties of the state customer, the periods during which one or another method of securing the execution of the contract is valid, and the period during which it is provided by the supplier, contractor, executor securing both the contractual obligation and the guarantee obligation following it. We pose the problem of inconsistency in the legal regulation of the named legal institution and legal uncertainty in the application of its individual aspects, an explanation is given for this state of affairs, and we give examples of the possible formulation of conditions on the duration of security obligations in a contract. In particular, it shows cases of a “legal vacuum” in a situation with the return of funds contributed as a security for the performance of a contract, a case of a gap in the law regarding a condition on the term of provision of a guarantee, etc. The work is practice-oriented and contains examples of the possible formulation of the terms of contracts in terms of the effect of interim measures. The research methodology is based on methods of analysis and synthesis, formal legal and comparative legal methods.

Keywords: contract, term, customer, supplier (contractor, executor), contract enforcement, warranty

References

1. Kruglikova E.V. Titul'noye obespecheniye kak sposob obespecheniya ispolne-niya obyazatel'stv [Title security as a way of securing obligations]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii* [Russian Justice Issues], 2019, no. 3, pp. 414-432. (In Russian).
2. Braginskiy M.I., Vitryanskiy V.V. *Dogovornoye pravo. Kniga pervaya* [Contract Law. Book one]. Moscow, Statut Publ., 2001, pp. 171. (In Russian).
3. Demenina E.A. Pravovyye problemy obespecheniya garantiynykh obyazatel'stv [Legal problems of ensuring warranties]. *Khozyaystvo i pravo – Business and Law*, 2021, no. 1 (528), pp. 122-128. (In Russian).
4. Guseva T.A., Fominova E.M. Problemy obespecheniya ispolneniya garantiynykh obyazatel'stv posle 1 iyulya 2019 goda [Problems of enforcing warranty obligations after July 1, 2019]. *Khozyaystvo i pravo – Business and Law*, 2020, no. 9 (524), pp. 123-128. (In Russian).
5. Pervushina E.S. Problemy obespecheniya garantiynykh obyazatel'stv pri postavke tovarov dlya gosudarstvennykh (munitsipal'nykh) nuzhd [Problems of ensuring warranty obligations in the supply of goods for state (municipal) needs]. *Materialy 9 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Yuridicheskiye nauki: problemy i perspektivy»* [Proceedings of the 9th International Scientific Conference “Legal Sciences: Problems and Prospects”]. Kazan, 2020, pp. 12-17. (In Russian).

The article was submitted 22.07.2021

Approved after reviewing 15.09.2021

Accepted for publication 22.09.2021

Information about the author

Vadim V. Kramskoy, Candidate of Law, Associate Professor of Legal Disciplines Department, Tambov Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Tambov, Russian Federation; Associate Professor of Civil Law and Procedure Department, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, vkramskoy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4186-7765>

For citation

Kramskoy V.V. Institut sroka v pravootnosheniyakh po obespecheniyu ispolneniya gosudarstvennogo (munitsipal'nogo) kontrakta i garantiynykh obyazatel'stv: voprosy praktiki pravovoy reglamentatsii [The institution of term in legal relations to ensure the execution of state (municipal) contract and guarantee obligations: issues of legal regulation practice]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 19, pp. 475-485. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-475-485> (In Russian, Abstr. in Engl.)

Работа доступна по лицензии
Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0
Всемирная

© Налимов Ю.Д., 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.34

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-486-499

Шифр научной специальности 12.00.08

КРИТЕРИИ ОТГРАНИЧЕНИЯ ВАНДАЛИЗМА ОТ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОГО ДЕЯНИЯ

Ю.Д. Налимов

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя»

117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12

nastia.nalimowa@yandex.ru

Аннотация. При квалификации вандализма правоприменители часто испытывают сложности по отграничению преступного деяния от мало-значительного, которое формально содержит признаки преступления, однако не представляет общественной опасности. По причине оценочности признаков, как вандализма, так и малозначительности деяния, высока вероятность квалификационных ошибок, при которых малозначительные деяния признаются преступными, либо, напротив, действия лиц, совершивших вандализм, признаются непроступными. На сегодняшний день отсутствует единое доктринальное мнение, определяющее критерии малозначительности, в судебно-следственной практике наблюдается аналогичная ситуация. По указанным причинам тема является актуальной и требует всестороннего анализа. Целью исследования выступает рассмотрение точек зрения исследователей, представляющих интерес для науки уголовного права и правоприменителей. Задачами ставится установление правил квалификации преступного и малозначительного вандализма, способствующих принятию верного решения субъектами правоприменения, внесение научно-обоснованных предложений по применению статьи 14 части 2 УК РФ применительно к деяниям, формально подпадающих под признаки преступления, предусмотренного статьей 214 УК РФ. При проведении исследования использовались следующие методы: диалектический, анализ, синтез и социологический. В результате проведенного анализа выявлены наиболее

распространенные ошибки, допускаемые правоприменителем, рассмотрены точки зрения ученых по квалификации вандализма. Также были исследованы признаки малозначительности с учетом практических и доктринальных позиций. В качестве выводов предложены признаки малозначительности, подлежащие установлению правоохранительными органами, с целью правильной квалификации вандальных действий.

Ключевые слова: вандализм, дифференциация вандализма, квалификация вандализма, малозначительный вандализм, признаки малозначительного вандализма

В части 2 статьи 14 УК РФ законодатель дает понятие малозначительного деяния, разъясняя, что оно формально содержит признаки преступления, но не представляет общественной опасности, соответственно, совершившее его лицо к уголовной ответственности не привлекается. Таким образом, установление и закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления [1, с. 5] еще не говорит о том, что данный факт расценивается как преступное посягательство, и лицо подлежит наказанию по одной из норм Особенной части УК РФ.

Ввиду отсутствия нормативного закрепления критериев исследуемой дефиниции субъекты правоприменения при квалификации уголовно-правовых деяний используют определение Конституционного суда Российской Федерации по разъяснению анализируемого понятия относительно административно-правовой малозначительности. В указанном решении сделан акцент на том, что критерий оценочности малозначительности не говорит о ее неопределенности. Причиной подобной формулировки выступает многочисленность обстоятельств правонарушений, не позволяющих конкретизировать исследуемое понятие, а подобное определение позволяет эффективно применять правовую норму в различных ситуациях¹.

Практический интерес представляет точка зрения К.В. Ображиева и Н.И. Пикурова, согласно которой основой правильной квалификации при использовании норм, имеющих оценочные признаки, выступает

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав статьей 2.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также пунктом 21 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституционного суда РФ от 28.06.2018 № 1650-О. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=546025#IWCamfSrbUKv4xz4> (дата обращения: 09.04.2021).

наличие устоявшихся критериев оценки, выработанных субъектами правоприменения [2, с. 162]. Поэтому представляется целесообразным проанализировать ошибки, допускаемые правоприменителем при квалификации преступлений и деяний, не представляющих общественной опасности, признаки малозначительности и обстоятельства, имеющие значение для дифференциации противоправного и непротивоправного поведения.

Изначально рассмотрим основной признак – общественная опасность, который характеризует деяние как преступное либо малозначительное.

Наукой уголовного права общественная опасность деяния рассматривается как объективно-субъективная категория [3, с. 69; 4, с. 232-233]. Суть исследуемого аспекта состоит в том, что степень общественной опасности деяния зависит не только от его объективных признаков, которые характеризуются наличием или отсутствием преступных последствий, способом совершения деяния, использованием каких-либо средств лицом, его совершившим, и пр., но и субъективных признаков, а именно – вида умысла, мотива и цели его совершения. Данная позиция находит свое отражение в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации².

В ходе изучения правоприменительной практики по квалификации вандализма установлено, что в процессуальных документах не всегда находят отражение субъективные признаки, что может стать причиной неверной квалификации. При оценке деяния и рассмотрении возможности применения части 2 статьи 14 УК РФ направленность умысла имеет принципиальное значение. Как отмечает Н.Ф. Кузнецова, вопрос о малозначительности деяния ставится только, когда лицо собиралось совершить именно малозначительное деяние (не представляющее общественной опасности) [5, с. 67]. В ситуациях, когда лицо было задержано в момент совершения акта вандализма или по иным причинам не реализовало свой умысел, который был направлен на совершение преступного посягательства, действия виновного квалифицируются как покушение на совершение преступления.

Таким образом, обязательными условиями применения части 2 статьи 14 УК РФ является наличие совокупности следующих критериев:

² О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Пленум Верховного суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 11.04.2021).

1) объективного, указывающего на отсутствие общественной опасности деяния, то есть отсутствуют вред и угроза причинения вреда объекту уголовно-правовой нормы;

2) субъективного, свидетельствующего о направленности умысла лица, его совершившего, непосредственно на совершение малозначительного деяния.

В случае несоответствия одного из критериев указанным условиям вопрос о малозначительности деяния не ставится.

В теории уголовного права имеется точка зрения, согласно которой малозначительное деяние (с учетом объективного и субъективного критерия) должно характеризоваться отсутствием и невозможностью причинения вреда интересам, находящимся под охраной УК РФ [6, с. 16]. Указанная позиция считается обоснованной, однако в большинстве случаев совершения малозначительных деяний причиняется материальный вред. Данный ущерб является мизерным, и правоотношения, которым такими действиями причиняется вред, регулируются другими областями права. При квалификации данное положение имеет значение, поскольку лицо, совершившее деяние, может быть привлечено к административной ответственности, или ему предъявляется иск по возмещению ущерба в гражданско-правовом порядке.

Наиболее распространенной ошибкой, допускаемой правоприменителем при юридической оценке преступного и малозначительного вандализма, является отражение в процессуальных решениях информации, характеризующей не общественную опасность деяния, а общественную опасность личности, его совершившей. В резолютивной части указанных документов указывается информация об инвалидности, несовершеннолетнем возрасте, семейном положении, наличии малолетних детей и пр., то есть сведения, не имеющие отношения к характеристике общественной опасности содеянного. Данные решения являются неверными, поскольку в уголовно-правовой норме законодателем закрепляется малозначительность совершенного деяния, которая и должна определяться исходя из признаков именно этого деяния, а не признаков, характеризующих личность лица, его совершившего. Указанное положение отражено в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации, где конкретизировано, что личность совершившего правонарушение не является признаком, характеризующим малозначительность деяния³. Стоит согласиться с Д.Ю. Корсуном в

³ О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума

том, что общественная опасность деяния и общественная опасность личности, его совершившей, – коррелирующие понятия, но они не подлежат обобщению или подмене [7, с. 71].

Необходимо сделать акцент на том, что при квалификации деяния и рассмотрении вопроса о малозначительности также не имеет значения поведение лица после его совершения. Действия лица, которые выразились в устранении последствий вандализма, примирении с потерпевшим и пр., являются характеристикой виновного лица. Как верно отмечает Ю.Е. Пудовочкин, малозначительность оценивается по признаку общественной опасности, который характеризует непосредственно деяние, а не личность, его совершившую [8, с. 73]. В свою очередь, действия, совершенные после правонарушения, и личность совершившего деяние имеют значение при индивидуализации наказания.

Несмотря на разъяснения Пленума ВС РФ, одной из ошибок при квалификации вандализма является тот факт, что правоприменителем не всегда учитываются оба критерия, характеризующие общественную опасность. В решениях отражается один из них – качественный или количественный (характер или степень). Оценку общественной опасности необходимо производить в совокупности указанных критериев, поскольку характер указывает на общественные ценности, которые пострадали при совершении преступного посягательства и причиненный ими вред. Степень общественной опасности, в свою очередь, зависит от обстоятельств содеянного, в том числе от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли виновного (при соучастии). Также при рассмотрении вопроса о малозначительности оценке подлежат обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание, предусмотренные в Общей части УК РФ⁴.

На сегодняшний день законодателем не закреплен какой-либо критерий, дифференцирующий преступное и малозначительное деяние при совершении вандализма.

Обратим внимание, что вандализм имеет формально-материальную конструкцию состава преступления, совершение одного из действий, указанных в диспозиции статьи, влечет уголовную ответственность. Несмотря на возможность квалификации по признаку малозначитель-

Верховного суда РФ от 24.03.2005 № 5 (ред. от 19.12.2013). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52681/ (дата обращения: 21.04.2021).

⁴ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Пленум Верховного суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 25.04.2021).

ности деяний с любой конструкцией состава преступления [9, с. 39-40], необходимо учитывать, что в формальных составах общественно-опасные последствия находятся за пределами объективной стороны, а в ряде случаев могут отсутствовать. Ввиду чего размер причиненного вреда при совершении вандализма не может представлять собой искомый критерий дифференциации, который необходим для принятия верного решения.

Похожий вариант решения обозначенной проблемы в своем диссертационном исследовании рассматривал Х.К. Алиев, однако на законодательном уровне не нашел поддержки. Он предлагал внесение изменений в КоАП РФ, а именно дополнение его статьей 20.1.1 «Мелкий вандализм...», установив размер незначительного ущерба в сумме до 2000 рублей, как критерий разграничения преступного и малозначительного вандализма [10, с. 183-184].

Рассматривая вопрос дифференциации уголовно наказуемого вандализма и малозначительного деяния, совершенного путем порчи имущества на общественном транспорте и иных общественных местах, представляется, что не всегда возможно провести четкую грань исключительно по сумме причиненного ущерба. Малозначительность является собирательным понятием [11, с. 50; 12, с. 29; 13, с. 122], и при квалификации деяния производится всесторонняя оценка обстоятельств, имеющих значение для принятия решения. Анализу подлежат не только криминообразующие признаки деяния, но и те, которые не отражены законодателем в уголовно-правовой норме. По указанным причинам малозначительность и определена законодателем как оценочное понятие. К примеру, лицо, имея умысел на совершение малозначительного деяния, повреждает рекламную вывеску возле магазина. При оценке ущерба выясняется, что сумма восстановительных работ составляет 2100 рублей. В настоящий момент с учетом всех фактических обстоятельств дела (в том числе незначительности вреда для организации, учитывая ее доходы) и направленности умысла совершенное деяние может быть квалифицировано как малозначительное. В случае градации исследуемого признака по сумме ущерба следует возбуждать уголовное дело по статье 214 УК РФ. Таким образом, при разграничении преступного и малозначительного вандализма, совершенного путем порчи имущества, по размеру причиненного вреда правоприменитель будет вынужден ориентироваться исключительно на него, а не на совокупность фактических обстоятельств совершенного деяния. Представляется, что подобные изменения не соответствуют

принципу справедливости уголовной ответственности и будут способствовать принятию необъективных решений, без проведения всесторонней оценки фактических обстоятельств деяния.

Переходя к рассмотрению еще одной формы вандализма – осквернению зданий или сооружений, необходимо обратить внимание, что вред, причиненный в результате совершения указанного преступления, выразившийся в непристойных изображениях, оскорбительных высказываний и пр., невозможно оценить в денежном эквиваленте. Объектом таких общественно-опасных деяний помимо общественного порядка выступает общественная нравственность, и при их совершении причиняется моральный вред неопределенному количеству лиц, не подлежащий оценке. Например, размещение непристойных фотографий на стенах религиозного учреждения либо наклеивание бумажных листов, которые распечатаны на принтере, с нецензурными выражениями возле здания администрации города. В рассмотренных ситуациях материальный вред отсутствует, несмотря на очевидное воздействие на объект преступного посягательства.

Таким образом, разграничивать преступный вандализм и малозначительное деяние, совершенные путем осквернения, по сумме причиненного вреда невозможно, поскольку он не подлежит финансовой оценке. Представляется, что внесение таких изменений противоречит природе вандализма, совершенного путем осквернения. Общественно-опасные последствия имеют значение при дифференциации вандализма, совершенного путем осквернения только в совокупности с другими обстоятельствами.

Как было отмечено выше, малозначительность представляет собой собирательное понятие, и при квалификации деяния правоприменителю следует проводить объективную проверку и оценку всех обстоятельств, имеющих отношение к деянию. Анализу подлежат все признаки преступного посягательства, в том числе не входящие в конструкцию вандализма. При рассмотрении вопроса о малозначительности вандальных действий значение для дифференциации имеют следующие признаки:

- время – вандальные действия, совершенные в дневное время и в присутствии посторонних лиц, говорят о дерзости поступка и безразличного отношения к другим людям. Такие действия могут свидетельствовать о повышенной степени общественной опасности и не рассматриваться как малозначительные;

– способ совершения – свидетельствует о степени вины участника совершенного деяния, его умысле, что имеет важное значения при оценке действий по признаку малозначительности, особенно при квалификации преступлений, совершенных группой лиц;

– средства совершения деяния – использование каких-либо средств (трудноудаляемых красок, различных инструментов и пр.) при совершении вандализма свидетельствует о подготовке лица к совершению противоправных действий и, как правило, направленности умысла на причинение значительного вреда, что исключает малозначительность;

– общественно-опасные последствия (в том числе при совершении вандализма путем осквернения) – в большинстве случаев представляют собой основу квалификации, но подлежат оценке и учету в совокупности с другими признаками и обстоятельствами;

– мотив – являясь побуждением к совершению деяния, способствует правильному установлению виновности лица, его совершившего;

– цель деяния – представляет собой мысленный результат лица, его совершившего. Коррелирует с мотивами и в большинстве случаев совершения вандализма оценивается в совокупности.

С.А. Иванов, М.А. Матинян и Л.В. Рябова также рекомендуют при квалификации вандализма и рассмотрении вопроса о малозначительности оценивать размер нанесенных изображений, место расположения оскверняющих надписей и других изменений внешнего вида на здании или сооружении (возможность их увидеть неограниченному кругу лиц), четкость нанесенных рисунков и пр. [14, с. 161].

Следует акцентировать внимание и на позиции признания продолжаемых деяний малозначительными, высказанной К.В. Ображиевым и А.Н. Кулагиным. По их мнению, один из элементов указанного вида сложного единичного преступления не может рассматриваться в качестве малозначительного, поскольку деяние рассматривается в единстве совершенных актов и их внутренней взаимосвязи, то есть оценке подвергается деяние в целом, а не его часть [15, с. 23]. Например, лицо в течение нескольких суток по ночам наносит нецензурную надпись на стене дома. Одним из таких действий виновный нанес только слова, содержащие нормативную лексику. Однако данное действие не будет расцениваться как малозначительное по указанным причинам.

В науке уголовного права аксиоматично, что квалифицирующие признаки говорят о повышенной общественной опасности преступления, и за их совершение следует более строгое наказание [16, с. 70].

Законодателем выделено два квалифицирующих признака вандализма, таковыми являются – совершение деяния группой лиц и вандальные действия по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо ненависти или вражды в отношении определенной социальной группы (экстремистские мотивы).

В научной литературе отмечается, что квалифицирующие признаки повышают общественную опасность деяния только при наличии в действиях виновных лиц основного состава преступления. При его отсутствии, а также малозначительности указанные признаки не характеризуют деяние как общественно-опасное [17, с. 158]. Например, при совершении группой подростков вандализма путем порчи имущества в общественных местах, выразившееся в повреждении сиденья автобуса, требуется установить все обстоятельства, характеризующие деяние как общественно-опасное. В случае незначительного ущерба и умысла на причинение аналогичного вреда действия несовершеннолетних могут быть квалифицированы как малозначительные. Таким образом, квалифицирующие признаки при наличии совокупности обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии в действиях лица (лиц) общественной опасности, не являются препятствием для признания деяния малозначительным. Аналогичной точки зрения придерживается Д.Ю. Корсун в своем диссертационном исследовании [7, с. 178].

В ходе изучения правоприменительной практики не было выявлено решений с оценкой вандализма, совершенного по экстремистским мотивам в качестве малозначительного деяния. Представляется, что причиной выступает основа экстремистских мотивов, которая выражается в ненависти или вражде. Указанные критерии говорят не о спонтанном желании совершить преступление, характерное для вандализма, а о заранее обдуманных противоправных действиях. К таким деяниям лица заранее готовятся, имея определенные цели. Как показывает практика, в подобных деяниях умысел виновного лица изначально направлен на причинение вреда, который не может расцениваться как малозначительный.

Подводя итог исследования, можно констатировать, что вандализм может быть признан малозначительным деянием при наличии следующих признаков:

- отсутствие в деянии общественной опасности, свойственной исключительно преступлениям. Общественная опасность деяния не

должна подменяться общественной опасностью личности, его совершившей;

- отсутствие общественно-опасных последствий или их незначительный размер;

- направленность умысла лица непосредственно на совершение малозначительного деяния.

При квалификации деяния учитываются результаты всесторонней оценки не только криминообразующих признаков, но и тех, которые не входят в конструкцию вандализма, такие как время, способ и средства совершения деяния, общественно-опасные последствия (в том числе при совершении вандализма путем осквернения), мотив, цель.

При наличии совокупности обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии общественной опасности деяния, вандализм, совершенный группой лиц, может быть признан малозначительным, несмотря на наличие квалифицирующего признака.

Представляется, что вандализм, совершенный по экстремистским мотивам, может признаваться малозначительным в исключительных случаях при наличии всех вышеуказанных признаков.

Список литературы

1. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999. 301 с.
2. Проблемы квалификации преступлений / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М.: Проспект, 2018. 464 с.
3. Лопашенко Н.А. О некоторых проблемах в понимании малозначительного деяния по уголовному кодексу РФ // Уголовное право. 2019. № 5. С. 65-78.
4. Мальцев В.В. Общественно опасное поведение в уголовном праве. М.: Юрлитинформ, 2014. 646 с.
5. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М.: Городец, 2007. 332 с.
6. Гарбатович Д.А. Ошибки при квалификации малозначительных деяний, содержащих признаки формальных составов преступлений // Мировой судья. 2020. № 7. С. 13-16.
7. Корсун Д.Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 231 с.
8. Пудовочкин Ю.Е. Оценка судом общественной опасности преступления: науч.-практ. пособие. М.: РГУП, 2019. 224 с.
9. Багаутдинов Ф.Н., Гаврилов М.А. Малозначительность преступления и мелкое преступление: сложности правоприменения // Российская юстиция. 2018. № 6. С. 38-40.
10. Алиев Х.К. Вандализм: уголовно-правовые и криминологические проблемы (по материалам Северо-Кавказского федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 217 с.

11. *Лобанова Л.В., Рожнов А.П.* Малозначительность деяния: абстрактность законодательного регулирования и трудности правоохранительной реализации // *Закононость*. 2016. № 6. С. 46-50.
12. *Колосовский В.В.* Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний. М., 2011. 398 с.
13. *Борисевич Г.Я.* Об оценке в доказывании совокупности обстоятельств, характеризующих малозначительность деяния, не являющегося преступлением в силу отсутствия общественной опасности // *Ex iure*. 2021. № 2. С. 118-143.
14. *Иванов С.А., Матинян М.А., Рябова Л.В.* Квалификация вандализма по объективной стороне преступления // *Пробелы в Российском законодательстве*. М., 2018. № 5. С. 160-163.
15. *Образжиев К.В., Кулагин А.Н.* Продолжаемые преступления: уголовно-правовая характеристика, проблемы нормативной регламентации и квалификации. М.: Юрлитинформ, 2019. 149 с.
16. *Авдеев М.А.* Общая характеристика квалифицирующих признаков и их значение при конструировании составов преступлений // *Актуальные проблемы государства и права*. 2019. Т. 3. № 9. С. 66-75. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2019-3-9-66-75>
17. *Стельмах В.Ю.* Малозначительность деяния как частный случай отсутствия состава преступления // *Вестник Московского университета МВД России*. 2021. № 1. С. 153-159.

Статья поступила в редакцию 23.07.2021 г.

Одобрена после рецензирования 15.09.2021 г.

Принята к публикации 22.09.2021 г.

Информация об авторе

Налимов Юрий Дмитриевич, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров, кафедра уголовного права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация, nastia.nalimowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9058-6495>

Для цитирования

Налимов Ю.Д. Критерии отграничения вандализма от малозначительного деяния // *Актуальные проблемы государства и права*. 2021. Т. 5. № 19. С. 486-499. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-486-499>

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-486-499

CRITERIA FOR DISTINGUISHING VANDALISM FROM A MINOR ACT

Yuri D. Nalimov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
named after V.Y. Kikot

12 Academician Volgin St., Moscow 117997, Russian Federation
nastia.nalimowa@yandex.ru

Abstract. When qualifying vandalism, law enforcement officers often experience difficulties in distinguishing a criminal act from a minor one, which formally contains signs of a crime, but does not pose a public danger. Due to the evaluation of the signs of both vandalism and the insignificance of the act, there is a high probability of qualification errors in which insignificant acts are recognized as criminal, or on the contrary, the actions of persons who committed vandalism are recognized as unapproachable. To date, there is no single doctrinal opinion defining the criteria of insignificance, a similar situation is observed in judicial and investigative practice. For these reasons, the topic is relevant and requires a comprehensive analysis. The purpose of the study is to consider the points of view of researchers of interest to the science of criminal law and law enforcement officers. The tasks are to establish rules for the qualification of criminal and insignificant vandalism, which contribute to the adoption of the right decision by law enforcement subjects, to make scientifically based proposals for the application of Article 14, Part 2 of the Criminal Code of the Russian Federation, in relation to acts that formally fall under the signs of a crime under Article 214 of the Criminal Code of the Russian Federation. During the research, the following methods are used: dialectical, analysis, synthesis and sociological. As a result of the analysis, the most common mistakes made by the law enforcement officer are identified, the points of view of scientists on the qualification of vandalism are considered. Signs of insignificance were also investigated, taking into account practical and doctrinal positions. As conclusions, the signs of insignificance are proposed, which are subject to establishment by law enforcement agencies, in order to correctly qualify vandal actions.

Keywords: vandalism, differentiation of vandalism, qualification of vandalism, insignificant vandalism, signs of insignificant vandalism

References

1. Kudryavtsev V.N. *Obshchaya teoriya kvalifikatsii prestupleniy* [General Theory of Qualification of Crimes]. Moscow, 1999, 301 p. (In Russian).
2. Obrazhiyev K.V., Pikurov N.I. (eds.). *Problemy kvalifikatsii prestupleniy* [Problems of Qualification of Crimes]. Moscow, Prospekt Publ., 2018, 464 p. (In Russian).

3. Lopashenko N.A. O nekotorykh problemakh v ponimanii maloznachitel'nogo deyaniya po ugovolnomu kodeksu RF [About some problems in understanding an insignificant act under the criminal code of the Russian Federation]. *Ugolovnoye pravo – Criminal Law*, 2019, no. 5, pp. 65-78. (In Russian).
4. Maltsev V.V. *Obshchestvenno opasnoye povedeniye v ugovolnom prave* [Socially Dangerous Behavior in Criminal Law]. Moscow, Urlitinform Publ., 2014, 646 p. (In Russian).
5. Kuznetsova N.F. *Problemy kvalifikatsii prestupleniy. Lektsii po spetskursu «Osnovy kvalifikatsii prestupleniy»* [Problems of Qualification of Crimes. Lectures on the Special Course “Fundamentals of the Qualification of Crimes”]. Moscow, Gorodets Publ., 2007, 332 p. (In Russian).
6. Garbatovich D.A. Oshibki pri kvalifikatsii maloznachitel'nykh deyaniy, soderzhashchikh priznaki formal'nykh sostavov prestupleniy [Mistakes in qualification of insignificant acts containing attributes of formally defined crimes]. *Mirovoy sud'ya – Magistrate Judge*, 2020, no. 7, pp. 13-16. (In Russian).
7. Korsun D.Y. *Maloznachitel'noye deyaniye v ugovolnom prave: problemy teorii i praktiki: dis. ... kand. yurid. nauk* [Insignificant Act in Criminal Law: Problems of Theory and Practice. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2020, 231 p. (In Russian).
8. Pudovochkin Y.E. *Otsenka sudom obshchestvennoy opasnosti prestupleniya* [Assessment by the Court of the Public Danger of a Crime]. Moscow, RSUJ Publ., 2019, 224 p. (In Russian).
9. Bagautdinov F.N., Gavrilov M.A. Maloznachitel'nost' prestupleniya i melkoye prestupleniye: slozhnosti pravoprimereniya [The insignificance of the crime and petty crime: the complexities of law enforcement]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justice*, 2018, no. 6, pp. 38-40. (In Russian).
10. Aliyev K.K. *Vandalizm: ugovolno-pravovyye i kriminologicheskiye problemy (po materialam Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga): dis. ... kand. yur. nauk* [Vandalism: Criminal-Legal and Criminological Problems (Based on the Materials of the North Caucasus Federal District). Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2015, 217 p. (In Russian).
11. Lobanova L.V., Rozhnov A.P. Maloznachitel'nost' deyaniya: abstraktnost' zakonodatel'nogo regulirovaniya i trudnosti pravookhranitel'noy realizatsii [A misdemeanor: abstractedness of legislative regulation and difficulties in law-enforcement implementation]. *Zakonnost' – Legality*, 2016, no. 6, pp. 46-50. (In Russian).
12. Kolosovskiy V.V. *Teoreticheskiye problemy kvalifikatsii ugovolno-pravovykh deyaniy* [Theoretical Problems of Qualification of Criminal Legal Acts]. Moscow, 2011, 398 p. (In Russian).
13. Borisevich G.Y. Ob otsenke v dokazyvanii sovokupnosti obstoyatel'stv, kharakterizuyushchikh maloznachitel'nost' deyaniya, ne yavlyayushchegosya prestupleniyem v silu otsutstviya obshchestvennoy opasnosti [On the assessment in proving the set of circumstances that characterize low significance of a wrongdoing that is not a crime due to the absence of danger to the public]. *Ex jure*, 2021, no. 2, pp. 118-143. (In Russian).
14. Ivanov S.A., Matinyan M.A., Ryabova L.V. Kvalifikatsiya vandalizma po ob'yektivnoy storone prestupleniya [Qualification of vandalism on the objective side of the crime]. *Probely v Rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation*, Moscow, 2018, no. 5, pp. 160-163. (In Russian).

15. Obrazhiyev K.V., Kulagin A.N. *Prodolzhayemye prestupleniya: ugovno-pravovaya kharakteristika, problemy normativnoy reglamentatsii i kvalifikatsii* [Ongoing Crimes: Criminal and Legal Characteristics, Problems of Regulatory Regulation and Qualification]. Moscow, Urlitinform Publ., 2019, 149 p. (In Russian).
16. Avdeyev M.A. Obshchaya kharakteristika kvalifitsiruyushchikh priznakov i ikh znacheniiye pri konstruirovanii sostavov prestupleniy [Qualifying signs general characteristic and their importance in corpus delicti structure planning]. *Aktual'nyye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2019, vol. 3, no. 9, pp. 66-75. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2019-3-9-66-75>. (In Russian).
17. Stelmakh V.Y. Maloznachitel'nost' deyaniya kak chastnyy sluchay otsutstviya sostava prestupleniya [Insignificance of the act as a special case of lack of corpus delicti]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 1, pp. 153-159. (In Russian).

The article was submitted 23.07.2021

Approved after reviewing 15.09.2021

Accepted for publication 22.09.2021

Information about the author

Yuri D. Nalimov, Adjunct of Training Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel Faculty, Criminal Law Department, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, Moscow, Russian Federation, nastia.nalimowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9058-6495>

For citation

Nalimov Y.D. Kriterii otgranicheniya vandalizma ot maloznachitel'nogo deyaniya [Criteria for distinguishing vandalism from a minor act]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 19, pp. 486-499. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-486-499> (In Russian, Abstr. in Engl.)

Работа доступна по лицензии
Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0
Всемирная

© Пикин И.В., Тараканов И.А., 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.341.2

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-500-509

Шифр научной специальности 12.00.01

ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

И.В. Пикин¹, И.А. Тараканов²

^{1,2}ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт ФСИН России»

600020, Российская Федерация, г. Владимир, Большая Нижегородская ул., 67е

¹vipikin@mail.ru

²il8@list.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности уголовно-правовой квалификации занятия высшего положения в преступной иерархии. Проанализированы положения статьи 210.1 УК РФ, а также точки зрения ученых-правоведов об особенностях установления высшего криминального статуса лица. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что установление места конкретного субъекта в преступной иерархии возможно в тех случаях, когда лицо подтвердит свой преступный статус либо лица, привлеченные в качестве свидетелей, подтвердят, что данное лицо обладает высшим положением в преступной иерархии. По мнению авторов, при определении субъекта данного преступления необходимо установить такие признаки, как мнение субъекта относительно данного статуса; мнение лиц, входивших в данную преступную организацию, относительно положения в ней данного лица; обладание им «полномочий» распорядительного характера в отношении членов данной преступной группы или иных лиц, придерживающихся «воровских понятий»; мнение иных лиц, обладающих высшим положением в преступной иерархии относительно преступного положения субъекта. При этом следует признать наличие актуальной потребности в судебном толковании вопросов квалификации преступления, предусмотренного статьей

210.1 УК РФ, обуславливающей необходимость подготовки соответствующего постановления Пленума Верховного суда РФ.

Ключевые слова: уголовная ответственность, высшее положение, преступная иерархия, криминальный статус, субъект преступления

Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности»¹ Уголовный кодекс РФ был дополнен статьей 210.1 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии.

По этому поводу В.С. Ишигеев и В.Л. Лапша отмечали, что на законодательном уровне было признано существование такого понятия, как «преступный мир», в котором имеются лица, обладающие особым статусом, занимающие высшее положение в криминальной иерархии, преступном сообществе, что позволило признать их специальными субъектами нового состава преступления, обладающими весьма специфическими признаками [1, с. 33].

Министр внутренних дел генерал полиции В.А. Колокольников на расширенном заседании коллегии МВД рассказал, что в 2020 г. 45 криминальных авторитетов были привлечены к уголовной ответственности в связи с занятием высшего положения в преступной иерархии².

При этом первым судебным решением, согласно которому было установлено, что подсудимый обладает таким статусом, выступил приговор Московского городского суда от 7 октября 2020 г. – Шалва Озманов был признан виновным в занятии высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ)³.

Оценивая с положительной стороны введение в УК РФ статьи 210.1 УК РФ, В.Г. Степанов-Егиянц отмечал, что для ее вменения не требуются доказательства того, что конкретное преступное сообщество существует, и данное лицо выполняет в нем руководящую роль. Для квалификации содеянного по статье 210.1 УК РФ достаточно доказать

¹ Российская газета. 2019. 3 апр. № 72.

² МВД: 45 человек привлекли по статье о «высшем положении в преступной иерархии» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/03/03/mvd-45-chelovek-privlekli-po-state-o-vysshem-polozhenii-v-prestupnoj-ierarhii.html> (дата обращения: 27.05.2021).

³ В Московском городском суде оглашен приговор в отношении Шалвы Озманова // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/news/v-moskovskom-gorodskom-sude-oglashen-prigovor-v-otnoshenii-shalvy-ozmanova> (дата обращения: 27.05.2021).

факт лидерства такого лица в преступной среде. В результате у судов появляется реальная возможность привлекать к уголовной ответственности лицо, которое взяло на себя такое положение в иерархии преступного мира, «за одно звание, имидж, должность преступного лидера» [2, с. 59].

Иного мнения придерживался В.И. Гладких, отмечая, что содержащаяся в статье 210.1 УК РФ норма, несмотря на всю важность противодействия организованной преступности и ее лидерам, не соответствует такому принципу уголовного права, как законность. Он полагает, что является, как минимум, незаконным наказывать человека за обладание статусом авторитета преступного мира, особенно с учетом того, что такой статус не имеет законодательного закрепления. Кроме того, в указанном составе отсутствует такой обязательный признак объективной стороны, как общественно опасное деяние. В результате привлечение к уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии противоречит требованиям статьи 8 УК РФ, согласно которым основанием уголовной ответственности выступает наличие в содеянном всех признаков состава преступления [3, с. 55].

Следует заметить, что довольно лаконичная диспозиция рассматриваемой статьи полностью совпадает с ее названием. В связи с этим в теории уголовного права и правоприменительной практике возникает ряд проблемных вопросов, связанных с толкованием содержания данной уголовно-правовой нормы.

Так, признаки субъекта преступления, предусмотренного статьей 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии», носят ярко выраженный оценочный характер.

Для привлечения лица к уголовной ответственности по статье 210.1 УК РФ необходимо, чтобы виновный занимал «высшее положение в преступной иерархии», то есть обладал статусом лица, обладающим привилегированным положением в преступной среде по отношению к другим преступным элементам.

Следует заметить, что законодательного понятия «преступного авторитета», «криминального лидера», «положенца» не существует. На это обращают внимание В.С. Ишигеев и В.Л. Лапша: «В настоящее время в России нет правового документа, определяющего правовое положение лиц в преступном мире» [1, с. 34].

Действительно, законодательного определения данного понятия не содержится ни в уголовном, ни в уголовно-процессуальном законодательстве. Однако в пункте 24 постановления Пленума Верховного суда

РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)»⁴ отмечено, что при решении вопроса о занятии лицом высшего положения в преступной иерархии судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией) либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). О лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т. п.

При этом данное постановление имеет ряд пробелов относительно фактического обладания лицом высшего положения в преступной иерархии, так как данное постановление не разграничивает лидеров организованных групп и лиц, являющихся лидерами среди бездомных, промышляющих кражами из дачных домиков.

Как отмечают В.С. Ишигеев, И.В. Смолькова и А.В. Пузикова, для квалификации содеянного по статье 210.1 УК РФ доказыванию должны подлежать реальные события, имевшие место в действительности, а не выводы и суждения. При этом, по их мнению, при доказывании занятия лицом высшего положения в преступной иерархии важнейшее значение приобретают обстоятельства, предусмотренные пунктом 3 части 1 статьи 73 УПК РФ – характеризующие личность обвиняемого, позволяющие индивидуализировать наказание в случае признания лица виновным. Для лидера преступного мира представляются типичными наличие судимостей, принадлежность к криминальной субкультуре, возможная алкогольная или наркотическая зависимость и т. д. При этом следует помнить, что только для лидера в социально-психологическом смысле присущ наиболее высокий статус в группе, тогда как другие ее члены могут быть организаторами, старшими, руководителями, но не являться лидерами. Одновременно с личностью лидера доказыванию подлежит и наличие криминальной среды, в которой он находится,

⁴ Российская газета. 2010. 17 июня. № 130.

и где участники являются приверженцами криминальной субкультуры и представителями профессиональной преступности [4, с. 46-47].

На проблему определения криминального статуса лица обращает внимание Л.М. Прокументов, отмечая, что установление места, занимаемого лицом в преступной иерархии, требует специального криминологического и социально-психологического исследования среды преступников [5, с. 14].

По мнению П.А. Скобликова, возможна и иная трактовка положений рассматриваемой статьи. Под занятием высшего положения в преступной иерархии с позиций грамматического толкования диспозиции статьи 210.1 УК РФ можно понимать как состояние человека, так и процесс достижения такого состояния. При этом указанный процесс может быть активным, пассивным и отрицательным, в зависимости от отношения к нему лица, занимающего соответствующее положение [6, с. 147-148].

К числу основных способов занятия высшего положения в преступной иерархии указанный автор относит самоназначение, назначение преемника, внепроцедурное смещение прежнего лидера с захватом власти, кооптирование в высший орган управления, избрание. При этом он отмечает, что данный перечень способов занятия высшего положения в преступной иерархии не является исчерпывающим, а также возможна их комбинация [6, с. 150-151].

Как отмечает С.В. Кондратюк, объективная сторона рассматриваемого преступления представлена рядом взаимосвязанных последовательных действий, к которым относятся следующие:

- 1) выдвижение кандидатуры лица, претендующего на приобретение статуса лидера преступной среды;
- 2) принятие положительного решения о присвоении лицу соответствующего статуса на воровской сходке;
- 3) подтверждение указанного статуса путем оповещения широкого круга адресатов;
- 4) руководящее участие в деятельности преступного сообщества.

По его мнению, в случае отсутствия какого-либо из перечисленных действий преступление следует признавать неоконченным [7, с. 198].

На еще одну проблему толкования положений статьи 201.1 УК РФ обращает внимание В.Г. Степанов-Егиянц, отмечая, что закрепленное в диспозиции слово «занятие» может быть истолковано двояко. При первом варианте толкования ответственность наступает за то, что лицо заняло высшее положение в преступной иерархии. Во втором – наказа-

нию подлежит лицо, уже занимающее такого положение. Следовательно, в первом случае имеет место однократное событие, а во втором – длящееся деяние [2, с. 60].

Толкование положений статьи 201.1 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что предусмотренное ей преступление является длящимся. При этом в отличие от других длящихся преступлений (к примеру, связанных с незаконным хранением оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов) при привлечении лица к уголовной ответственности не происходит прекращения его «преступного состояния» (в отличие от вышеперечисленных предметов, статус в криминальной иерархии нельзя изъять в ходе обыска или выемки). В результате возникает вопрос о повторном привлечении к уголовной ответственности такого лица в случае, если оно не отказалось или не было лишено такого статуса.

На недопустимость такого привлечения указывает В.Г. Степанов-Егиянц. По его мнению, лицо, которое после осуждения сохраняет свое высшее положение в преступной иерархии, не должно нести уголовную ответственность при условии, что оно не использует вновь свой статус в преступных целях. При этом разрешение существующей проблемы В.Г. Степанов-Егиянц видит во внесении изменений в статью 210.1 УК РФ или издании соответствующего постановления Пленума Верховного суда РФ, разъясняющего указанные положения [2, с. 61].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что возможность привлечения к уголовной ответственности по статье 201.1 УК РФ возникает лишь в случае, когда судом будет доказан факт лидерства лица в преступной среде, подразумевающий высшее положение в иерархии преступного мира. При этом данный факт должен подтверждаться объективными доказательствами.

Следовательно, к числу признаков, свидетельствующих о занятии высшего положения в преступной иерархии, следует отнести сведения о судимостях лица, его отношении к криминальной субкультуре, организованной и профессиональной преступности, связях в преступной среде и т. п.

В то же время следует признать, что установление места лица в преступной иерархии подразумевает подробный криминологический и криминалистический анализ конкретной ситуации, поскольку фактически криминализировано не деяние, а статус лица. При этом формулировка «занятие высшего положения в преступной иерархии» может

подразумевать как процесс достижения такого статуса, так и его результат.

В этой связи установление места конкретного субъекта в преступной иерархии возможно в тех случаях, когда лицо подтвердит свой преступный статус, либо лица, привлеченные в качестве свидетелей, подтвердят, что данное лицо обладает высшим положением в преступной иерархии.

По нашему мнению, при определении субъекта данного преступления необходимо установить такие признаки, как:

- мнение субъекта относительно данного статуса;
- мнение лиц, входивших в данную преступную организацию, относительно положения в ней данного лица;
- обладание им «полномочий» распорядительного характера в отношении членов данной преступной группы или иных лиц, придерживающихся «воровских понятий»;
- мнение иных лиц, обладающих высшим положением в преступной иерархии, относительно преступного положения субъекта.

Один или несколько признаков могут свидетельствовать о высшем статусе лица в преступной иерархии.

В заключение следует признать наличие актуальной потребности в судебном толковании вопросов квалификации преступления, предусмотренного статьей 210.1 УК РФ, обуславливающей необходимость подготовки соответствующего постановления Пленума Верховного суда РФ.

Список литературы

1. *Ишигеев В.С., Лапша В.Л.* Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ): вопросы квалификации // Российский судья. 2020. № 6. С. 33-35.
2. *Степанов-Егиянц В.Г.* К вопросу о криминализации занятия лицом высшего положения в преступной иерархии // Российский следователь. 2019. № 5. С. 57-61.
3. *Гладких В.И.* Одолеет ли новый закон воров в законе? // Российский следователь. 2019. № 5. С. 52-56.
4. *Ишигеев В.С., Смолькова И.В., Пузикова А.В.* Занятие высшего положения в преступной иерархии как объект криминалистического исследования // Российский следователь. 2020. № 11. С. 45-48.
5. *Прозументов Л.М.* Уголовно-правовые проблемы противодействия организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовная юстиция. 2016. № 1 (7). С. 10-15.
6. *Скобников П.А.* Занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение разговора (к вопросу о толковании ст. 210.1 УК РФ) // Закон. 2019. № 11. С. 144-152.

7. *Кондратюк С.В.* Способ совершения преступления в структуре занятия высшего положения в преступной иерархии // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 2 (98). С. 193-199.

Статья поступила в редакцию 17.07.2021 г.

Одобрена после рецензирования 15.09.2021 г.

Принята к публикации 22.09.2021 г.

Информация об авторах

Пикин Иван Викторович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета, полковник внутренней службы, Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация, vipikin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0355-5816>

Тараканов Илья Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета, полковник внутренней службы, Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация, il8@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7355-1952>

Для цитирования

Пикин И.В., Тараканов И.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: особенности уголовно-правовой квалификации // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 500-509. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-500-509>

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-500-509

OCCUPATION OF THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY: FEATURES OF CRIMINAL LAW QUALIFICATIONS

I.V. Pikin¹, I.A. Tarakanov²

^{1,2}Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

67e Bolshaya Nizhegorodskaya St., Vladimir 600020, Russian Federation

¹vipikin@mail.ru

²il8@list.ru

Abstract. We consider the features of criminal law qualification of occupying the highest position in the criminal hierarchy. We analyze the provisions of Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the points of view of legal scholars about the specifics of establishing the highest criminal status of a person. As a result of this study, it is concluded that the establishment of the place of a specific subject in the criminal hierarchy is possible in those cases when the person confirms his criminal status or

the persons involved as witnesses confirm that this person has a higher position in the criminal hierarchy. We believe that when determining the subject of a given crime, it is necessary to establish such signs as the subject's opinion regarding this status; the opinion of the persons who were part of this criminal organization regarding the position of this person in it; his possession of "powers" of an administrative nature in relation to members of this criminal group or other persons adhering to "thieves' concepts"; the opinion of other persons with the highest position in the criminal hierarchy regarding the criminal status of the subject. At the same time, it should be recognized that there is an urgent need for a judicial interpretation of the issues of qualification of a crime provided for in Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which necessitates the preparation of an appropriate resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: criminal responsibility, higher position, criminal hierarchy, criminal status, subject of crime

References

1. Ishigeyev V.S., Lapsha V.L. Zanyatiye vysshego polozheniya v prestupnoy iyerarkhii (st. 210.1 UK RF): voprosy kvalifikatsii [Holding the supreme post in a criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): qualification issues]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*, 2020, no. 6, pp. 33-35. (In Russian).
2. Stepanov-Egiyants V.G. K voprosu o kriminalizatsii zanyatiya litsom vysshego polozheniya v prestupnoy iyerarkhii [On criminalization of occupation of the supreme position in a criminal hierarchy]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*, 2019, no. 5, pp. 57-61. (In Russian).
3. Gladkikh V.I. Odoleyet li novyy zakon vorov v zakone? [Will the new law break the back of criminal lords?]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*, 2019, no. 5, pp. 52-56. (In Russian).
4. Ishigeyev V.S., Smolkova I.V., Puzikova A.V. Zanyatiye vysshego polozheniya v prestupnoy iyerarkhii kak ob'yekt kriminalisticheskogo issledovaniya [Occupation of the highest position in a criminal hierarchy as an object of criminalistic research]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*, 2020, no. 11, pp. 45-48. (In Russian).
5. Prozumentov L.M. Ugolovno-pravovyye problemy protivodeystviya organizatsii prestupnogo soobshchestva (prestupnoy organizatsii) ili uchastiya v nem (ney) [Criminal problems of counteraction to an organized criminal community (criminal organization) or participation therein]. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*, 2016, no. 1 (7), pp. 10-15. (In Russian).
6. Skoblikov P.A. Zanyatiye vysshego polozheniya v prestupnoy iyerarkhii: prodolzheniye razgovora (k voprosu o tolkovanii st. 210.1 UK RF) [Highest rank in criminal hierarchy: a follow-up to conversation on interpretation of article 210.1 of the criminal code of the Russian Federation]. *Zakon [Legislation]*, 2019, no. 11, pp. 144-152. (In Russian).
7. Kondratyuk S.V. Sposob soversheniya prestupleniya v strukture zanyatiya vysshego polozheniya v prestupnoy iyerarkhii [The method of committing a crime in the structure of occupation of the highest position in the criminal hierarchy]. *Vestnik Volzhskogo*

universiteta im. V.N. Tatishcheva – Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev, 2021, vol. 1, no. 2 (98), pp. 193-199. (In Russian).

The article was submitted 17.07.2021

Approved after reviewing 15.09.2021

Accepted for publication 22.09.2021

Information about the author

Ivan V. Pikin, Candidate of Law, Associate Professor, Head of Criminal Law and Criminology Department of Law Faculty, Colonel of Internal Service, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russian Federation, vipikin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0355-5816>

Ilya A. Tarakanov, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of Criminal Law and Criminology Department of Law Faculty, Colonel of Internal Service, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russian Federation, il8@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7355-1952>

For citation

Pikin I.V., Tarakanov I.A. Zanyatiye vysshego polozheniya v prestupnoy iyerarkhii: osobennosti ugovovno-pravovoy kvalifikatsii [Occupation of the highest position in the criminal hierarchy: features of criminal law qualifications]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 19, pp. 500-509. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-500-509> (In Russian, Abstr. in Engl.)

Работа доступна по лицензии
Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0
Всемирная

© Родина Е.А., 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.988

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-510-524

Шифр научной специальности 12.00.08

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Е.А. Родина^{1,2}

¹Урюпинская межрайонная прокуратура Волгоградской области
403113, Российская Федерация, Волгоградская обл., г. Урюпинск, Ульяновский пер., 2

²ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

410056, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Вольская, 1

rodina-caterina2010@yandex.ru

Аннотация. Несмотря на усилия по совершенствованию уголовного законодательства, продолжается рост числа преступных посягательств, совершаемых в киберпространстве. Это предопределяет необходимость совершенствования мер предупреждения, в том числе и виктимологических. Цель работы: разработка комплекса мер виктимологической профилактики преступлений, совершаемых в киберпространстве. В числе применяемых методов диалектический метод научного познания, системный, структурный, сравнительно-правовой, контент-анализ. На основе анализа причин виктимизации пользователей в киберпространстве разработаны предложения по комплексу мер виктимологической профилактики, включая совершенствование информирования граждан о мерах безопасности, государственную поддержку разработки открытого программного обеспечения, запрет государственным учреждениям требовать от граждан представления документов в одном формате, либо использовать программное обеспечение, способное функционировать лишь под одной операционной системой, законодательное увеличение установленного срока информирования оператора платежной системы о несанкционированном переводе денежных средств до 30 суток, внесение изменений в ряд законов, направленных на ограничение доступа несовершеннолетних к информации, способной причинить вред их разви-

тию, изменение порядка доступа несовершеннолетних к информации, содержащейся в компьютерных сетях на основе белых списков, разработку национальной цифровой валюты и ряд других.

Ключевые слова: киберпространство, виктимологическое предупреждение, преступность, мошенничества, несовершеннолетние

Киберпространство, под которым мы понимаем сферу общественных отношений, реализуемую посредством различных компьютерных сетей, из научно-фантастической абстракции на наших глазах стало реальностью. Растет многообразие отношений, которые в нем реализуются. Одновременно происходит быстрое увеличение числа преступлений в этой сфере. Несмотря на предпринимаемые меры как в части трансформации уголовного законодательства, так и в части специального предупреждения, количество преступных посягательств в этой сфере растет. При этом мы считаем недостаточно проработанными проблемы виктимологической профилактики таких преступлений. Несмотря на то, что этому аспекту предупредительной деятельности уделяется внимание [1–3 и др.], значительная часть предложений ограничивается различными видами информирования граждан о способах совершения в отношении них преступных посягательств. Очевидно, что развитие технологий, сопровождающееся появлением новых способов совершения преступлений, необходимо учитывать и при разработке адекватных средств противодействия, в том числе и мер виктимологической профилактики.

В статье мы преследуем цель разработки комплекса мер виктимологической профилактики преступлений, совершаемых в киберпространстве. Для достижения этой цели автором использован ряд научных методов: диалектический метод научного познания, системный, структурный, сравнительно-правовой, контент-анализ.

Как мы уже сказали, что наиболее часто в качестве меры виктимологической профилактики в криминологических работах предлагают различные способы информирования потенциальных преступников об ответственности за совершение определенных действий, либо потенциальных жертв преступных посягательств о новых видах преступлений и способах защиты от них.

Однако эффективность такой меры невысока. Например, в средствах массовой информации в разделах криминальной хроники самыми, наверное, распространенными являются новости о новых видах мошенничеств. Однако ситуация не только не меняется, но и продолжает

ухудшаться, причем граждане раз за разом попадают в уже известные ловушки преступников.

Н.В. Никулин, исследовавший виктимологические аспекты профилактики мошенничеств, обращает внимание на то, что при всех предпринимаемых усилиях по информированию только 2 из 25 опрошенных им граждан слышали о памятках, выпущенных МВД для предотвращения мошенничеств. Этот же ученый предлагает вместо памяток распространять предостерегающую информацию на телевидении [4].

Полагаем, что в настоящее время телевидение не является самым эффективным средством доставки информации, кроме того, предлагая меры по информированию о возможных преступлениях, необходимо учитывать то, что граждане не всегда готовы или желают воспринимать такую информацию. Потоки информации, которые ежедневно обрушиваются на современного человека, формируют отторжение, невосприимчивость к нежелательной информации, донесение которой воспринимается как своего рода психологическое насилие.

Полагаем, что информирование осуществлять необходимо именно в те моменты, когда люди готовы воспринимать соответствующие предостережения, и именно в таких формах, которые смогут быть в этот момент восприняты. Хорошим примером является электронная форма оплаты железнодорожных билетов на официальном сайте ОАО «РЖД»: возможность перейти к форме оплаты выбранных билетов с помощью банковской карты появляется лишь после того, как пользователь ознакомится с информацией об особенностях такой оплаты.

Такой подход должен быть распространен и на другие дистанционные способы оплаты и перечисления денежных средств с помощью банковских карт. Например, после указания реквизитов получателя платежа в системах с двухфакторной идентификацией пользователю приходит СМС-сообщение с одноразовым паролем. В таких СМС кроме самого пароля могут содержаться и другие сведения: например, бесплатный телефон службы безопасности банка, уведомления о недопустимости указания кому бы то ни было реквизитов банковских карт по телефону, вне банковской организации и т. д.

Такие же уведомления могут появляться и в личном кабинете пользователя при совершении отдельных операций.

Большая часть мошенничеств связана с перечислением средств со счетов потерпевших на другие счета. Для повышения защищенности граждан нам представляется необходимым изменить установленный законом срок в один день, в течение которого клиент может уведомить

оператора о совершении электронных переводов без его участия. За ориентир мы предлагаем принять сроки, установленные для уведомления операторов платежных систем в США – 30 суток. Таким образом, в статье 11 ФЗ «О национальной платежной системе» необходимо слова «не позднее дня, следующего за днем...» заменить словами «не позднее тридцати суток, следующих за днем...». При этом на оператора платежной системы должна возлагаться обязанность в безусловном порядке вернуть деньги клиенту в день обращения.

Такая мера будет сдерживать операторов платежных систем в их стремлении всемерно расширить использование электронных платежных систем в ущерб безопасности платежей и стимулировать их к совершенствованию систем безопасности.

Одной из причин виктимизации выступают ошибки в программном обеспечении, приводящие к техническим авариям, нарушению прав граждан в отдельных областях.

Выявление таких ошибок является весьма трудоемкой задачей ввиду необходимости изучения значительных объемов исходных текстов программ. Многие коммерческие продукты являются закрытыми (проприетарными). Пользователи таких программ получают их уже в виде скомпилированных машинных кодов, а исходные тексты им не предоставляются. Такая практика сложилась в связи с охраной производителями своих разработок.

В тех случаях, когда программные продукты используются при обработке сведений, содержащих государственную тайну, по сложившейся практике производители предоставляют государственным органам исходные тексты своих программ, в свою очередь, последние обязуются сохранять эти сведения в тайне¹.

Как отмечается специалистами, анализ исходного кода операционной системы Windows повысит безопасность информационных систем, работающих на этой платформе².

Однако для рядовых граждан и организаций такой подход не практикуется, что создает риски причинения вреда в случае наличия в программном коде ошибок или программных закладок, реализующих передачу конфиденциальной информации пользователей третьим лицам.

¹ Пичахчи М. Microsoft открывает России исходные коды Windows. URL: https://club.cnews.ru/blogs/entry/microsoft_otkryvaet_rossii__06554 (дата обращения: 02.05.2021).

² ФАПСи: получение исходного кода Windows повысит безопасность Рунета. URL: <https://edu.rin.ru/cgi-bin/news.pl?idn=885> (дата обращения: 02.05.2021).

Вместе с тем в сфере программирования есть и другой подход, при котором все тексты программ передаются в общественное достояние и доступны для анализа. В настоящее время практически для всех проприетарных программ имеются открытые аналоги. Поэтому в интересах обеспечения безопасности пользователей в киберпространстве государство должно оказывать поддержку и отдавать приоритет тем разработчикам, которые при прочих равных условиях предоставляют доступ к исходным текстам своих программ.

Такая практика, на наш взгляд, позволит существенно снизить риски ситуаций, подобных той, что возникла в Великобритании, когда ошибка, присутствовавшая в программном обеспечении, использовавшемся британской почтовой компанией более 20 лет, приводила к систематической выдаче сообщений о недочетах, в результате чего к уголовной ответственности было незаконно привлечено 740 человек, некоторые закончили жизнь самоубийством³.

Из этих же соображений государство должно активно развивать и поддерживать разработку отечественных операционных систем для компьютеров и мобильных устройств, поскольку только такой подход позволит своевременно изучать исходные тексты программного обеспечения на предмет наличия ошибок, гарантировать отсутствие программных закладок, отправляющих обрабатываемую информацию третьим лицам, и т. д.

Здесь следует сказать, что, несмотря на декларируемые благие намерения в этой сфере и создание реестра отечественного программного обеспечения, развитие национальных операционных систем тормозится ввиду того, что многие ведомства до настоящего времени требуют использования программного обеспечения для зарубежных систем (как правило, Windows). Так, заполнение формы налоговой декларации для государственных служащих предполагает установку специального программного обеспечения «Справки БК», размещенного для свободного скачивания на сайте Президента РФ. Представленная версия программы функционирует только под операционной системой Windows.

Таким образом, пользователи отечественных операционных систем (например, Альтлинукс, Астра и т. п.) не смогут запустить эту программу на своих компьютерах.

³ Почтальонов 20 лет по ошибке сажали в тюрьму из-за «кривого» ПО. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2021-04-26_krivoj_soft_krupnoj_pochtovoj (дата обращения: 03.05.2021).

Полагаем, что подобная ситуация должна быть исправлена. Для этого необходимо разработчикам программного обеспечения, используемого для государственных нужд, установить в качестве обязательного требования разработку версий для различных операционных систем. В этом смысле хороший пример представляет отечественная разработка для проведения видеоконференций TrueConf, отечественные пакеты офисных программ «Р7-Офис», «Мой офис» и т. д.

На уровне всех государственных учреждений необходим отказ от обязательного требования документов только в формате, используемом для офисного пакета Microsoft Office. Гражданам должна в обязательном порядке предоставляться возможность выбора формата документов, поддерживаемых свободным программным обеспечением.

Для того чтобы зафиксировать обязательность поддержки программного обеспечения, работоспособного на отечественных операционных системах, необходимо дополнить статью 5 «Правил формирования и ведения единого реестра российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных и единого реестра программ для электронных вычислительных машин и баз данных из государств – членов евразийского экономического союза, за исключением Российской Федерации»⁴ пунктом «и» следующего содержания:

«программное обеспечение может быть без дополнительной модификации использовано в операционных системах, включенных в Единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных».

Н.А. Короткова в числе важнейших элементов виктимологической профилактики посягательств в отношении несовершеннолетних пользователей сети Интернет называет их защиту от посторонних и от доступа к запретного рода информации [5]. В этой связи необходимо высказать несколько критических замечаний по поводу политики в сфере защиты детей от информации, способной причинить вред их нормальному развитию и воспитанию, нормативной базе, которую составляют

⁴ Правила формирования и ведения единого реестра российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных и единого реестра программ для электронных вычислительных машин и баз данных из государств – членов евразийского экономического союза, за исключением Российской Федерации (Утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 16.11.2015 № 1236 «Об установлении запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд») // Собрание законодательства РФ. 2015. № 47. Ст. 6600.

Закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»⁵, Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁶ (Далее – Закон об информации), Закон «О средствах массовой информации»⁷ (далее – Закон о СМИ).

Статьей 5 Закона о защите детей предусмотрены виды информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей, а в статье 11 устанавливается положение, согласно которому оборот такой информации запрещается в местах, доступных для детей, и возможен лишь при наличии административных и организационных мер, технических и программно-аппаратных средств защиты детей от указанной информации.

В соответствии со статьей 15.1 Закона об информации в Российской Федерации создается реестр, в который заносятся доменные имена, указатели страниц сайтов в сети Интернет и сетевые адреса, позволяющие идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. При обнаружении соответствующей информации она в соответствии с установленной процедурой заносится в Реестр, а доступ к ней блокируется.

Однако это не значит, что несовершеннолетние не смогут получить доступ к запрещенной информации. Во-первых, существуют технические способы обхода блокировок с использованием VPN-сервисов, которые позволяют скрывать информацию о посещаемых пользователем сайтах, о самом пользователе и его действиях в киберпространстве. Информация о таких сервисах широко распространена в молодежной среде, в том числе и среди несовершеннолетних. Во-вторых, информация с заблокированных сайтов легко копируется (в течение минут) на другие страницы, которые еще не выявлены правоохранительными органами, но становящиеся мгновенно известными несовершеннолетним. Таким образом, при существующей системе блокирования нежелательной для несовершеннолетних информации всегда имеются временной зазор, когда любая информация остается доступной (иногда речь идет о неделях или даже месяцах), и возможности обхода блоки-

⁵ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федеральный закон от 29.12.2012 № 436-ФЗ (ред. от 5.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

⁶ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.06.2006 № 149-ФЗ (ред. от 3.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

⁷ О средствах массовой информации: Федеральный закон от 27.12.1991 № 32 (ред. от 30.12.2020) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.

ровок. Таким образом, в настоящее время можно говорить не о полноценной реализации этой политики, а лишь об ее имитации.

В некоторых случаях складывается парадоксальная ситуация: прокуратурой подаются иски о блокировке сайтов, содержащих запрещенную информацию, однако суды по различным причинам отклоняют их, и процедура блокировки фактически приостанавливается. При этом сайты годами продолжают работу в обычном режиме.

Именно подобным образом проходила процедура блокировки порносайта *Youporn.com*. В соответствии с решением Первореченского районного суда г. Владивостока этот сайт был внесен в реестр запрещенных сайтов. Однако это решение было впоследствии отменено, поскольку к заявлению прокурора не были приложены результаты соответствующей экспертизы⁸.

Таким образом, несмотря на фактический запрет распространения порнографии, устанавливаемый статьей 4 Закона о СМИ, статьями 10.4, 10.5, пунктом «а» части 5 статьи 15.1 Закона о средствах массовой информации, статьей 5 Закона о защите детей, статьей 242 УК РФ, на территории Российской Федерации безнаказанно в течение многих лет функционируют сайты, распространяющие исключительно информацию, запрещенную для демонстрации. Органы же, которые в соответствии со статьей 20 Закона о защите детей должны осуществлять государственный надзор за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, демонстрируют бездействие по этому вопросу.

Изучение судебной практики Первореченского районного суда г. Владивостока показало, что решение, в соответствии с которым был заблокирован сайт *Youporn*, является типовым для этого суда. Аналогичные решения выносились 13 июля 2016 г., 23 июня 2016 г. по делу № 2-2409/16г., 23 июня 2016 г. по делу № 2-2414/16г. и т. д. Причем, как следует из названия блокируемых сайтов, большинство из них имеют российское происхождение (по этическим соображениям мы здесь их приводить не будем). Информации об обжаловании блокировок таких сайтов у нас не имеется. И лишь для двух крупнейших иностранных порносайтов российское правосудие сделало исключение и фактически легализовало их деятельность вопреки положениям российского же законодательства.

⁸ Овечкин О. Роскомнадзор разблокировал порносайт *YouPorn* по решению суда. URL: <https://rb.ru/news/pobeda-dobra/> (дата обращения: 16.04.2021).

Полагаем, что отсутствие экспертного заключения, ставшее отменой для судебного решения, вызвано не халатностью прокурорских работников, а финансовыми ограничениями. Стоимость искусствоведческой экспертизы исчисляется суммами порядка десяти тысяч рублей и более. Однако сайтов, требующих блокировки, огромное количество, что влечет резкое увеличение расходов на блокировку сайтов. Поэтому с учетом масштабов задачи блокировки представляется правильным создавать при отдельных прокуратурах специальные должности экспертов, которые обладают лицензиями на проведение наиболее востребованных экспертиз (например, искусствоведческой, лингвистической), и возложить на них обязанности по подготовке экспертных заключений. Информацию же о сайтах, по которым требуется соответствующая экспертиза, необходимо централизованно направлять в такие прокуратуры от всех правоохранительных органов, их выявивших. Полагаем, что такой порядок значительно упростит и ускорит процесс блокировки сайтов, содержащих запрещенную информацию.

В настоящее время ее блокировка осуществляется по модели «черных списков» – ограничиваются источники информации, внесенные в специальный реестр. Иными словами, реализуется принцип: разрешено все то, что не запрещено. При таком подходе всегда остается возможность донести до подростка нежелательную информацию либо путем обхода блокировок, либо путем быстрого создания новых сайтов, еще не внесенных в черный список.

Принципиально другой подход состоит в том, чтобы доступ в киберпространство для подростков осуществлять по белым спискам, то есть только к тем ресурсам, которые заранее одобрены как допустимые.

В соответствии со статьей 6 Закона об информации, классификация информации осуществляется ее производителями и распространителями. Полагаем, что аналогичным образом должны маркироваться сайты или отдельные страницы в сети Интернет. Обязанность соответствующей маркировки, ответственность за достоверность такой маркировки должна возлагаться на владельцев сайтов. Сайты, не маркированные соответствующим образом, не должны попадать в поисковую выдачу для несовершеннолетних.

В связи с изложенными соображениями считаем необходимым дополнить часть 2 статьи 10 Закона об информации, регламентирующей обязанности владельцев сайтов сети Интернет, после слов «которые достаточны для идентификации такого лица» словами «, а также возрастные ограничения для размещенной на сайте информации в соот-

ветствии с Федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Обязанность выдачи информации в соответствии с возрастной маркировкой и возрастом пользователя должна возлагаться на поисковые системы, например, «Яндекс», «Google». Поэтому соответствующие требования необходимо внести в статью 10.3 Закона об Информации, дополнив ее пунктом 9 следующего содержания: «Оператор поисковой системы предоставляет информацию по запросу пользователя в соответствии с возрастными ограничениями на основе данных, предоставляемых владельцами информационных ресурсов, и сведениями о возрасте пользователя».

Для мобильных устройств, используемых несовершеннолетними, предусмотреть использование специальных детских тарифов, предусматривающих фильтрацию Интернета с использованием белых списков. Возможность включения такой фильтрации необходимо предусмотреть и для остальных пользователей, компьютеры которых используются совместно с детьми.

Для таких тарифов необходимо сформировать белые списки адресов Интернета, которые содержат ссылки на контент, разрешенный в соответствии со статьями 7–10 Закона о защите детей, для различных возрастных групп (до шести лет, достигших шести лет, достигших двенадцати лет и достигших возраста шестнадцать лет). При передаче данных в сети Интернет оператор связи должен предоставлять по запросу поисковых систем сведения о возрасте потребителя и блокировать передачу информации, которая не соответствует заявленному возрасту или не промаркирована соответствующим образом. В любом случае на мобильные устройства, принадлежащие несовершеннолетним, не должна попадать информация, позволяющая им подключаться к сервисам анонимизации, таким как VPN-сервисы, сети TOR и т. п.

Еще одним источником информации, представляющей опасность для несовершеннолетних, являются социальные сети. Несмотря на то, что правила регистрации, как правило, предусматривают достижение определенного возраста, документальной проверки введенной информации не осуществляется. Таким образом, возможна регистрация с любого возраста и неограниченный доступ ко всем ресурсам.

Если будет реализована предложенная нами выше возрастная маркировка информации, то дополнительных изменений для возникновения у владельцев социальных сетей обязанностей по ограничению доступа для несовершеннолетних не возникнет. Закон об информации в

пункте 1 части 4 статьи 16 устанавливает обязанность для обладателей информации, операторов информационной системы в случаях, установленных законодательством Российской Федерации, обеспечить предотвращение несанкционированного доступа к информации и (или) передачи ее лицам, не имеющим права на доступ к ней.

Другой больной темой современного общества является мошенничество, особенно его высокотехнологичные разновидности. Множество предлагаемых по борьбе с этим явлением решений не устраняют главной проблемы – обезличенности денег, порождающей широкие возможности сокрытия их происхождения. Сущность кредитно-финансовой системы до настоящего времени остается практически неизменной, даже если учет осуществляется с помощью электронных средств связи: каждому счету соответствует определенная сумма. Перечисление денежных средств от одного субъекта к другому для банка означает всего лишь уменьшение суммы на одном счете и соответственное увеличение на другом. Денежные средства из разных источников сливаются на одних счетах, перемещаются на другие и, в конечном итоге, отследить и доказать их преступное происхождение становится очень проблематичным.

До недавнего времени решение проблемы обезличенности денег представлялось невозможным. Однако бурное развитие Интернета и быстрое увеличение производительности домашних компьютеров привели к практической реализации технологии информации, при которой все ее перемещения фиксируются без возможности каких-либо сторонних манипуляций. Мы здесь имеем в виду технологию, именуемую блокчейн, и созданные на ее основе криптографические валютные системы bitcoin, ethereum и др. Надежность этих криптовалют основана на том, что на каждом компьютере пользователя этих систем хранится в зашифрованном виде полная история всех переводов денежных средств за все время существования этих систем. Теоретически, чтобы сокрыть перевод, необходимо подделать эту информацию не менее чем на 50 % компьютеров пользователей соответствующей криптовалюты, что даже теоретически не представляется возможным [6].

Однако возможны и другие варианты, когда цифровая валюта эмитируется центральным банком государства, что, при сохранении всех достоинств, исключает и недостатки криптовалют. В настоящее время пионером в этой сфере является Китай, который приступил к тестиро-

ванию своей цифровой валюты DCEP (Digital Currency Electronic Payment), или «цифровой юань»⁹.

Цифровой юань по своим характеристикам отличается от криптовалют тем, что операции с ним осуществляются централизованно, а, значит, вся информация о переводах доступна государству, и любое использование денежных средств в преступных целях будет моментально установлено и пресечено. Отличие от обычной кредитно-финансовой системы состоит в высоком уровне защищенности, поскольку вся информация о перемещении средств шифруется, и подделать ее невозможно.

Поэтому государство в любой момент времени будет располагать полной и точной информацией о движении средств, о доходах и расходах граждан и т. п. Повсеместное распространение государственной цифровой валюты сделает бессмысленным совершение мошенничеств с использованием кредитных карт, наиболее распространенного вида хищений в настоящее время.

Представляется, что разработка и внедрение собственной цифровой валюты Российской Федерацией даст не только огромные экономические преимущества, такие, как высочайшая скорость финансовых транзакций, снижение их стоимости за счет того, что станут не нужны посредники в виде традиционных банков, надежность и т. п. С криминологической точки зрения цифровая валюта станет мощнейшим антикриминогенным фактором, способным радикально изменить криминогенный ландшафт, исключить анонимность финансовых транзакций и, следовательно, снизить виктимизацию граждан.

Представленные в данной статье меры по виктимологическому предупреждению преступлений в киберпространстве отличаются элементами научной новизны и включают в себя меры организационного, технического и правового характера. Их реализация, по нашему мнению, будет способствовать снижению уровня виктимности рядовых пользователей компьютерных сетей. Мы отдаем себе отчет в том, что некоторые из представленных предложений труднореализуемы на практике, например, введение российской цифровой валюты. Вместе с тем наша задача состоит и в том, чтобы найти новые аргументы для сторонников реализации таких сложных технических решений.

⁹ Будущее за DCEP: что нужно знать о новой китайской криптовалюте. URL: <http://ekd.me/2020/04/budushhee-za-dcep-cto-nuzhno-znat-o-novoj-kitajskoj-kriptovalyute/> (дата обращения: 09.05.2021).

Список литературы

1. Бочков А.А. Виктимологическая культура: теория и практика // Право. Экономика. Психология. 2016. № 2. С. 3-9.
2. Белицкий В.Ю. Предупреждение совершения мошенничеств участковым уполномоченным полиции // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2017. № 2. С. 132-133.
3. Шалагин А.Е. О приоритетных направлениях деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 2. С. 153-157.
4. Никулин Д.В. Профилактика мошенничества в сфере глобальной сети Интернет и средств массовой информации. Виктимологический аспект // Аллея науки. 2018. Т. 6. № 6 (22). С. 786-794.
5. Короткова Н.А. Виктимологическая профилактика преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершаемых с использованием сети Интернет // Научные достижения и открытия современной молодежи: сб. ст. 2 Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2017. С. 225-228.
6. Калиниченко В.Н., Кондратьев В.Ю. Принцип работы блокчейн // Цифровизация экономики: направления, методы, инструменты: сб. ст. по материалам 2 Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2020. С. 219-221.

Статья поступила в редакцию 07.06.2021 г.

Одобрена после рецензирования 15.09.2021 г.

Принята к публикации 22.09.2021 г.

Информация об авторе

Родина Екатерина Анатольевна, помощник Урюпинского межрайонного прокурора Волгоградской области, юрист 3 класса, Прокуратура Волгоградской области, г. Урюпинск, Волгоградская обл., Российская Федерация; аспирант, кафедра прокурорского надзора и криминологии, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация, rodina-caterina2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4651-179X>

Для цитирования

Родина Е.А. Виктимологическое предупреждение преступлений в киберпространстве // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 510-524. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-510-524>

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-510-524

VICTIMOLOGICAL PREVENTION OF CYBERSPACE CRIME

E.A. Rodina^{1,2}

¹Uryupinsk Interdistrict Prosecutor's Office of Volgograd Region

2 Ulyanovsk Ln., Uryupinsk 403113, Volgograd Region, Russian Federation

²Saratov State Law Academy

1 Volskaya St., Saratov 410056, Russian Federation

rodina-caterina2010@yandex.ru

Abstract. Despite efforts to improve criminal legislation, the number of criminal offenses committed in cyberspace continues to grow. This predetermines the need to improve preventive measures, including victimological ones. Purpose of the work: development of a set of measures for victimological prevention of crimes committed in cyberspace. Among the methods used are the dialectical method of scientific knowledge, systemic, structural, comparative legal, content analysis. Based on the analysis of the reasons for the victimization of users in cyberspace, proposals have been developed for a set of measures for victimological prevention, including improving citizens' information about security measures, government support for the development of open source software, a ban on government agencies from requiring citizens to submit documents in one format, or using software that can function under only one operating system, the legislative increase in the established period for informing the payment system operator about an unauthorized transfer of funds to 30 days, amending a number of laws aimed at limiting the access of minors to information that could harm their development, changing the procedure for minors' access to information, contained in computer networks on the basis of white lists, the development of a national digital currency and a number of others.

Keywords: cyberspace, victimological prevention, crime, fraud, minors

References

1. Bochkov A.A. Viktimologicheskaya kul'tura: teoriya i praktika [Victimological culture: theory and practice]. *Pravo. Ekonomika. Psikhologiya – Law. Economics. Psychology*, 2016, no. 2, pp. 3-9. (In Russian).
2. Belitskiy V.Y. Preduprezhdeniye soversheniya moshennichestv uchastkovym upolnomochennym politzii [Prevention of committing fraud by the district police officer]. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 2, pp. 132-133. (In Russian).
3. Shalagin A.E. O prioritnykh napravleniyakh deyatel'nosti organov vnutrennikh del po preduprezhdeniyu prestupleniy i administrativnykh pravonarusheniy [On the priori-

- ty directions of the activities of the internal affairs bodies for the prevention of crimes and administrative offenses]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii – the Review of Economy, the Law and Sociology*, 2014, no. 2, pp. 153-157. (In Russian).
4. Nikulin D.V. Profilaktika moshennichestva v sfere global'noy seti Internet i sredstv massovoy informatsii. Viktimologicheskiy aspekt [Fraud prevention in the global Internet and mass media. Victimological aspect]. *Alleya nauki – Alley of Science*, 2018, vol. 6, no. 6 (22), pp. 786-794. (In Russian).
 5. Korotkova N.A. Viktimologicheskaya profilaktika prestupleniy protiv polovoy neprikosnovennosti nesovershennoletnikh, sovershayemykh s ispol'zovaniyem seti Internet [Victimological prevention of crimes against sexual inviolability of minors committed using the internet]. *Sbornik statey 2 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Nauchnyye dostizheniya i otkrytiya sovremennoy molodezhi»* [Collection of Works of the 2nd of International Scientific and Practical Conference “Scientific Achievements and Discoveries of Modern Youth”]. Novosibirsk, 2017, pp. 225-228. (In Russian).
 6. Kalinichenko V.N., Kondratyev V.Y. Printsip raboty blokcheyn [How blockchain works]. *Sbornik statey po materialam 2 Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Tsifrovizatsiya ekonomiki: napravleniya, metody, instrumenty»* [Collection of works based on the materials of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference “Digitalization of the Economy: Directions, Methods, Tools”]. Krasnodar, 2020, pp. 219-221. (In Russian).

The article was submitted 07.06.2021

Approved after reviewing 15.09.2021

Accepted for publication 22.09.2021

Information about the author

Ekaterina A. Rodina, Assistant to the Uryupinsky Interdistrict Prosecutor of Volgograd Region, Lawyer of the 3rd Class, Uryupinsk Interdistrict Prosecutor's Office of Volgograd Region, Uryupinsk, Volgograd Region, Russian Federation; Post-Graduate Student, Prosecutor's Supervision and Criminology Department, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, rodina-caterina2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4651-179X>

For citation

Rodina E.A. Viktimologicheskoye preduprezhdeniye prestupleniy v kiberprostranstve [Victimological prevention of cyberspace crime]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 19, pp. 510-524. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-510-524> (In Russian, Abstr. in Engl.)

Работа доступна по лицензии
Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0
Всемирная

© Черемин Н.В., 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.83

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-525-536

Шифр научной специальности 12.00.08

ПРИЧИНЫ СОВЕРШЕНИЯ ПОБЕГОВ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, СОВЕРШЕННЫХ ОСУЖДЕННЫМИ, КОТОРЫМ ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРАВО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ БЕЗ КОНВОЯ

Н.В. Черемин

Кузбасский институт ФСИН России

654000, Российская Федерация, Кемеровская обл., г. Новокузнецк, пр-т Октябрьский, 49

ncheremin@gmail.com

Аннотация. Посвящено актуальной теме для уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС РФ) – повышению уровня безопасности, которая рассмотрена в рамках криминологического анализа причин совершения побегов из мест лишения свободы особо учитываемой категорией осужденных, которым предоставлено право передвижения без конвоя или сопровождения. Совершение такого преступления как побег не только дезорганизует деятельность учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, но и ставит под угрозу общественную безопасность. Действия уголовно-исполнительной системы по организации спецоперации по розыску и задержанию сбежавших преступников требует больших материальных и физических затрат. Все это говорит об актуальности исследования, которое может помочь при организации профилактических мероприятий по предотвращению побегов. Цель исследования была достигнута путем анализа уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, анализа официальных статистических данных, анкетирования и опроса начальников исправительных учреждений УИС РФ, а также спецконтингента; анализа некоторых решений по уголовным делам, связанным со статьей 313 УК РФ за период 2010–2020 гг. В итоге исследования были выявлены характерные причины (объективные и субъективные) совершения побегов исследуемой группой осужденных, вы-

явлены особенности, что позволит в дальнейшем организовать профилактические мероприятия, направленные на профилактику и предупреждение побегов среди осужденных, которым администрация учреждения разрешила право выхода за пределы исправительных учреждений с целью хозяйственного обслуживания.

Ключевые слова: причины и условия совершения побега из места лишения свободы, пользующиеся правом передвижения без конвоя или сопровождения осужденные, общественная безопасность, криминология

Пенитенциарная преступность всегда обращала на себя особое внимание, так как совершение повторного преступления во время отбывания наказания говорит нам о малой эффективности исправительных учреждений и большой криминогенной зараженности лиц, отбывающих наказание. Одной из ключевых особенностей мест лишения свободы является изоляция лиц, совершивших преступление, от общества и осуществление постоянного надзора и охраны за последними. Но, несмотря на это, ежегодно в России совершаются преступления, предусмотренные статьей 313 УК РФ, – побег из мест лишения свободы.

В настоящее время информация о совершении побегов находится в открытом доступе и ежегодно представляется Научно-исследовательским институтом информационных технологий ФСИН России в обзорах «Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы». Приведем официальные статистические данные, которые предоставлены в указанных обзорах: так, в 2015 г. было совершено 123 побега из мест лишения свободы, в 2016 г. был зафиксирован 101 случай, в 2017 г. – 106, в 2018 г. – 103, в 2019 г. – 111, в 2020 г. – 98 случаев побегов из мест лишения свободы¹. При этом представляется небезынтересным мнение многих исследователей о том, что побег можно отнести к категории латентных преступлений [1].

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что с момента передачи функций по охране объектов УИС с внутренних войск в ведение ГУИН (ФСИН) России количество побегов снизилось в 70 раз [2, с. 10]. Однако, несмотря на это, угроза совершения побегов все равно остается актуальной в настоящее время, что подтверждается официальной статистикой. Особенно, на наш взгляд, в зону риска попадают осужденные, пользующиеся правом передвижения без конвоя или сопровождения. В настоящий момент под охраной Федеральной службы испол-

¹ См. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы за 2015–2020 гг.: информационно-аналитический сборник. Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2016–2021.

нения наказаний состоят 860 учреждений по всей России, из них: исправительные колонии – 500, лечебно-исправительные учреждения – 74, воспитательные колонии – 23, следственные изоляторы – 201, тюрьмы – 8, психиатрические больницы специализированного типа с интенсивным наблюдением – 8, а также некоторые производственные объекты. По мнению А.А. Нуждина, несмотря на тенденцию снижения побеговой активности среди осужденных, их доля в общей структуре пенитенциарной преступности остается на лидирующих местах [3, с. 52].

Все побеги с позиции уголовно-исполнительного законодательства можно разделить на совершенные из-под охраны и из-под надзора. Безусловно, большинство совершенных побегов происходят из-под надзора, в том числе совершенные лицами, которым было предоставлено право передвижения без конвоя из различных исправительных учреждений (колония общего, строгого режима, следственные изоляторы и т. д.).

Несмотря на то, что побег с уголовно-правовой позиции относится по большей части к категории преступлений средней тяжести (за исключением случаев совершения побега с применением насилия опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения, а также с использованием оружия или предметов, используемых в качестве оружия), на наш взгляд, общественная опасность побегов также различна в зависимости от способа совершения побега (например способом на «таран»), вида исправительного учреждения (совершенного из колонии-поселения, либо из колонии особого режима) и изначально совершенного преступления сбежавшего осужденного (статьи 105 или 158 УК РФ). Стоит заметить, что не все авторы придерживаются мнения о необходимости учитывать свойства личности как квалифицирующих признаков, например В.И. Ткаченко [4]. Стоит отметить, что позиция к квалифицирующим признакам менялась на разных этапах становления уголовного законодательства России.

Нельзя не заметить тот факт, что большинство побегов (в среднем 90 %) происходит не из-под охраны, а из-под надзора, то есть в данные статистические показатели включены побеги, совершаемые осужденными, отбывающими наказания в колонии-поселении (далее – КП), которые в свою очередь значительно отличаются от других учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы.

В первую очередь отметим, что осужденные, находящиеся в КП, содержатся не под охраной, а под надзором, они могут свободно передвигаться по территории колонии, а также по разрешению админист-

рации за ее пределами, что в свою очередь сказывается на количестве побегов среди данной категории осужденных. Режим отбывания наказания осужденных, пользующихся правом передвижения без конвоя, также обладает своей спецификой. Так, осужденные двигаются за пределами исправительного учреждения по заранее установленному маршруту, осуществляют работы, необходимые учреждению согласно их хозяйственных нужд, и находятся такие осужденные за пределами линии охраны. Так как статистика показывает большое количество побегов из-под надзора, считаем небезосновательным вывод о том, что категория осужденных, рассматриваемая в данной статье, также наиболее подвержена совершению побега. Так, при анализе уголовных дел с 2010 по 2020 год было выяснено, что наиболее распространенным преступлением рассматриваемой группы осужденных является побег (более 60 % от всех преступлений, совершаемых рассматриваемой категорией осужденных).

При этом стоит отметить, что данный побег будет засчитываться в категорию «из-под надзора», так как осужденный де-факто находится за пределами колонии и соответственно для совершения побега ему нет необходимости преодолевать инженерно-технические средства охраны, представляющие собой фактически последний рубеж между неволей и свободой.

Рассматривая правовую регламентацию вопроса определения побега из мест лишения свободы, а также действий сотрудников уголовно-исполнительной системы при побеге осужденного, стоит в первую очередь отметить статью 313 Уголовного кодекса Российской Федерации, определяющую санкции за совершение данного деяния, а также ведомственные приказы, регламентирующие деятельность сотрудников УИС, в частности, регулирующие действия сотрудников отдела охраны учреждений, исполняющих наказания.

Под побегом принято понимать исключительно активные действия осужденных, подозреваемых, обвиняемых по самовольному, незаконному покиданию места лишения свободы либо места нахождения под стражей. В случае осужденных, пользующихся правом БП, под побегом будет пониматься самовольное покидание маршрута следования, оставление выделенного рабочего места либо самовольное покидание общежития, выделенного для проживания таким лицам. Но при этом такие действия будут квалифицироваться как побег из-под охраны учреждения только в том случае, если осужденный имел перед собой цель уклониться от отбывания наказания, в противном случае такие

действия будут оценены администрацией учреждения как нарушение режима отбывания наказания, и осужденный будет привлекаться к дисциплинарной ответственности.

Применяемые санкции согласно статье 313 УК РФ за совершение побега из исправительного учреждения являются объективной необходимостью, к которой прибегает государство с целью защиты интересов граждан и достижения целей, поставленных перед уголовно-исполнительной системой. Опасность совершенного побега не вызывает сомнений, данные действия нарушают порядок работы исправительных учреждений, на проведение специальной операции по розыску и задержанию сбежавших осужденных приходится выделять значительные силы уголовно-исполнительной системы, тратить материальные средства, а также сбежавшие лица представляют опасность для общества в целом.

Чтобы определить наиболее эффективные способы профилактики совершения побегов из исправительных учреждений, необходимо в первую очередь определить комплекс явлений, совокупность которых порождает преступность, то есть детерминант преступности [5, с. 98]. Условно их можно разделить на два вида – субъективные и объективные. Безусловно, каждый человек стремится к свободе, но не каждый идет на преступление ради нее. Только при сочетании ряда условий срабатывает «спусковой крючок» и совершается преступление, в нашем случае побег из мест лишения свободы.

Вначале разберем объективный детерминант, под которым мы понимаем ряд условий и причин, не зависящих от осужденного, его внутренних убеждений и состояний. Исходя из этого, среди объективных причин совершения побега осужденными, пользующимися правом БП, можно выделить следующие.

Во-первых, стоит отметить отсутствие конкретно установленных требований к осужденным, которым предоставляется право передвижения без конвоя или сопровождения. Требования, которые установлены статьей 96 УИК РФ, на наш взгляд, являются недостаточными и неполными, что приводит к предоставлению администрацией учреждения данного права «неблагонадежным» осужденным, что, в свою очередь, приводит или может привести к совершению данными лицами преступлений.

Также при анализе нормы Уголовно-исполнительного кодекса РФ, которая регламентирует вопрос предоставления права передвижения без конвоя, можно выделить такой важный элемент, как «хозяйствен-

ная необходимость», который должен учитываться при предоставлении права БП. Администрация учреждения иногда вынуждена предоставлять право передвижения осужденному исключительно вследствие необходимости выполнения ими определенных работ (например, электрических или сантехнических), но при этом зачастую упускается очень важный момент оценки его личностных качеств.

Проведение кадровой политики государства по оптимизации силовых структур ведет к сокращениям в уголовно-исполнительной системе (в том числе произошедших в рамках выполнения Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.), что неизбежно приводит к проблеме нехватки сотрудников, о чем постоянно говорят практические работники учреждений УИС. Под сокращение попадают сотрудники различных отделов и служб, в том числе обеспечивающих режимные требования. Так, в Самарской области двое осужденных, пользующихся правом передвижения БП (ИК строгого режима), в связи с отсутствием должного контроля со стороны сотрудников отдела режима самовольно нарушили маршрут движения и скрылись с целью не отбывать назначенное наказание. Данное преступление стало возможным в связи с тем, что бригаду бесконвойных осужденных «перекрывал» только 1 сотрудник данного учреждения, который помимо данной деятельности выполнял ряд других служебных задач.

Прежде чем перейти к субъективным детерминантам, стоит рассмотреть еще один объективный элемент, влияющий на совершение преступлений. В ряде случаев совершение преступления было допущено в том числе из-за «слабой» оперативной работы сотрудников учреждений, где отбывают наказания осужденные. Так, например, осужденный Ондар (Республика Тыва) совершил побег из участка колонии-поселения. Он неоднократно заявлял другим осужденным о проблемах в семейной жизни, а также что он хочет встретиться с женой для решения личных вопросов, утверждая, что если ему не будет предоставлен выезд из колонии-поселения, то он самостоятельно покинет ее. Данная информация не была отработана оперативным и другими отделами исправительного учреждения, вследствие чего стало возможным совершение побега.

В данном случае можно наблюдать два вида детерминант: объективные – слабая оперативная работа учреждения, субъективные – семейные проблемы осужденного, внутренняя нестабильность.

Переходя ко второй группе причин, стоит дать понятие субъективного детерминанта, под которым мы понимаем внутренние мотивы, убеждения осужденного, подтолкнувшие его к совершению преступления, в нашем случае это совершение побега осужденными, которым было предоставлено право бесконвойного передвижения.

Рассматривая данные причины, обратим внимание на приведенный пример побега из колонии-поселения в Республике Тыва. Помимо объективного детерминанта, там есть субъективный – проблемы в семейных (личных) отношениях осужденного, которыми могут быть различные обстоятельства: ревность к жене, банальная ссора, после чего возникает желание личной встречи, либо у осужденного имеется очень прочная связь с семьей, и при продолжительной разлуке с ней возникает непреодолимое желание увидеть жену, детей, оказать им какую-либо помощь, и это желание осужденный ставит выше страха наказания за совершение побега.

Также стоит отметить, что в юридической литературе довольно редко рассматривается вопрос сезонности при совершении преступлений. Но при этом, как отмечается в некоторых источниках, сезонные колебания свойственны абсолютному большинству юридически значимых явлений (изучение сезонных колебаний проводится с целью выявления закономерно повторяющихся различий в уровне рядов динамики в зависимости от времени года) [6]. Большинство из нас слышали такую фразу, что в осенне-весенний период происходит обострение, а некоторые даже чувствуют, что быстрее устают на работе, становятся более эмоциональными. С научной точки зрения это можно объяснить полным отсутствием либо ограниченным поступлением солнечных лучей, вследствие чего у человека хуже вырабатывается серотонин (в простонародье называемый «гормоном счастья»). Психиатрами отмечается, что в такую погоду повышается риск развития шизофрении. Все это, безусловно, должно учитываться при предоставлении осужденным права передвижения без конвоя. В зависимости от личности человека, его психосоматических особенностей, темперамента личности каждый по-разному реагирует на перепады погодных условий, у некоторых развивается апатия, депрессия, что, несомненно, может подтолкнуть к совершению побега. В автономных системах деятельности это не имеет особого значения, а в зависимых системах различия в сезонных колебаниях могут иметь отрицательные последствия. Это замечание имеет прямое отношение к системе «преступность – борьба с преступностью» [7].

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что осужденные, пользующиеся правом передвижения без конвоя, находятся в более мягких условиях по сравнению с основной массой осужденных: так, основную часть времени они находятся за пределами исправительного учреждения, могут общаться с гражданскими лицами, относительно свободно передвигаться (в пределах маршрута движения), проживать за пределами исправительного учреждения. Все это зачастую негативно сказывается на отношениях бесконвойников с основной массой осужденных: происходят конфликты либо попытка «вербовки» осужденных с целью проноса в исправительное учреждение различных запрещенных предметов (алкоголь, наркотики и т. д.). Исходя из вышесказанного, считаем важной составляющей работу оперативного отдела по установлению и пресечению фактов негативного влияния спецконтингента на осужденных, пользующихся правом передвижения без конвоя.

Также некоторые авторы отмечают одной из причин устойчивую криминальную ориентацию осужденного, имеющего цель получения преступного авторитета [8]. Многие осужденные, особенно попадающие в исправительное учреждение в несовершеннолетнем возрасте, подвержены влиянию криминальной субкультуры, которая глубоко проникает в их сознание, и совершение побега с точки зрения этой системы «ценностей» поднимает «авторитет» в глазах других осужденных. Очень важно обращать внимание на отношение осужденного к назначенному наказанию: так, при анкетировании 47 осужденных, отбывающих наказание в ФКУ ЛИУ-16 Кемеровской области – Кузбассу, 19 из них ответили, что не согласны с назначенным наказанием. Данные лица в меньшей степени чувствуют свою вину и несправедливость (по их мнению) ограничений, связанных с лишением свободы, что впоследствии может выступить мотивацией к совершению побега. Так, по итогам опроса практических работников УИС, проведенного О.Ю. Крюковой и С.В. Смеловой, 85,5 % респондентов указывают, что лица, самовольно покинувшие места лишения свободы, считают себя незаконно осужденными [9, с. 80].

Предоставление таким осужденным права бесконвойного передвижения может выступать своеобразным триггером («спусковым крючком») к совершению побега из исправительного учреждения, так как количество прилагаемых усилий для успешного осуществления побега при передвижении за пределами учреждения намного меньше, нежели при нахождении осужденного в стенах исправительного учреждения. Поэтому, исходя из всего вышеперечисленного, считаем необ-

ходимым в первую очередь конкретизировать уголовно-исполнительное законодательство в части критериев отбора кандидатов на предоставление права передвижения без конвоя.

Помимо конкретизации требований, считаем целесообразным, чтобы администрация исправительных учреждений учитывала следующие причины и условия при рассмотрении вопроса предоставления осужденным права передвижения без конвоя.

Необходим всесторонний анализ личности осужденного. Для достижения данной цели представляется целесообразным собирать характеризующие документы на кандидата с разных отделов и служб (характеристика на осужденного от начальника отряда, оперативно-аналитическая справка оперативного отдела, производственная характеристика от мастера производственного цеха, в котором трудоустроен осужденный, заключение психологов и т. д.). Условно это можно назвать внутренним контролем: происходит всесторонний анализ личности осужденного внутри исправительного учреждения, его взаимодействие с другими осужденными, отношение к труду, учебе, правилам внутреннего распорядка, к приговору суда и назначенному сроку наказания. Личность осужденного, которому возможно предоставление права передвижения без конвоя, – это, безусловно, сложный вопрос, который заслуживает отдельного исследования.

Второй этап – это внешний контроль. Под ним мы понимаем анализ взаимоотношений кандидата с «внешним миром», то есть отношения с членами семьи, с потерпевшими (в случае наличия таковых), характеристика с последнего места работы, учебы, проверка наличия административных правонарушений.

Третьим по счету, но не по значимости, является вопрос предоставления изолированного от основной массы осужденных общежития с целью недопущения криминогенного влияния на осужденных, пользующихся правом передвижения без конвоя, что, в свою очередь, снизит количество правонарушений и преступлений, совершаемых рассматриваемой категорией.

Подводя итог, можно сказать, что побег занимает одно из ключевых мест в пенитенциарной преступности. Фактически администрация исправительных учреждений предоставляет право передвижения без конвоя только положительно характеризующимся осужденным, несмотря на это среди данной категории лиц ежегодно имеются факты совершения побегов из мест лишения свободы. Все это говорит о необходимости продолжения изучения основных причин и условий со-

вершения побегов как в их общей массе, так и отдельными категориями осужденных. Данные исследования будут иметь не только теоретическую значимость, но и практическую при организации профилактических мероприятий.

Список литературы

1. Ямашкин А.С. Методика расследования побегов из мест лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 29 с.
2. Корниенко Г.А. Современное состояние и перспективы развития уголовно-исполнительной системы // Сборник тезисов выступлений и докладов участников 3 Международного пенитенциарного форума: в 8 т. Рязань: Академия ФСИН России, 2017. Т. 1. С. 9-19.
3. Нуждин А.А. Побег осужденных и лиц, содержащихся под стражей: современное состояние и аспекты предупреждения // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 5 (216). С. 51-55.
4. Ткаченко В.И. Принцип равной уголовной ответственности // Советская юстиция. 1989. № 9. С. 26.
5. Криминология / под ред. В.В. Орехова. СПб., 1992. 216 с.
6. Лунеев В.В. Юридическая статистика. М.: Юрист, 1999. 400 с.
7. Кулев В.К., Анисимов С.В. Сезонная динамика: теоретический аспект правовой статистики // Надежность и качество: тр. Междунар. симпозиума. Пенза, 2012. Т. 2. С. 358.
8. Абрамов И.А. Проблемы предупреждения побегов из мест лишения свободы, причины и условия, способствующие их совершению // Российское правоведение: трибуна молодого ученого: сб. ст. / отв. ред. В.А. Уткин. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2015. Вып. 15. Ч. 3.
9. Крюкова О.Ю., Смелова С.В. Особенности квалификации преступлений, предусмотренных статьей 313 УК РФ // Актуальные вопросы деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе: сб. науч. тр. Вологда, 2018. С. 78-85.

Статья поступила в редакцию 14.07.2021 г.

Одобрена после рецензирования 15.09.2021 г.

Принята к публикации 22.09.2021 г.

Информация об авторе

Черемин Никита Викторович – преподаватель кафедры организации режима, охраны и конвоирования, Кузбасский институт ФСИН России, г. Новокузнецк, Кемеровская обл., Российская Федерация, ncheremin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6066-2036>

Для цитирования

Черемин Н.В. Причины совершения побегов из мест лишения свободы, совершенных осужденными, которым предоставлено право передвижения без конвоя // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 525-536. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-525-536>

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-525-536

REASONS TO ESCAPE FROM A PLACE OF DETENTION BY CONVICTS WITH THE RIGHT OF MOVEMENT WITHOUT CONVOY

N.V. Cheremin

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

49 Oktyabrsky Ave., Novokuznetsk 654000, Kemerovo Region, Russian Federation

ncheremin@gmail.com

Abstract. Dedicated to a topical topic for the penitentiary system of the Russian Federation (hereinafter referred to as the PS of the Russian Federation) – increasing the level of security, which is considered in the framework of a criminological analysis of the reasons for escaping from places of detention by a particularly considered category of convicts who are granted the right to travel without an convoy or escort. The commission of such a crime as escape not only disorganizes the activities of institutions executing punishment in the form of imprisonment, but also endangers public safety. The actions of the penitentiary system to organize a special operation to search for and arrest escaped criminals requires large material and physical costs. All this speaks of the relevance of the study, which can help in organizing preventive measures to prevent escapes. The purpose of the study was achieved by analyzing the criminal and penal legislation of the Russian Federation, analyzing official statistics, questioning and interviewing the heads of correctional institutions of the PS of the Russian Federation, as well as the special contingent; analysis of some decisions in criminal cases related to Article 313 of the Criminal Code of the Russian Federation for the period 2010–2020. As a result of the study, the characteristic reasons (objective and subjective) of the escapes of the investigated group of convicts were revealed, features are identified, which will allow in the future to organize preventive measures aimed at preventing and preventing escapes among convicts, who were allowed by the administration of the institution to have the right to leave the correctional institutions in order to economic service.

Keywords: reasons and conditions for escape from a place of deprivation of liberty, convicts who have been granted the right to travel without a convoy or escort, public safety, criminology

References

1. Yamashkin A.S. *Metodika rassledovaniya pobegov iz mest lisheniya svobody: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Methods for Investigating Escapes from Places of Detention. Cand. jurid. sci. diss. abstr.]. Saratov, 2010, 29 p. (In Russian).
2. Korniyenko G.A. *Sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy* [The current state and prospects for the development of the penal system]. *Sbornik tezisev vystupleniy i dokladov uchastnikov 3 Mezhdunarodnogo*

- penitentsiarnogo foruma: v 8 t.* [Proceedings of the 3rd International Penitentiary Forum: in 8 vols.]. Ryazan, Academy of Federal Penitentiary Service of Russia Publ., 2017, vol. 1, pp. 9-19. (In Russian).
3. Nuzhdin A.A. Pobegi osuzhdennykh i lits, soderzhashchikhsya pod strazhey: sovremennoye sostoyaniye i aspekty preduprezhdeniya [Escapes of convicts and persons in custody: current state and aspects of prevention]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noy sistemy* [Bulletin of the Penal System], 2020, no. 5 (216), pp. 51-55. (In Russian).
 4. Tkachenko V.I. Printsip ravnoy ugovolnoy otvetstvennosti [The principle of equal criminal responsibility]. *Sovetskaya yustitsiya* [Soviet Justice], 1989, no. 9, p. 26. (In Russian).
 5. Orekhov V.V. (ed.). *Kriminologiya* [Criminology]. St. Petersburg, 1992, 216 p. (In Russian).
 6. Luneyev V.V. *Yuridicheskaya statistika* [Legal Statistics]. Moscow, Yurist Publ., 1999, 400 p. (In Russian).
 7. Kulev V.K., Anisimov S.V. Sezonnaya dinamika: teoreticheskiy aspekt pravovoy statistiki [Seasonal dynamics: theoretical aspect of legal statistics]. *Trudy mezhdunarodnogo simpoziuma «Nadezhnost' i kachestvo»* [Proceedings of the International Symposium "Reliability and Quality"]. Penza, 2012, vol. 2, p. 358. (In Russian).
 8. Abramov I.A. Problemy preduprezhdeniya pobegov iz mest lisheniya svobody, prichiny i usloviya, sposobstvuyushchiye ikh soversheniyu [Problems of preventing escapes from places of detention, reasons and conditions conducive to their commission]. *Rossiyskoye pravovedeniye: tribuna molodogo uchenogo* [Russian Jurisprudence: Tribune of a Young Scientist]. Tomsk, National Research Tomsk State University Publ., 2015, issue 15, pt 3. (In Russian).
 9. Kryukova O.Y., Smelova S.V. Osobennosti kvalifikatsii prestupleniy, predusmotrennykh stat'yey 313 UK RF [Features of the qualification of crimes under Art. 313 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Aktual'nyye voprosy deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noy sistemy na sovremennom etape* [Topical Issues of the Activity of the Penal System at the Present Stage]. Vologda, 2018, pp. 78-85. (In Russian).

The article was submitted 14.07.2021

Approved after reviewing 15.09.2021

Accepted for publication 22.09.2021

Information about the author

Nikita V. Cheremin, Lecturer of Organization of Regime, Security and Escort Department, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Kemerovo Region, Russian Federation, ncheremin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6066-2036>

For citation

Cheremin N.V. Prichiny soversheniya pobegov iz mest lisheniya svobody, sovershennykh osuzhdennymi, kotorym predostavleno pravo peredvizheniya bez konvoya [Reasons to escape from a place of detention by convicts with the right of movement without convoy]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 19, pp. 525-536. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-525-536> (In Russian, Abstr. in Engl.)

Работа доступна по лицензии
Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0
Всемирная

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
2021. Т. 5. № 19 <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law.html>

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA = CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2021, vol. 5, no. 19 <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng.html>
ISSN 2587-9340

Перечень ВАК, РИНЦ, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО PROCEDURAL LAW

© Волчихина Л.А., 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.9

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-537-549

Шифр научной специальности 12.00.15

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССЕ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Л.А. Волчихина

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392036, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

kafgptsp@yandex.ru

Аннотация. В исследовании сделана попытка расширить содержание определения понятия процесса состязательности в гражданском судопроизводстве. Вывод: процесс состязательности в гражданском судопроизводстве включает в себя три составляющих, к которым относятся досудебная деятельность сторон по урегулированию возникшего материально-правового конфликта, непосредственно судебное рассмотрение возникшего материально-правового конфликта и деятельность сторон после судебного разрешения конфликта. Исследуя содержание процесса состязательности при рассмотрении и разрешении возникшего материально-правового конфликта судом, сделан вывод о том, что, осуществляя руководство процессом, суд является организатором процесса состязательности во все стадии рассмотрения дела в суде первой инстанции. Роль сторон в процессе состязательности ограничивается их участием в процессе доказывания. Исследуя процесс состязательности сторон по урегулированию материально-правового конфликта до обращения в суд, предложено законодателю расширить перечень категорий дел, по которым обязательно применение досудебного порядка урегулирования спора. Исследуя изменения процессуальной формы гражданского судопроизводства, касающиеся обязанности истца по направле-

нию другим лицам, участвующим в деле, копий искового заявления и действий сторон по раскрытию доказательств, считаем целесообразным закрепить законодателем применение этих правил в процессе состязательности сторон до применения ими судебной формы защиты.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, состязательность, процесс доказывания, досудебная деятельность сторон по разрешению конфликта, судебная деятельность по разрешению конфликта, деятельность сторон по разрешению конфликта после рассмотрения дела судом, внесудебные формы разрешения конфликта, обязательный досудебный порядок урегулирования спора

Состязательность как обязательное условие рассмотрения и разрешения дел в порядке гражданского судопроизводства определяется Конституцией Российской Федерации (часть 3 статьи 123 Конституции РФ). Состязательность сторон в гражданском судопроизводстве при условии их процессуального равноправия определяется и как принцип гражданского процессуального права (статья 12 ГПК РФ).

В ГПК РФ законодатель не определяет содержание понятия состязательности. Однако он закрепляет правило, согласно которому «Каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений» (часть 1 статьи 56 ГПК РФ). Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что состязательность сторон в гражданском судопроизводстве определяется процессом доказывания.

В науке гражданского процессуального права состязательность формулируется в том числе и как «порядок отправления правосудия по гражданским делам, при котором выяснение судом обстоятельств, имеющих юридическое значение для дела, осуществляется посредством состязания сторон и иных заинтересованных лиц по доказыванию ими тех фактов, на которые они ссылаются как на основание своих требований и возражений при содействии и помощи суда» [1, с. 142].

Состязание сторон в предоставлении доказательств происходит в процессе доказывания. В науке гражданского процессуального права доказывание формулируется в том числе и как «урегулированный нормами гражданского или арбитражного процессуального права путь (переход) от вероятных суждений к истинному знанию, обеспечивающему вынесение обоснованных и законных судебных решений» [2, с. 35]. Процесс доказывания характеризуется его этапами, элементами, ступенями. Доказывание в гражданском судопроизводстве предполагает обязанность лиц, участвующих в деле, собрать и представить суду доказательства в отношении тех обстоятельств, на которые они ссыла-

ются как на основания своих требований и возражений. Суд в этом процессе может оказать сторонам помощь, но только в истребовании доказательств (статья 57 ГПК РФ).

В советском гражданском процессуальном праве процесс доказывания также определял содержание состязательности сторон как обязательное условие гражданского судопроизводства. Однако определенную обязательную роль в собирании доказательств в процессе доказывания отводилась суду, для которого законодатель устанавливал обязанность достижения объективной истины при рассмотрении и разрешении дела (статья 50 ГПК РСФСР в редакции до 27 октября 1995 г.).

Содержание процесса состязательности нельзя отождествлять только с процессом доказывания. Такой вывод ограничивает содержание процесса состязательности, куда помимо процесса доказывания входят и другие элементы.

Состязательность между сторонами возникает раньше применения судебной формы защиты. Процесс состязательности начинается сразу при возникновении между сторонами материально-правовой ситуации, которая требует разрешения с того момента, когда стороны начинают искать пути разрешения возникшего между ними материально-правового конфликта. В этом случае содержание процесса состязательности определяется всей деятельностью каждой стороны, которая направлена на получение своего результата.

Процесс состязательности состоит из определенных элементов, к которым относится досудебная деятельность сторон по урегулированию возникшего материально-правового конфликта, деятельность суда и сторон по рассмотрению и разрешению конфликта при его судебном рассмотрении, деятельность сторон после судебного разрешения конфликта. При этом процесс доказывания относится к процессу состязательности при судебном рассмотрении и разрешении конфликта.

Если исследовать содержание процесса состязательности при рассмотрении и разрешении возникшего материально-правового конфликта судом, то соотношение роли суда и роли лиц, участвующих в деле, в организации состязательного процесса в гражданском судопроизводстве законодателем определяется в пользу суда. Осуществляя руководство процессом, суд является организатором состязательного процесса во всех стадиях рассмотрения дела в суде первой инстанции. Он фактически определяет как материальную, так и процессуальную составляющие конкретного рассматриваемого и разрешаемого им дела. Деятельность сторон ограничивается только процессом доказывания.

Так, в стадии предъявления иска суд определяет саму возможность предоставления судебной защиты заинтересованным лицам. Кроме права суда принять исковое заявление к производству законодатель устанавливает право суда отказать в принятии искового заявления (статья 134 ГПК РФ), право суда возвратить исковое заявление (статья 135 ГПК РФ) или оставить исковое заявление без движения (статья 136 ГПК РФ).

В стадии подготовки дела к судебному разбирательству законодатель не только возлагает на суд обязанности применения ее процессуальной формы, но и конструирует ее так, что окончательное решение по все вопросам, определяемым как задачи подготовки дела к судебному разбирательству, остается за судом. К этим задачам относятся: «уточнение фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела; определение закона, которым следует руководствоваться при разрешении дела, и установление правоотношений сторон; разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле, и других участников процесса; представление необходимых доказательств сторонами, другими лицами, участвующими в деле; примирение сторон (статья 148 ГПК РФ). Эти задачи фактически определяют весь процесс состязательности сторон. Поэтому стадию подготовки дела к судебному разбирательству следует считать основной стадией в организации судом процесса состязательности между сторонами. Однако роль лиц, участвующие в деле, и их представителей в стадии подготовки дела к судебному разбирательству как обязательных участников этой стадии сводится только к возможности предлагать суду свои варианты их решения. В этой связи стадия подготовки дела к судебному разбирательству требует усовершенствования процессуальной формы ее реализации, определяющей участие сторон и их представителей в решении задач подготовки дела к судебному разбирательству.

В стадии судебного разбирательства законодатель возлагает на председательствующего по конкретному делу обязанность по руководству судебным заседанием, который в том числе должен создавать условия для всестороннего и полного исследования доказательств и обстоятельств дела. Исследование доказательств и обстоятельств дела в стадии судебного разбирательства является продолжением процесса доказывания и основной частью стадии судебного разбирательства, которая определяет ее предназначение вообще.

В процессе рассмотрения и разрешения дела в суде состязательность включает в себя кроме процесса доказывания и другую деятель-

ность сторон. В науке гражданского процессуального права существует точка зрения, согласно которой в содержании процесса состязательности «можно выделить две его составляющие: во-первых, право и обязанность сторон, а также иных участвующих в деле лиц доказывать те факты, на которые они ссылаются как на основание своих требований и возражений; во-вторых, состязание сторон и других участвующих в деле лиц, в котором каждый, используя предоставленные ему права, пытается отстоять свою позицию, доказать суду свою юридическую правоту» [1, с. 142]. С этим выводом нельзя не согласиться. Деятельность сторон при рассмотрении и разрешении дела в суде не ограничивается только собиранием и представлением ими доказательств суду. Состязательность сторон – это вся их деятельность, которая определяется задачами подготовки дела к судебному разбирательству (статья 148 ГПК РФ), включая и примирительные процедуры (глава 14.1 ГПК РФ). Результатом этой деятельности является разрешение возникшего между сторонами правового конфликта.

Если обратиться к возможной досудебной деятельности сторон по разрешению возникшего между ними материально-правового конфликта, то можно сделать вывод о том, что его разрешение может быть достигнуто и без обращения сторон к помощи суда. Предложенная законодателем для защиты прав свобод и интересов, заинтересованных в этом лиц, судебная форма защиты не является обязательной. Она не является универсальной и удобной для разрешения всех различных по своему содержанию правовых конфликтов. Судебная форма защиты имеет ряд существенных недостатков. Как показывает практика, рассмотрение и разрешение правового конфликта судом требует значительного времени и материальных затрат. Кроме того, судебная форма защиты имеет в настоящее время достаточно сложную процессуальную форму ее реализации, которая, периодически изменяясь, усложняется. Это также требует увеличения материальных затрат по привлечению специалистов в области права. А главное, судебная форма защиты не способствует установлению отношений сотрудничества между сторонами, людьми в гражданском судопроизводстве зачастую близкими, а скорее, наоборот, способствует их обострению. В своих воспоминаниях о своем отце, выдающемся русском судебном ораторе, адвокате Ф.Н. Плевако, его сын С.Ф. Плевако (старший) написал: «В течение сорока лет своей судебной практики отец был неизменно тем, что можно назвать «миротворцем». Всякое дело, самое спорное, он предпочитал заканчивать мировым соглашением и даже тогда, когда этого

достигнуть не удавалось и приходилось выходить на судебный поединок, неизменным лейтмотивом его прений было привести дело к тому концу, когда обе стороны расходятся без обидного чувства проигрыша своих желаний, но в сознании обоюдного достигнутого удовлетворения» [3, с. 14]. Еще в период возникновения, становления и развития гражданского судопроизводства Ф.Н. Плевако предугадал необходимость применения примирительных процедур, что получило развитие в современном гражданском судопроизводстве. Как правило, судебная форма защиты должна применяться тогда, когда исчерпаны все предусмотренные законодателем возможные несудебные формы защиты, которые можно применить к конкретному материально-правовому конфликту.

Для возможного применения законодатель предлагает различные формы защиты гражданских прав, свобод и интересов. Исходя из этого, заинтересованные в этом лица, руководствуясь диспозитивным началом, как правило, первоначально должны разрешить вопрос о том, какую конкретную форму защиты необходимо применить к конкретной ситуации возникшего между сторонами материально-правового конфликта. Эта деятельность сторон также следует рассматривать как элемент процесса состязательности. Для разрешения возникшего материально-правового конфликта, кроме судебной, законодатель предлагает возможность применения административной или общественной формы защиты. Процесс выбора применения одной из форм защиты, определенных законодателем, является не простым и зависит от конкретной ситуации возникшего материально-правового конфликта и взаимоотношений сторон при этом. Применение административной или общественной формы защиты как внесудебных порядков рассмотрения и разрешения возникшего материально-правового конфликта не исключает возможность сторон оспаривания принятых этими органами решений в суд. Законодатель определил, что применение этих внесудебных порядков носит или обязательный, или диспозитивный характер.

К процессу состязательности сторон следует отнести и процессуальную конструкцию, которую законодатель определил как обязательный досудебный порядок урегулирования спора. В современном гражданском процессуальном праве досудебный порядок урегулирования материально-правового конфликта становится обязательным в том случае, когда этот порядок предусмотрен федеральным законом для конкретной категории дел.

Невыполнение требования законодателя о соблюдении обязательного досудебного порядка урегулирования спора по определенным категориям дел влечет неблагоприятные последствия для заинтересованного лица, обратившегося за судебной защитой, в виде применения правил возвращения искового заявления (пункт 1 части 1 статьи 135 ГПК РФ).

В настоящее время в гражданском судопроизводстве законодатель определил не так много категорий дел в определенных им материальных правоотношениях, где досудебный порядок урегулирования спора является обязательным. При исследовании этих категорий дел, относящихся к определенным материальным правоотношениям, где законодатель установил обязательный досудебный порядок урегулирования спора, нельзя установить основное начало, которое использует законодатель, определяя необходимость применения этих правил по отношению к той или иной категории дел в определенных им материальных правоотношениях. Создается впечатление, что правила обязательного досудебного урегулирования спора применяются законодателем к этим категориям дел определенных им материальных правоотношений выборочно и не с целью разрешения возникшего материально-правового конфликта. Законодатель устанавливает эти правила с целью возможного снижения нагрузки на суд по их рассмотрению, так как считает, что при применении этих материально-правовых отношений на практике возникает большое количество конфликтов, для рассмотрения и разрешения которых стороны выбирают применение судебной формы защиты. Так, законодатель широко применяет этот порядок в отношении различных категорий дел, относящихся к договору перевозки. Перевозки грузов (статья 797 ГК РФ); по спорам, вытекающим из договора авиаперевозок грузов и почты¹; по спорам, вытекающим из железнодорожных перевозок грузов²; по спорам, вытекающим из перевозок пассажиров, грузов автотранспортом³; по спорам, вытекающим

¹ Воздушный кодекс РФ от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 марта 1997 г. № 12. Ст. 1383.

² Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации (с изм. и доп.): федеральный закон от 10.01.2003 № 18-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. 13 янв. № 2. Ст. 170.

³ Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта (с изм. и доп.): федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. 12 нояб. № 46. Ст. 5555.

из перевозок внутренним водным транспортом⁴; по спорам, вытекающим из договора перевалки грузов в морском порту⁵. Этот порядок законодатель применяет и по спорам о качестве туристического продукта⁶; по спорам о выплатах по договору ОСАГО⁷, наиболее часто возникающих в настоящее время, и т. д.

Такая ситуация определения законодателем категорий дел для возможного применения обязательного досудебного порядка урегулирования спора ограничивает возможность заинтересованных лиц рассмотреть и разрешить возникший между ними материально-правовой конфликт без применения судебной формы защиты. При этом сводится на нет и сама идея обязательного досудебного разрешения возникшего между заинтересованными лицами материально-правового конфликта. Обязательный досудебный порядок урегулирования спора – это, прежде всего, предоставление законодателем возможности рассмотрения и разрешения возникшего материально правового конфликта самим сторонам и, как следствие, снижение нагрузки на суд. Законодателю необходимо более широко применять предложенную им конструкцию обязательного досудебного порядка урегулирования спора к различным категориям дел различных правоотношений.

Однако вопреки этой рекомендации законодатель вводит в современное гражданское судопроизводство правила, которые ограничивают возможность применения этой конструкции. Ранее редакция пункта 1 части 1 статьи 135 ГПК РФ, обозначенная как «Возвращение искового заявления», предусматривала возможность сторон, кроме указаний на это законодателя в федеральном законе, и самим определять применение обязательного досудебного порядка урегулирования возникшего между ними материально правового спора путем заключения об этом договора. В настоящее время законодатель исключил из редакции ука-

⁴ Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 № 24-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. 12 марта. № 11. Ст. 1001.

⁵ О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (с изм. и доп.): федеральный закон от 08.11.2007 № 261-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. 12 нояб. № 46. Ст. 5557.

⁶ Об основах туристской деятельности в Российской Федерации (с изм. и доп.): федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. 2 дек. № 49. Ст. 5491.

⁷ Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. 6 мая. № 18. Ст. 1720.

занной статьи эту возможность сторон, тем самым ограничив их диспозитивность.

Закрепляя конструкцию обязательного досудебного порядка урегулирования спора, предусмотренного федеральным законом для данной категории споров, законодатель при этом не определяет сами правила урегулирования спора между сторонами, ограничиваясь только обязанностью стороны предъявить другой стороне претензию в установленные сроки. Такое положение ограничивает возможность реализации процесса состязательности в период досудебной деятельности сторон с целью разрешения возникшего между ними материально-правового конфликта.

Совсем недавно в гражданское судопроизводство законодатель ввел ряд определенных изменений процессуальной формы его применения. Так, законодатель возложил на истца обязанность по направлению другим лицам, участвующим в деле, копий искового заявления и приложенных к нему документов, которые у других лиц, участвующих в деле, отсутствуют (пункт 6 части 1 статьи 132 ГПК РФ). Закрепил новое правило, согласно которому «Каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть доказательства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, в пределах срока, установленного судом» (часть 3 статьи 56 ГПК РФ). В ГПК РФ включена новая глава, обозначенная законодателем как Глава 14.1. «Примирительные процедуры. Мирное соглашение».

Указанные изменения определяют процесс состязательности, однако, их применение ограничено только судебной формой защиты, где организацию процесса состязательности законодатель возложил на суд. Внесенные же законодателем изменения указывают на обязанность выполнения определенных правил непосредственно сторонами. В этой связи определение целесообразности применения этих правил при рассмотрении и разрешении гражданских дел судом первой инстанции является предметом дискуссии.

Так, изменения, касающиеся обязанности истца по направлению другим лицам, участвующим в деле, копий искового заявления и приложенных к нему документов, которые у других лиц, участвующих в деле, отсутствуют, являются нецелесообразными. Эти действия истец обязан совершить при подаче искового заявления в суд. Фактически истец уже решил вопрос о применении им судебной формы защиты для рассмотрения и разрешения возникшего между сторонами матери-

ально-правового конфликта. Ранее эта обязанность была возложена на суд. В такой ситуации другим лицам, участвующим в деле, совершенно безразлично, кто им направит указанные документы: истец или суд. Иной смысл имело бы применение этого правила до применения истцом судебной формы защиты, то есть до его обращения в суд.

Такой же вывод можно сделать и в отношении правила, которое регулирует процесс раскрытия доказательств лицами, участвующими в деле, при рассмотрении дела судом. Существует проблема определения того, чем является процесс раскрытия доказательств лицами, участвующими в деле, в процессе судебного рассмотрения и разрешения гражданского дела их обязанностью или правом. В науке гражданского процессуального права существует мнение о том, что процесс раскрытия доказательств лицами, участвующими в деле, следует рассматривать как их обязанность [4, с. 388]. Существует и противоположная точка зрения, согласно которой раскрытие доказательств не может определяться в качестве обязанности для лиц, участвующих в деле. «Это право лиц, участвующих в деле, исходя из диспозитивного начала гражданского судопроизводства» [5, с. 48]. Иное значение будут иметь правила раскрытия доказательств лицами, участвующими в деле, при их законодательном закреплении в процессе возможного разрешения конфликта до обращения в суд. В этом случае каждая из сторон заинтересована в установлении обстоятельств, имеющих для нее значение, кроме того, законодатель может предусмотреть и определенную ответственность для лиц, участвующих в деле, в случае невыполнения этих правил.

Применение примирительных процедур в процессе рассмотрения и разрешения гражданских дел судом должно иметь место. Однако обязательные примирительные процедуры должны быть введены законодателем и до применения судебной формы защиты как обязательный элемент досудебного состязательного процесса.

Список литературы

1. *Осокина Г.Л.* Гражданский процесс. Общая часть. М.: Юрист, 2003. 669 с.
2. *Треушников М.К.* Судебные доказательства. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ОАО «Изд. Дом «Городец», 2005. 288 с.
3. *Плевако С.Ф.* Последние годы жизни С.Ф. Плевако (из воспоминаний). Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. мед. академии, 2013. 92 с.
4. *Фокина М.А.* Раскрытие доказательств в гражданском процессе в контексте современной реформы гражданского судопроизводства // Перспективы развития гражданского процессуального права: сб. ст. по материалам 3 Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2019. С. 388-393.

5. Золотухин А.Д., Волчихина Л.А. К вопросу о раскрытии доказательств в процессе доказывания в гражданском судопроизводстве // Актуальные вопросы частного права и гражданского судопроизводства: сб. материалов «ТАМОЖЕННЫЕ ЧТЕНИЯ – 2019. Наука и образование в условиях становления инновационной экономики» / под общ. ред. С.Н. Гамидуллаева. СПб.: Санкт-Петербургский филиал государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Российская таможенная академия», 2019. 176 с.

Статья поступила в редакцию 10.07.2021 г.

Одобрена после рецензирования 15.09.2021 г.

Принята к публикации 22.09.2021 г.

Информация об авторе

Волчихина Людмила Анатольевна, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса Института права и национальной безопасности, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, kafgptsp@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2552-5423>

Для цитирования

Волчихина Л.А. К вопросу о процессе состязательности в современном гражданском судопроизводстве // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 537-549. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-537-549>

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-537-549

ON THE ISSUE OF THE ADVERSARIAL PROCESS IN MODERN CIVIL PROCEEDINGS

L.A. Volchikhina

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

kafgptsp@yandex.ru

Abstract. The study attempts to expand the content of the definition of the adversarial process in civil proceedings. Conclusion: the adversarial process in civil proceedings includes three components, which include the pre-trial activities of the parties to resolve the material legal conflict that has arisen, the direct judicial consideration of the material legal conflict that has arisen, and the activities of the parties after the judicial resolution of the conflict. Examining the content of the adversarial process when considering and resolving the material legal conflict that has arisen by the court, it is concluded that, by managing the process, the court is the organizer of the adversarial process at all stages of the consideration of the case in the court of first instance. The role of the parties in the adversarial process is limited to their participation in the proving process. Examining the adversarial process of the parties to resolve a substantive conflict before going to court, it is proposed to the legislator to expand the list of categories of cases in which the use of the pre-trial procedure for resolving a dispute is mandatory. Investigating changes in the procedural form of civil proceedings concerning the obligation of the plaintiff to refer other persons involved in the case, copies of the statement of claim and the actions of the parties to disclose evidence, we consider it expedient to secure by the legislator the application of these rules in the adversarial process of the parties before they apply judicial forms of protection.

Keywords: civil proceedings, adversarial proceedings, process of proving, pre-trial activities of the parties to resolve the conflict, judicial activities to resolve the conflict, activities of the parties to resolve the conflict after the consideration of the case by the court, out-of-court forms of conflict resolution, mandatory pre-trial procedure for resolving the dispute

References

1. Osokina G.L. *Grazhdanskiy protsess. Obshchaya chast'* [Civil Procedure. General Part]. Moscow, Yurist Publ., 2003, 669 p. (In Russian).
2. Treushnikov M.K. *Sudebnyye dokazatel'stva* [Forensic Evidence]. Moscow, OJSC "Gorodets" Publishing House, 2005, 288 p. (In Russian).

3. Plevako S.F. *Posledniye gody zhizni S.F. Plevako (iz vospominaniy)* [The Last Years of S.F. Plevako (from Memories)]. Nizhniy Novgorod, Privolzhsky Research Medical University Publ., 2013, 92 p. (In Russian).
4. Fokina M.A. Raskrytiye dokazatel'stv v grazhdanskom protsesse v kontekste sovremennoy reformy grazhdanskogo sudoproizvodstva [Disclosure of evidence in civil proceedings in the context of the modern reform of civil proceedings]. *Sbornik statey po materialam 3 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Perspektivy razvitiya grazhdanskogo protsessual'nogo prava»* [Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference "Prospects for the Development of Civil Procedural Law"]. Saratov, 2019, pp. 388-393. (In Russian).
5. Zolotukhin A.D., Volchikhina L.A. K voprosu o raskrytii dokazatel'stv v protsesse dokazyvaniya v grazhdanskom sudoproizvodstve [On the issue of disclosure of evidence in the process of proof in civil proceedings]. *Sbornik materialov «TAMZhENNYE ChTENIYa – 2019. Nauka i obrazovaniye v usloviyakh stanovleniya innovatsionnoy ekonomiki» «Aktual'nyye voprosy chastnogo prava i grazhdanskogo sudoproizvodstva»* [Proceedings of the "CUSTOMS READINGS – 2019. Science and Education in the Development of an Innovative Economy "Topical Issues of Private Law and Civil Proceedings"]. St. Petersburg, Russian Customs Academy Publ., 2019, 176 p. (In Russian).

The article was submitted 10.07.2021

Approved after reviewing 15.09.2021

Accepted for publication 22.09.2021

Information about the author

Lyudmila A. Volchikhina, Associate Professor of Civil and Arbitration Procedure Department of Institute of Law and National Security, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, kafgpts@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2552-5423>

For citation

Volchikhina L.A. K voprosu o protsesse sostyazatel'nosti v sovremennom grazhdanskom sudoproizvodstve [On the issue of the adversarial process in modern civil proceedings]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 19, pp. 537-549. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-537-549> (In Russian, Abstr. in Engl.)

Работа доступна по лицензии
Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0
Всемирная

© Измалков А.В., Кузнецов А.А., Кузнецов П.А., Кузьменко Э.Ю., 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.951

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-550-563

Шифр научной специальности 12.00.14

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ ПО НАЛОГОВЫМ СПОРАМ

А.В. Измалков¹, А.А. Кузнецов², П.А. Кузнецов³, Э.Ю. Кузьменко⁴

¹Липецкий районный суд Липецкой области

398910, Российская Федерация, г. Липецк, Боевой проезд, 28А

alexandr.izmailkov@mail.ru

²ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет»

398055, Российская Федерация, г. Липецк, ул. Московская, 30

alex_9263@mail.ru

³ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет ИТМО»

197101, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Кронверкский пр-т, 49, лит. А

mickeloc@yandex.ru

⁴ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392036, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

ella.yurevna1010@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ правоприменительной практики судебных органов по налогам и сборам, поскольку Налоговый кодекс РФ является довольно спорным нормативным правовым актом. Налоговые споры возникают как по инициативе налоговых органов, так и по инициативе налогоплательщиков. Цель: определить основные направления правоприменительной практики судебных инстанций по налоговым спорам. В качестве методов исследования были использованы общенаучные и специально юридические методы. Основное внимание было уделено методу анализа. В ходе исследования проведен анализ рассмотрения судебными органами дел по налоговым спорам, их количественная и качественная характеристика. Сделан вывод о том, что возникновение разногласий между налогоплательщиками и государственным органом при разрешении вопроса правомерности их действий (бездействий), а также

законности ненормативного правового акта является основной причиной формирования правоприменительной практики по налоговым спорам. В ходе прохождения всех стадий применения права необходимо также установить наличие причинно-следственной связи между действиями налогоплательщика и наступившими последствиями. Основные моменты данного процесса проходят несколько этапов. Определены основные направления правоприменительной практики судебных инстанций по налоговым спорам.

Ключевые слова: Налоговый кодекс РФ, налоговые споры, правоприменительная практика по налоговым спорам

ВВЕДЕНИЕ

В нашей стране нет ни одного законодательного акта, который не вызывал бы такого количества споров, как Налоговый кодекс Российской Федерации. Уже с момента принятия и вступления в силу судебные инстанции были завалены большим количеством дел, связанных с налогами. В первую очередь, это были иски налоговых органов, связанные со взысканием налогов и сборов. Во вторую очередь, сами налогоплательщики активно начали оспаривать решения налоговых органов по результатам проведения мероприятий налогового контроля. Причина последних споров была в большей степени связана с противоречивостью отдельных положений Налогового кодекса РФ. Налоговые юристы и сотрудники юридической службы налоговых органов в судебных спорах отстаивали не только правоту своей позиции, но и старались добиться от суда формирования правоприменительной практики по наиболее спорным вопросам налогового законодательства.

Цель настоящего исследования – определить основные направления правоприменительной практики судебных инстанций по налоговым спорам.

Используемые методы исследования – общенаучные и специально юридические методы, метод анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Казалось, за двадцать лет Налоговый кодекс РФ стал более понятнее и доступнее в правовом понимании. Но это только с первого взгляда. Прошло шесть лет с момента ликвидации Высшего Арбитражного суда РФ. Налоговые споры стали рассматриваться Судебной коллегией по экономическим спорам, а с момента принятия Кодекса административного судопроизводства РФ – Судебной коллегией по администра-

тивным делам. Количество налоговых споров уменьшилось, возросло число решений, вынесенных в пользу налоговых органов. Но это связано с некоторой степенью пассивности со стороны налогоплательщиков, которые пытаются приспособиться к требованиям налоговой службы, решить все спорные вопросы на стадии рассмотрения разногласий. Это не уменьшило число объективных противоречий в налоговых отношениях [1, с. 32].

В этой связи возрастает роль правоприменительной практики по отдельным вопросам, возникающим в ходе рассмотрения налоговых споров.

Основной причиной формирования правоприменительной практики по налоговым спорам является возникновение разногласий между налогоплательщиками и государственным органом при разрешении вопроса правомерности их действий (бездействий), а также законности ненормативного правового акта. Можно сказать, что инициатором спора выступает налогоплательщик, но субъективный состав лиц, участвующих в налоговых спорах, намного шире. Вот некоторые из них:

- 1) налогоплательщики;
- 2) плательщики сборов;
- 3) налоговые агенты;
- 4) налоговые и таможенные органы;
- 5) уполномоченные органы и их должностные лица;
- 6) следственные органы, прокуратура.

Говоря о прокуратуре и ее месте в налоговых спорах, необходимо иметь в виду, что прокурор вправе обратиться в суд с иском о взыскании с физических лиц недоимки и финансовых санкций по налогам и сборам, который подается в интересах Российской Федерации¹.

Налоговые споры разрешают:

- руководитель налогового органа или его заместитель;
- вышестоящий налоговый орган;
- прокуратура;
- суд.

Их полномочия определяют соответствующие законодательные акты: Гражданский процессуальный кодекс РФ (ГПК РФ), Арбитражный процессуальный кодекс РФ (АПК РФ), Уголовный процессуальный кодекс РФ (УПК РФ), Кодекс административного судопроизводства

¹ Обзор законодательства и судебной практики Верховного суда РФ за второй квартал 2006 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1679933/> (дата обращения: 13.06.2021).

РФ (КАС РФ), Налоговый кодекс РФ (НК РФ), Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации».

Наша задача рассмотреть вопросы правоприменительной практики судов общей юрисдикции, а не изучить процессуальные особенности рассмотрения налоговых споров, хотя они будут учтены применительно к теме настоящей публикации.

Анализ ряда работ по правоприменительной практике показал, что она имеет два правовых значения [2; 3].

Во-первых, это обобщение и проведение на этой основе анализа правовых норм применительно к конкретной ситуации. Рассматривая конкретное дело, суды разрешают его на основании действующих законодательных актов, высшим из которых является Конституция РФ. В описательной части судебного решения суд указывает законодательные, нормативные правовые акты, которые были применены при рассмотрении конкретного дела². При этом происходит их системный анализ применительно к конкретной спорной правовой ситуации с целью установления истины по делу. Это можно назвать правоприменительным осмыслением.

Во-вторых, в основу правоприменительной практики заложено соотношение требований законности с принципом юридической справедливости.

Обобщая два этих значения, можно сделать вывод о том, что правоприменительная практика направлена на установление правового смысла, который законодатель заложил в норме права. При этом она (норма права) может приобрести новое содержание. Говоря иначе, суд фактически трактует законодательную норму.

В основу правоприменительной практики судебных органов положена конституционная обязанность платить законно установленные налоги и сборы³.

При этом судебные инстанции разъясняют, что данная конституционная обязанность выступает важным критерием существования государства. Не будем подробно останавливаться на роли налогов в формировании бюджетов разных уровней. Налогоплательщик обязан бесприкословно выполнить требование государства, поскольку иное пове-

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237.

дение, направленное на неисполнение этой обязанности, повлечет за собой нарушение прав и интересов других лиц и государства⁴.

Все вопросы налогообложения носят властный характер, регулируются нормами Налогового кодекса РФ и принятыми в соответствии с ним и не противоречащими этому законодательному акту федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации и иных нормативно-правовых актов⁵.

В данном случае суды, используя один из основных конституционных принципов, выстраивают сферу правового регулирования, определенную налоговым законодательством.

При определении Конституции РФ как основополагающего источника налогового права определяют следующие основополагающие моменты:

1) Основной Закон страны имеет налогово-правовую направленность, поскольку содержит нормы, определяющие обязанность платить установленные налоги и сборы;

2) выстраивается четкая иерархия законодательных актов по их юридической силе, при этом, основываясь на общей теории права, Конституция наделена высшей юридической силой;

3) ни одна норма законодательства о налогах и сборах не должна противоречить Конституции РФ, и это является основополагающим критерием при определении соответствия законности установленных налоговых платежей;

4) в основу обжалования действий (бездействия) налоговых органов положено нарушение конституционного принципа законности налоговых начислений, расчет налоговых платежей производится на основании не только данных, предоставленных налогоплательщиком, плательщиком сборов или налоговым агентом, а также теми данными, которые имеются в распоряжении налоговых органов, и он не должен противоречить конституционному принципу законности налогов и сборов, с учетом его публично-правового характера.

При рассмотрении налоговых споров суды должны проверить законность и обоснованность не только начисления налогов и сборов, но и законность налоговых льгот, которые использует налогоплательщик.

⁴ Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 01.12.2020 № 88а-27132/2020 по делу № 2а-1327/2020. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.01.2021).

⁵ Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 08.12.2020 № 88а-28176/2020 по делу № 2а-640/2020. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.01.2021).

Конституция РФ не содержит положения, которое регулирует вопросы использования налоговых льгот. Но ведь следует помнить о том, что никакие преимущества по налогообложению ни для одного налогоплательщика не установлены. Это вытекает из положения статей 19, 57 Конституции РФ. Все льготы налогоплательщика должны быть подтверждены документально, и именно он несет риск неблагоприятных последствий в случае незаконного применения таких льгот.

В этой связи представляет интерес правовая позиция Конституционного суда РФ, направленная на реализацию нормативной основы для выполнения налогоплательщиком конституционной обязанности по уплате налогов и сборов⁶. Суд указал, что нормы статьи 3 Налогового кодекса РФ определяют основные начала налогового законодательства. Должна быть создана и действовать такая нормативно-правовая база, которая обеспечит налогоплательщику возможность уплачивать конституционно установленные налоги и сборы. Основной закон не только определяет обязанности налогоплательщика, но и обеспечивает соблюдение принципа разумности налогообложения. Не допускается доначисление налогов и сборов в сумме большей, чем это определено законом. Конституционный суд РФ прямо указал о запрете «кабального» налогообложения, которое будет негативно сказываться на налогоплательщиках. Налоговые органы обязаны соблюдать паритетные начала по контролю за налоговыми платежами (выполнение налогоплательщиком его прямой обязанности) и созданием условий, которые не допустят злоупотреблений со стороны налогоплательщика, которые связаны с получением необоснованной налоговой выгоды.

Таким образом, Конституционный суд РФ еще раз напомнил о том, что никто не может злоупотреблять правом при исполнении конституционной обязанности как по уплате налогов и сборов, так и по контролю за их поступлением в бюджеты разных уровней. Злоупотребления правом не должны быть как со стороны налоговых органов, так и самих налогоплательщиков.

⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «ЗИС» на нарушение конституционных прав и свобод пунктами 1, 3, 4 и 7 статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного суда РФ от 19.12.2019 № 3531-О. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.01.2021).

Особого внимания заслуживает правовая позиция Верховного суда РФ по вопросу оспаривания ненормативных правовых актов налоговых органов⁷.

Суть спора заключается в следующем. Индивидуальный предприниматель обжаловал решение налогового органа о взыскании недоимки, о наложении ареста на расчетный счет в банке. Налогоплательщик просил обязать произвести возврат списанных со счета денежных средств. Казалось бы, обычное дело, но оно сформировало интересную правоприменительную практику, которая заслуживает отдельного внимания.

Проведя системный анализ положений налогового законодательства, суд указал, что в случае принятия налоговым органом незаконных решений, а также совершение незаконных действий (бездействия) при обращении взыскания на денежные средства на расчетных счетах, права налогоплательщика нарушаются самим фактом такого взыскания. Основываясь на статье 46 Конституции РФ, налогоплательщик обращается в суд за восстановлением своего нарушенного права.

Верховный суд РФ разъяснил, что положения Налогового кодекса РФ не предусматривают обязательную досудебную процедуру урегулирования споров по требованию о возврате сумм налогов. Так называемый административный (досудебный) порядок является обязательным, если налогоплательщик заявит требования о признании незаконным ненормативных актов налогового органа, а также их действий (бездействий).

Анализируя положения статьи 79 НК РФ, суд пришел к выводу о том, что необходимо разграничить права и обязанности по досудебному урегулированию спорной ситуации, связанной с возвратом излишне взысканного налога. Суд указал, что налоговое законодательство, а также иные нормативно-правовые акты не определяют досудебный порядок решения вопроса о возврате излишне взысканных сумм налога.

В данном случае суд расценил требования налогового органа о необходимости досудебного урегулирования данного вопроса как административный барьер при осуществлении конституционного права доступности правосудия. Судебная инстанция указала, что «наличие

⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 16.06.2020 № 307-ЭС19-23989 по делу № А56-60671/2019. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.01.2021).

такого барьера должно четко и однозначно следовать из законодательства и практики его применения»⁸.

Требование об отмене наложения ареста на расчетный счет следует расценивать как самостоятельное имущественное требование, которое заявлено без отдельного оспаривания ненормативных правовых актов налогового органа.

Таким образом, правоприменительная практика судебных органов направлена на системный анализ законодательных норм, которые регулируют налоговые правоотношения. Притом это могут быть не только нормы законодательства о налогах и сборах, но и гражданско-правовые понятия.

Е.Е. Смолицкая определила закономерность использования гражданско-правовых институтов, понятий и терминов в налоговом праве. При этом исследователем был проведен анализ правоприменительной практики судебных органов [4, с. 97-113].

Предложена очень интересная правовая концепция, которая заключается в том, что применение права как судами, так и налоговыми органами происходит в несколько одинаковых стадий, а именно:

- 1) устанавливаются фактические обстоятельства дела;
- 2) выбирается норма права и осуществляется правовая квалификация;
- 3) норма права проверяется и на основании этого происходит ее толкование;
- 4) разрешение дела по существу;
- 5) все обстоятельства подвергаются контролю со стороны вышестоящего налогового органа или суда.

Фактически, говоря о толковании нормы права, можно использовать такое понятие, как реализация нормы права. Толкование правовой нормы связано с ее осмыслением и доведением полученного результата до всех заинтересованных сторон.

В свою очередь, реализация нормы права представляет собой правомерное поведение, заключающееся в практическом выполнении предписаний этой нормы. Реализация непосредственно связана с осмыслением правовой нормы заинтересованными субъектами. То есть следует говорить о более расширенном правовом понятии, которое связано не только с определением смысла законодательного акта, но и его добросовестным исполнением, основанном также на неисполнении субъектами

⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 16.06.2020 № 307-ЭС19-23989 по делу № А56-60671/2019. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.01.2021).

права установленных запретов и ограничений. Фактически речь идет о добросовестном поведении субъектов налоговых правоотношений.

Правоприменительная практика по этому вопросу вызывает много споров. Правоприменительная практика судов использует понятие добросовестности налогоплательщика при рассмотрении конкретных споров, связанных с уплатой конкретных налогов.

Проанализируем сложившуюся правоприменительную практику.

М.В. Карасева указывает в качестве одного из основных принципов налогового права принцип защиты добросовестного участника налогового отношения и недопустимости злоупотребления правом [5, с. 321].

Данный вывод основан на правоприменительной практике Конституционного суда РФ, который указал, что в налоговых правоотношениях действует презумпция добросовестности налогоплательщика. Обратное должен доказать налоговый орган⁹. Следовательно, рассматривая налоговые дела суды исходят из принципа добросовестности налогоплательщика, должной меры поведения, то есть его действия соответствуют законодательному акту, который регулирует налоговые правоотношения.

Кроме того, процессуальное законодательство устанавливает добросовестность, как основной параметр пользования процессуальными правами (ст. 35 ГПК РФ, ст. 41 АПК РФ, ст. 45 КАС РФ). Действия и других участников процесса должны носить добросовестный характер, например, в соответствии со статьей 87.1 АПК РФ специалист дает консультацию добросовестно и беспристрастно, исходя из профессиональных знаний и внутреннего убеждения.

Говоря о добросовестности участников процесса, необходимо отметить, что эта мера поведения относится более всего к общеправовому пониманию, иначе говоря, должное поведение участника процессуально-правовых отношений. Процессуальная обязанность по доказыванию непосредственно связана с принципом добросовестности и определяется судом с учетом всех обстоятельств дела.

Основопологающим фактором правоприменительной практики по налоговым спорам с учетом соблюдения принципа добросовестности налогоплательщика будет установление причинно-следственной связи

⁹ По ходатайству Министерства Российской Федерации по налогам и сборам о разъяснении Постановления Конституционного суда Российской Федерации от 12 октября 1998 года по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации»: определение Конституционного суда РФ от 25.07.2001 № 138-О. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.01.2021).

между его действиями и наступившими последствиями, например, уклонение от уплаты налогов и сборов. А ведь с учетом соблюдения процессуального принципа добросовестности поведения участников процесса действия налогоплательщика могут быть признаны судом правомерными, то тест налоговая обязанность исполнена добросовестно.

Все это следует выяснить в ходе прохождения всех стадий применения права, о которых мы говорили выше. Остановимся на основных моментах этого процесса.

Первый этап, связанный с установлением фактических обстоятельств дела. С одной стороны, речь не идет об анализе юридических понятий и норм права, а с другой – анализируются факты, которые будут изучены судом, и им будет дана соответствующая правовая оценка. Это можно назвать правовым мыслительным процессом.

Второй этап связан с правовой квалификацией и подбором понятий. Это наиболее важный этап, говоря иначе, основа основ, который связан с выбором нормы права, подлежащей применению. Формулируется ответ на вопрос, почему в данном случае суд применяет одну норму права, а другую считает не подлежащей применению. Формируется юридическая конструкция для рассмотрения возникших правоотношений по вопросу исполнения обязанности по уплате налогов и сборов.

Третий этап включает в себя проверку нормы права и ее толкование (или реализация). В данной ситуации суды могут пойти двумя путями. Первый – происходит анализ уже существующего понятия или нормы права при условии, что эта норма уже определена в законодательстве о налогах и сборах и иных отраслях права, например, в гражданском законодательстве и подлежит применению в конкретной ситуации. Второй путь более сложный и связан с анализом правовых понятий, которые не относились к налоговому законодательству, но использовались в других правовых нормах. В данной ситуации следует вспомнить о добросовестности налогоплательщика, о чем было сказано ранее. Ведь понятие «добросовестность» и «недобросовестность» характерны в большей степени для гражданского законодательства. Третий путь правовой квалификации. Нормы, характерные для одной отрасли права, используются в процессе анализа и применения норм налогового права. Например, статья 10 Гражданского кодекса РФ устанавливает понятие «злоупотребление правом», которое не определено в налоговом законодательстве, но активно используется судами при толковании норм Налогового кодекса РФ, связанных с исчислением и уплатой конкретных налогов.

Четвертый этап – разрешение дела по существу, представляет собой комплексный и системный анализ всех норм законодательства о налогах и сборах, которые использовались на предыдущих этапах, с учетом судебной практики, которая сформировалась при рассмотрении аналогичных дел. Речь идет о соблюдении принципа единообразия судебной практики, который фактически закрепляет прецедентное право¹⁰. Правоприменительная практика по этому вопросу была сформирована Верховным судом РФ, правовая позиция которого является обязательной и должна учитываться всеми судебными инстанциями.

ВЫВОД

Таким образом, правоприменительная практика судебных инстанций представляет собой анализ и толкование норм законодательных актов о налогах и сборах применительно к конкретной ситуации, которая возникла при исполнении налогоплательщиком своих обязанностей по уплате налогов и сборов, а также при определении правомерности действий налоговых органов по итогам мероприятий налогового контроля.

Особое место в правоприменительной практике занимают и налоговые органы, которые в пределах своих полномочий издадут разъяснения и указания, не относящиеся нормативными актами, но содержат в себе разъяснение и нормативное толкование, которое является обязательными для налоговых органов.

Подводя итог, можно определить следующие основные направления правоприменительной практики судебных инстанций по налоговым спорам:

- определить понятие, подлежащее правовому толкованию;
- установить, имеется ли в законодательстве о налогах и сборах определение правового понятия;
- провести анализ норм законодательства о налогах и сборах с целью установления системной взаимосвязи исследуемого понятия с другими нормами;

¹⁰ О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции: постановление Пленума Верховного суда РФ от 30.06.2020 № 12. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.01.2021); О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции: постановление Пленума Верховного суда РФ от 30.06.2020 № 13. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.01.2021).

– использовать анализ понятий и терминов других отраслей права применительно к налоговому законодательству и анализируемым правоотношениям по правомерности или неправомерности исчисления и уплаты налогов в бюджеты.

Список литературы

1. *Карасева М.В.* Бюджетное и налоговое право России (политический аспект). М.: Юрист, 2013. 176 с.
2. Судебная практика в современной правовой системе России / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М.: Норма, 2017. 432 с.
3. *Тихонравов Е.Ю.* Понятие расширительного и ограничительного толкования права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 1 (24). С. 78-90.
4. *Смолицкая Е.Е.* Гражданско-правовые институты, понятия и термины в налоговом праве. М.: Проспект, 2018. 176 с.
5. Финансовое право / отв. ред. М.В. Карасева. М.: Изд-во Юрайт, 2018. 388 с.

Статья поступила в редакцию 04.08.2021 г.

Одобрена после рецензирования 15.09.2021 г.

Принята к публикации 22.09.2021 г.

Информация об авторах

Измалков Александр Владимирович, кандидат юридических наук, судья, Липецкий районный суд Липецкой области, г. Липецк, Российская Федерация, alexandr.izmailkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4786-0414>

Кузнецов Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Липецкий государственный технический университет, г. Липецк, Российская Федерация, alex_9263@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4740-0277>

Кузнецов Павел Александрович, инженер факультета инфокоммуникационных технологий, Национальный исследовательский университет ИТМО, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, Российская Федерация, mickeloc@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3801-1317>

Кузьменко Элла Юрьевна, доктор юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ella.yurevna1010@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7886-7948>

Для цитирования

Измалков А.В., Кузнецов А.А., Кузнецов П.А., Кузьменко Э.Ю. Правоприменительная практика судебных органов по налоговым спорам // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 550-563. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-550-563>

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-550-563

LAW ENFORCEMENT PRACTICE F JUDICIAL AUTHORITIES ON TAX DISPUTES

A.V. Izmalkov¹, A.A. Kuznetsov², P.A. Kuznetsov³, E.Y. Kuzmenko⁴

¹Lipetsk District Court of Lipetsk Region

28A Boevoy Drive, Lipetsk 398910, Russian Federation

alexandr.izmalkov@mail.ru

²Lipetsk State Technical University

30 Moskovskaya St., Lipetsk 398055, Russian Federation

alex_9263@mail.ru

³ITMO University

Bldg. A, 49 Kronverksky Ave., St. Petersburg 197101, Russian Federation

mickeloc@yandex.ru

⁴Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ella.yurevna1010@mail.ru

Abstract. We analyze the law enforcement practice of judicial authorities on taxes and fees, since the Tax Code of the Russian Federation is a rather controversial regulatory legal act. Tax disputes arise both at the initiative of tax authorities and at the initiative of taxpayers. Purpose: to determine the main directions of law enforcement practice of courts in tax disputes. We use general scientific and specially legal methods as research methods. The focus is on the method of analysis. In the course of the research, we analyze the consideration of cases by judicial authorities on tax disputes, their quantitative and qualitative characteristics. We conclude that the emergence of disagreements between taxpayers and the state body when resolving the issue of the legality of their actions (inaction), as well as the legality of a non-normative legal act is the main reason for the formation of law enforcement practice in tax disputes. During the passage of all stages of the application of the law, it is also necessary to establish the existence of a cause-and-effect relationship between the actions of the taxpayer and the resulting consequences. The main points of this process go through several stages. We define the main directions of the law enforcement practice of courts in tax disputes.

Keywords: Tax Code of the Russian Federation, tax disputes, law enforcement practice in tax disputes

References

1. Karaseva M.V. *Byudzhethnoye i nalogovoye pravo Rossii (politicheskiy aspekt)* [Budget and Tax Law of Russia (Political Aspect)]. Moscow, Jurist Publ., 2013, 176 p. (In Russian).

2. Khabriyeva T.Y., Lazarev V.V. (eds.). *Sudebnaya praktika v sovremennoy pravovoy sisteme Rossii* [Judicial Practice in the Modern Legal System of Russia]. Moscow, Norma Publ., 2017, 432 p. (In Russian).
3. Tikhonravov E.Y. Ponyatiye rasshiritel'nogo i ogranichitel'nogo tolkovaniya prava [Extensive and restrictive legal interpretation]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*, 2016, № 1 (24), pp. 78-90. (In Russian).
4. Smolitskaya E.E. *Grazhdansko-pravovyye instituty, ponyatiya i terminy v nalogovom prave* [Civil Law Institutions, Concepts and Terms in Tax Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2018, 176 p. (In Russian).
5. Karaseva M.V. (executive ed.). *Finansovoye pravo* [Financial Law]. Moscow, Urait Publ., 2018, 388 p. (In Russian).

The article was submitted 04.08.2021

Approved after reviewing 15.09.2021

Accepted for publication 22.09.2021

Information about the author

Alexandr V. Izmalkov, Candidate of Law, Judge, Lipetsk District Court of Lipetsk Region, Lipetsk, Russian Federation, alexandr.izmalkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4786-0414>

Alexander A. Kuznetsov, Candidate of Law, Associate Professor of Civil Law and Procedure Department, Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russian Federation, alex_9263@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4740-0277>

Pavel A. Kuznetsov, Engineer of Information and Communication Technologies Faculty, ITMO University, St. Petersburg, Russian Federation, mickeloc@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3801-1317>

Ella Y. Kuzmenko, Doctor of Law, Associate Professor of Criminal Law and Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ella.yurevna1010@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7886-7948>

For citation

Izmalko A.V., Kuznetsov A.A., Kuznetsov P.A., Kuzmenko E.Y. Pravoprimeritel'naya praktika sudebnykh organov po nalogovym sporam [Law enforcement practice of judicial authorities on tax disputes]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 19, pp. 550-563. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-550-563> (In Russian, Abstr. in Engl.)

Работа доступна по лицензии
Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0
Всемирная

© Мещерякова А.Ф., 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.91.95

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-564-579

Шифр научной специальности 12.00.15

ВСТРЕЧНЫЙ ИСК И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЕГО ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

А.Ф. Мещерякова

Пензенский государственный университет

440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40

fuga9@yandex.ru

Аннотация. Проведено исследование вопросов, возникающих в связи с предъявлением встречного иска ответчиком в арбитражном процессе. Раскрыто содержание понятия встречного иска, определена его связь с правом на судебную защиту и выделены признаки, характерные для данного института. Рассмотрены условия предъявления встречных исковых требований. Выявлены некоторые проблемы, возникающие в судебной практике, при использовании встречного иска как средства защиты ответчика. Показано, что правовая неопределенность приводит к отсутствию у судов единого мнения относительно соблюдения всех критериев, необходимых при подаче встречного иска, что приводит к усложнению процесса и некачественному рассмотрению дела. Ненадлежащий уровень правовой регламентации рассматриваемого института также порождает проблемы, связанные с возвращением встречного иска и с обжалованием соответствующего определения суда. Изучена судебная практика, посвященная решению названных вопросов. Делается вывод, что право на предъявление встречного иска фактически полностью зависит от усмотрения и воли суда, что часто приводит к его нарушению. Разработаны практические рекомендации, направленные на преодоление правовых пробелов в данной сфере, оптимизацию и совершенствование действующего законодательства в части подачи встречного требования.

Ключевые слова: встречный иск, иск, арбитражное судопроизводство, право предъявления встречного иска, ответчик, судебная защита, процессуальное законодательство

Встречный иск в арбитражном судопроизводстве – один из основных способов, позволяющих ответчику защитить свои права и законные интересы от первоначального требования. Предъявление встречного иска тесно связано с правом каждого на судебную защиту. Так, статья 46 Конституции РФ гарантирует каждому защиту его прав и свобод в судебном порядке.

Развивая конституционные положения, процессуальное законодательство, в частности статья 9 АПК РФ, указывает на осуществление судопроизводства в арбитражном суде на основе принципа состязательности, который предполагает активное участие обеих сторон в рамках разрешения какого-либо спора. Более того, необходимо принять во внимание принцип равноправия сторон в арбитражном судопроизводстве, а также принцип диспозитивности, в рамках которого ответчик вправе на свое усмотрение выбирать предусмотренные на уровне законодательства меры защиты против предъявленного требования, одна из которых – встречный иск. Если истец вправе защитить свои права и законные интересы, которые, по его мнению, нарушены, путем подачи иска в суд, то ответчик в то же время вправе защитить свои права и законные интересы путем подачи встречного иска, право на предъявление которого нашло свое отражение в статье 132 АПК РФ.

Отметим, что институт встречного иска российскому праву был известен еще с древних времен, начиная с момента принятия Псковской и Новгородской судебных грамот. Однако в дальнейшем правовое регулирование института встречного иска было достаточно скудным. Во времена правления императора Петра I подача встречного иска рассматривалась со стороны суда в большей степени как злоупотребление процессуальными правами, так как стороны и так очень часто тормозили процесс, уклонялись от участия в нем. В дальнейшем императором был издан указ, запрещающий судам принятие встречного иска. Затем практически до начала XIX века ни в нормативных актах, ни в научной литературе нельзя было встретить упоминание о данном правовом институте.

На уровне действующего арбитражного процессуального законодательства понятие «встречный иск» не нашло своего закрепления. Статья 132 АПК РФ в пункте 3 лишь предусмотрела необходимые условия, которые должны быть соблюдены для принятия встречного иска

арбитражным судом. Причем в настоящее время среди ученых-процессуалистов, а также судей ведется дискуссия относительно того, должны ли быть соблюдены все требования для принятия встречного иска или же достаточно одного или нескольких из них. Таким образом, при рассмотрении вопроса о понятии и природе встречного иска необходимо обращаться к доктрине арбитражного процесса.

Исследованием сущности встречного иска занимались многие ученые-процессуалисты. Так, например, М.К. Треушников трактует встречный иск в качестве материально-правового требования ответчика к истцу, которое должно быть рассмотрено совместно с первоначальным иском [1, с. 173].

Н.И. Клейн рассматривала встречный иск в арбитражном судопроизводстве как иск, направленный на защиту прав и законных интересов ответчика от первоначального требования, предъявляемый в уже возникшем процессе по основному иску и рассматриваемый с ним совместно [2, с. 27].

Е.В. Васьковский считал, что встречный иск – это требование ответчика, способное к зачету с первоначальным иском [3, с. 495].

Н.Л. Хвалыгина в своем исследовании отмечает, что при определении понятия встречного иска в арбитражном судопроизводстве необходимо учитывать процессуальные особенности данного института [4, с. 304]. Так, автор указывает, что встречный иск – процессуальный институт, основная цель которого – защита прав ответчика от первоначального иска; материально-правовое требование, вытекающее из спорного правоотношения и находящееся в тесной взаимосвязи с первоначальным исковым требованием.

Хотелось бы отметить, что встречный иск не свидетельствует о тождественности с первоначальным иском, поскольку тождественность возможна только тогда, когда совпадают абсолютно все элементы иска. В данном случае целесообразно говорить о том, что для встречного иска характерна общность юридических фактов, составляющих основу правоотношений между сторонами.

Рассматривая правовую природу встречного иска, А.С. Коновалова и Е.Г. Куемжиева обращают внимание на двоякую правовую природу данного института [5, с. 1533]. Это объясняется тем, что встречный иск необходимо рассматривать не только со стороны защиты прав, но и со стороны наличия у ответчика самостоятельных требований относительно предмета спора. Ученые указывают, что если у ответчика действительно есть основания полагать, что права на предмет спора при-

надлежат именно ему, а не первоначальному истцу, то в таком случае, безусловно, следует говорить о применении встречного иска. Если же ответчик просто хочет защититься от первоначального иска путем опровержения требований истца, по мнению автора, в таком случае стоит применять возражение против предъявленного иска.

Также, характеризуя правовую природу встречного иска, нельзя не отметить руководящую роль суда, поскольку именно суд проводит анализ встречного иска и делает вывод о возможности его принятия или же о необходимости возврата. Предъявление встречного иска – это право ответчика, а не его обязанность, тем самым действия ответчика по предъявлению встречного иска не только могут способствовать правильному и справедливому разрешению возникшего спора, но и могут принять форму злоупотребления процессуальными правами.

Последовательный анализ представленных точек зрения ученых по вопросу определения понятия «встречный иск» в арбитражном процессе позволяет выделить признаки, характерные для рассматриваемого института.

Так, встречный иск подается в суд по месту рассмотрения первоначального требования, независимо от подсудности требований, составляющих основу встречного иска. Можно предположить, что данный признак имеет место быть ввиду наличия определенной взаимосвязи между первоначальным и встречным требованием, а также необходимости реализации принципа процессуальной экономии.

Временной промежуток для предъявления встречного иска также ограничен, ведь в силу части 1 статьи 132 АПК РФ предъявление встречного иска возможно только до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу. Интересной по данному вопросу является позиция С.Е. Детковой [6, с. 243]. Ученый отмечает, что не во всех случаях возможно принятие судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу. Тем самым не совсем понятно, как быть, например, при вынесении судом определения о прекращении производства по делу, поскольку при буквальном толковании вышеуказанной правовой нормы можно сделать вывод, что после вынесения подобного акта ответчик сохраняет за собой право на предъявление встречного иска. По мнению исследователя, данное обстоятельство является пробелом законодательства, следовательно, статья 132 АПК РФ требует внесения в нее соответствующих изменений. Пожалуй, с мнением С.Е. Детковой трудно не согласиться.

Для института встречного иска также характерно то, что исковые требования могут быть заявлены только в уже начавшемся по инициативе первоначального истца процессе. Также встречный иск служит именно для защиты прав ответчика от первоначального иска.

Признаком встречного иска выступает необходимость его оформления в соответствии с нормами арбитражного процессуального законодательства. Встречный иск не может быть составлен в произвольной форме, ведь при его подаче ответчику необходимо руководствоваться общими правилами предъявления иска.

Относительно целесообразности предъявления встречного иска в юридической литературе изложены противоположные точки зрения. Так, например, П.А. Муллаярова рассматривает встречный иск с позиции необходимого средства защиты от первоначального искового требования [7, с. 157]. Ученый указывает, что подача встречного иска способствует разрешению имеющихся противоречий в более короткие сроки, устраняет возможность вынесения противоречивого судебного решения и упрощает процедуру исполнительного производства.

Противоположной точки зрения придерживается Т.А. Желдыбина. По ее мнению, предъявление встречного иска в рамках арбитражного процесса не отвечает требованиям целесообразности, поскольку замедляет ход процесса [8, с. 133]. Ученый придерживается позиции, согласно которой встречный иск чаще всего выступает формой злоупотребления процессуальными правами, за исключением случаев, когда поведение истца и его действия являются явно недобросовестными.

В своем исследовании К.О. Яцечко в качестве обязательной предпосылки реализации права на предъявление встречного иска указывает наличие юридической заинтересованности ответчика [9, с. 223]. Пожалуй, с указанным мнением трудно не согласиться. Под юридической заинтересованностью в арбитражном судопроизводстве следует понимать ожидание заинтересованным лицом определенного выгодного для себя результата, реализуемого посредством вынесения, вступления в законную силу и исполнения судебного постановления.

Развивая данную мысль, следует отметить, что ответчик обладает как материально-правовой, так и процессуальной юридической заинтересованностью, которая в силу наличия материально-правового спора имеет противоположный характер заинтересованности истца. Процессуальная заинтересованность ответчика выражается в признании судом действий, совершаемых им, правомерными, а также в подтверждении того, что он не нарушал права и законные интересы истца. Ответчик

заинтересован в вынесении решения суда в его пользу, это обусловлено «противостоянием» сторон в арбитражном процессе.

Как отмечает О.Ю. Фомина, заинтересованность ответчика носит «пассивный» характер, так как его задача – противостоять истцу [10, с. 204]. Однако не стоит забывать, что арбитражное процессуальное законодательство предоставляет ответчику право подачи встречного иска. В случае если ответчик воспользуется указанным правом, то его заинтересованность приобретет «активный» характер.

Проблема принятия к производству судом встречного иска, безусловно, является актуальной. Как указано в пункте 3 статьи 132 АПК РФ, встречный иск принимается арбитражным судом в случае, если:

1) встречное требование направлено к зачету первоначального требования;

2) удовлетворение встречного иска исключает полностью или в части удовлетворение первоначального иска;

3) между встречным и первоначальными исками имеется взаимная связь, и их совместное рассмотрение приведет к более быстрому и правильному рассмотрению дела.

Анализ указанной правовой нормы не дает ответа на вопрос, необходимо ли наличие всех условий, указанных в пункте 3 статьи 132 АПК РФ, для принятия встречного иска к производству, или же достаточно одного из них. Как уже было отмечено ранее, и в юридической науке, и на практике данный вопрос порождает многочисленные дискуссии.

Изучение имеющейся правоприменительной практики показало, что суды по-разному трактуют положения пункта 3 статьи 132 АПК РФ. Так, например, в постановлении Первого арбитражного апелляционного суда от 22 апреля 2015 г. по делу № А43-18290/2014¹ суд указал, что доводы заявителя апелляционной жалобы о необоснованном возвращении встречного искового заявления являются необоснованными, поскольку для принятия встречного иска к производству необходимо наличие одновременно всех критериев, указанных в пункте 3 статьи 132 АПК РФ. Аналогичная позиция нашла свое отражение в

¹ Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 22.04.2015 по делу № А43-18290/2014. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/0af02289-57b2-4bc0-a596-b855f4b9c816> (дата обращения: 03.06.2021).

Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 17 сентября 2019 г. № Ф05-16486/2019 по делу № А40-80259/2019².

Иную позицию занял ФАС Западно-Сибирского округа от 11 апреля 2013 г. по делу № А27-14412/2012³. Так, по мнению суда, наличие одного из критериев, предусмотренных пунктом 3 статьи 152 АПК РФ, служит основанием возникновения обязанности суда принять встречный иск к производству. Как указывает суд, критерии, необходимые для принятия встречного иска к производству, носят самостоятельный, независимый друг от друга характер, и при наличии хотя бы одного из них встречный иск должен быть принят к производству.

Исходя из вышеизложенного следует, что реализация права на предъявление встречного иска во многом зависит от судейского усмотрения, поскольку ни в законе, ни на уровне правоприменительной практики ответа на вопрос относительно того, все ли критерии, установленные законом, должны быть соблюдены при подаче встречного иска, не содержится. Тем самым, на наш взгляд, можно говорить о ненадлежащем уровне правовой регламентации права ответчика на предъявление встречного иска, что является следствием нарушения прав и законных интересов ответчика. Отметим, что судьи и так не заинтересованы в принятии встречного иска к производству ввиду того, что данное правовое явление требует совершения дополнительных процессуальных действий, а также затягивает процесс, что является существенным, ведь соблюдение процессуальных сроков в ходе рассмотрения дела – важное требование, которое в любом случае должно быть соблюдено судом. Отсутствие понимания относительно необходимости соблюдения всех критериев, необходимых при подаче встречного иска, приводит к тому, что суды, чаще всего, в целях нежелания усложнять производство по делу дополнительными обстоятельствами будут занимать позицию, согласно которой для принятия встречного искового заявления необходима совокупность критериев, прописанных в пункте 3 статьи 132 АПК РФ. Тем самым считаем необходимым внести изменения в статью 132 АПК РФ, обозначив при этом, является или же не является необходимым условием для принятия встречного

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.09.2019 № Ф05-16486/2019 по делу № А40-80259/2019. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=331620&dst=100033#0709403534412886> (дата обращения: 01.06.2021).

³ Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 11.04.2013 по делу № А27-14412/2012. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a4994ea3-a5f1-4cdd-a334-144938cacb1d> (дата обращения: 03.06.2021).

иска соблюдение всех критериев, прописанных в пункте 3 статьи 132 АПК РФ.

Остановимся подробнее на рассмотрении каждого из условий принятия встречного иска к производству.

Во-первых, встречное требование должно быть направлено к зачету первоначального искового требования. Правоприменительная практика, трактуя указанное положение, отмечает, что встречный иск ответчика не должен опровергать первоначальное требование. Однако, при этом, после проведения судом зачета, должен полностью или частично его погашать⁴. Тем самым при предъявлении встречного иска, направленного к зачету, ответчик, при обосновании своей позиции в ходе судебного разбирательства, должен не оспаривать требования истца по первоначальному иску, а заявлять о целесообразности зачесть встречное требование, предъявленное им. Примером подачи встречного требования, направленного к зачету первоначального, служит материально-правовой спор, по существу рассмотрения которого было принято решение Арбитражного суда Магаданской области от 28 августа 2020 г. по делу № А37-118/2020⁵. Так, первоначальный истец обратился к ответчику с требованием о взыскании задолженности и пени по договору поставки ввиду того, что товар был поставлен, а оплата за указанный товар ответчиком произведена не была. В то же время ответчик подал встречный иск о взыскании с первоначального истца суммы неустойки, обусловленной тем, что в рамках упомянутого договора поставки товар был поставлен с нарушением срока, прописанного в договоре. Тем самым суд принял к производству встречное требование ответчика и в резолютивной части судебного решения произвел между сторонами зачет встречных требований на определенную денежную сумму.

Во-вторых, принятие встречного иска возможно в том случае, если удовлетворение данного требования исключает удовлетворение первоначального иска полностью или в части. Чаще всего встречный иск при наличии данного критерия опровергает притязания первоначального истца. В арбитражно-процессуальной практике распространены ситуации, когда, например, заявлено определенное требование, связанное с

⁴ Решение Арбитражного суда Приморского края от 20.11.2020 по делу № А51-24066/2019. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/W8LKUsY2suYT/> (дата обращения: 01.06.2021).

⁵ Решение Арбитражного суда Магаданской области от 28.08.2020 по делу № А37-118/2020. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/CLXiG7zzze5N/> (дата обращения: 01.06.2021).

тем или иным договором, при этом ответчик возражает против предъявленного требования, предъявляя встречный иск о признании указанного договора недействительным. Примером подачи встречного иска в рамках рассматриваемого критерия является спор, ставший предметом рассмотрения Арбитражного суда Республики Бурятия⁶. Так, истец обратился к ответчику с требованием об уплате суммы долга и пени по договору о передаче строительной техники в аренду. Ответчик при этом обратился с встречным исковым требованием о признании договора аренды строительной техники недействительным, указывая, что, по его мнению, заключенный договор является ничтожной сделкой и не влечет за собой правовых последствий. Суд принял к производству встречное исковое требование, однако, в его удовлетворении было полностью отказано по ряду оснований. Судом было указано, что во встречном иске первоначальный ответчик не обосновал, какой охраняемый законом интерес в признании этой сделки недействительной он имеет, каким образом заключенный договор нарушает его права и законные интересы.

В-третьих, арбитражный суд принимает встречный иск к своему производству, если он взаимосвязан с первоначальным иском, и их совместное рассмотрение приведет к более быстрому и правильному рассмотрению дела. Наличие или отсутствие взаимосвязи встречного требования с первоначальным устанавливается по усмотрению суда исходя из конкретных обстоятельств дела. Обратимся к решению Арбитражного суда Краснодарского края от 25 ноября 2014 г. по делу № А32-28864/2014⁷. Истец обратился к ответчику с исковым заявлением о взыскании задолженности, неустойки и процентов за пользование чужими денежными средствами по договору аренды рекламных конструкций. В свою очередь, ответчик предъявил встречный иск, в котором просил уменьшить сумму взыскания ввиду неправомерного расторжения договора аренды по вине арендодателя. При подаче встречного требования ответчик утверждал, что оно взаимосвязано с первоначальным исковым требованием. Изучив обстоятельства дела, судья возвратил встречное исковое заявление, указав при этом, что совместное рас-

⁶ Решение Арбитражного суда Республики Бурятия от 03.07.2019 по делу № А10-7533/2018. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/xvZADZJxNRZj/> (дата обращения: 02.06.2021).

⁷ Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 25.11.2014 по делу № А32-28864/2014. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ixdEPA6c0Kw/> (дата обращения: 01.06.2021).

смотрение исков, наоборот, приведет к усложнению и затягиванию процесса в рамках первоначальных требований.

В рамках реализации права на предъявление встречного иска ответчику необходимо помнить, что нельзя пренебрегать требованиями, предъявляемыми к форме и содержанию искового заявления статьей 125 АПК РФ, а также перечнем документов, прикладываемых к исковому заявлению на основании статьи 126 АПК РФ. Тем самым механизм реализации права на предъявление встречного иска идентичен подаче первоначального иска. При этом ответчик вправе обратиться с встречным требованием до принятия арбитражным судом первой инстанции судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу.

Актуальный характер имеет проблема возвращения встречного иска, а также возможности обжалования соответствующего определения суда. По мнению высших судебных органов, обжалование определения суда о возвращении встречного искового заявления возможно по аналогии с обжалованием определения о возвращении первоначального иска⁸. Причем у суда есть возможность либо отложить производство по первоначальному иску, либо приостановить производство по делу до рассмотрения жалобы на определение о возвращении встречного иска и принятия решения по указанной жалобе.

Анализ статьи 132 АПК РФ не дает однозначного ответа на вопрос, в какой срок судья должен рассмотреть встречное исковое заявление и принять решение либо о принятии его к производству, либо о его возвращении. Конечно, мы можем провести аналогию со статьей 127 АПК РФ, где закреплена обязанность судьи вынести решение о принятии к производству искового заявления в течение пяти дней со дня его поступления в арбитражный суд. Однако отсутствие конкретного указания на порядок действий судьи в рамках поступившего встречного иска в законе приводит к необоснованному нарушению прав ответчика, связанных с предъявлением встречного иска.

На практике нередко возникают ситуации, когда суд игнорирует требования ответчика о предъявлении встречного иска вплоть до принятия акта, которым дело разрешается по существу, а затем выносит определение о возвращении встречного искового заявления ввиду его подачи после вынесения судебного решения по делу. В качестве примера можно привести постановление Тринадцатого арбитражного

⁸ О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.08.2004 № 82 (ред. от 01.07.2014) // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2004. № 10.

апелляционного суда от 25 октября 2011 г. по делу № А42-9284/2010⁹. Ответчик обжаловал определение суда о возвращении встречного требования со ссылкой на то обстоятельство, что на момент рассмотрения вопроса о принятии встречного искового заявления в рамках рассматриваемого спора уже был принят судебный акт, разрешающий дело по существу. Ответчик указал, что встречный иск был предъявлен за несколько дней до принятия итогового решения по делу. В рамках судебных заседаний, которые проводились уже после того, как ответчик предъявил встречный иск, устные заявления ответчика, касающиеся встречного требования, судом были проигнорированы. Ответчик также в рамках судебного заседания подавал письменное заявление о разрешении вопроса о принятии встречного иска, однако, в принятии данного заявления судом было отказано. Высшей судебной инстанцией было установлено, что на момент принятия итогового решения по делу суд обладал информацией относительно предъявленного ответчиком встречного иска, тем самым было установлено нарушение прав и законных интересов ответчика. Ответчик необоснованно был лишен процессуального права, принадлежащего ему в соответствии с арбитражно-процессуальным законодательством.

Проблемным аспектом в рамках реализации ответчиком права на предъявление встречного иска также является ситуация, когда решение по делу было принято, и апелляционная инстанция пришла к выводу о том, что определение о возвращении встречного искового заявления противоречит обстоятельствам дела и влечет за собой нарушение прав ответчика. Не совсем понятно, что же делать в этом случае, ведь решение уже было принято, а апелляционная инстанция не вправе рассматривать встречный иск. А.П. Кузнецов, рассматривая указанную проблему, поясняет, что анализ правоприменительной практики и законодательных норм позволяет сделать вывод о том, что суд апелляционной инстанции юридически не вправе при выявлении необоснованного возвращения встречного искового заявления отменить принятый судебный акт и перейти к рассмотрению дела по правилам первой инстанции [11, с. 64].

Основания для отмены решения суда первой инстанции четко обозначены в статье 270 АПК РФ и не подлежат расширительному толкованию. Однако на практике чаще всего суды не находят иного способа

⁹ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.10.2011 по делу № А42-9284/2010. URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/455326365> (дата обращения: 04.06.2021).

восстановления нарушенного права ответчика в случае необоснованного отказа в принятии к производству встречного искового заявления, как отмена судебного решения и определения о возвращении встречного иска и переход к рассмотрению дела по правилам первой инстанции.

Право на предъявление встречного иска фактически полностью зависит от усмотрения и воли суда, что, к сожалению, часто приводит к его нарушению. Тем самым, безусловно, механизм реализации права ответчика на предъявление встречного иска требует своего совершенствования.

Резюмируя вышеизложенное, подчеркнем, что право на предъявление встречного иска – это законодательно предусмотренная возможность защитить и отстоять права ответчика в рамках первоначального иска. Несмотря на четкое законодательное закрепление данного процессуального права, на практике возникают ситуации, когда оно нарушается, причем, к сожалению, указанное нарушение довольно сложно доказать. Определенные проблемы в рамках реализации права на предъявление встречного иска влечет за собой законодательная неопределенность относительно того, когда же встречный иск может быть принят к производству: при наличии одновременно всех критериев, указанных в пункте 3 статьи 132 АПК РФ, или же при наличии одного или двух из них. Также неким обстоятельством, препятствующим реализации права на предъявление встречного иска, выступает то, что судьи зачастую не желают обременять дело дополнительными обстоятельствами и сложностями, тем самым стремятся отказать ответчику в принятии к производству его встречного требования. Безусловно, институт предъявления встречного иска требует доработки и более глубокого анализа как на теоретическом, так и на практическом уровнях.

Список литературы

1. Гражданский процесс / под ред. М.К. Треушникова. М.: Статут, 2014. 504 с.
2. Клейн Н.И. Встречный иск в суде и арбитраже. М.: Статут, 2017. 368 с.
3. Васильковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. 691 с.
4. Хвальгина Н.Л. Встречный иск в арбитражном и гражданском процессах // Вестник Костромского государственного университета. 2018. № 3. С. 304-306.
5. Коновалова А.С., Куемжиева Е.Г. Встречный иск как средство защиты прав ответчика // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сб. ст. по материалам 74 науч.-практ. конф. студентов по итогам НИР за 2018 год. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. аграр. ун-та им. И.Т. Трубилина, 2019. С. 1533-1535.
6. Деткова С.Е. Встречный иск в арбитражном процессе // Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты: сб. ст. 2 Международ. науч.-практ. конф. Пенза: Наука и Просвещение, 2020. С. 243-245.

7. *Муллаярова П.А.* Встречный иск и его особенности в арбитражном процессе // Современное состояние системы принудительного исполнения в Российской Федерации и пути ее совершенствования: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2020. С. 157-160.
8. *Желдыбина Т.А.* Учение о встречном иске в российской юридической мысли на рубеже XIX – начала XX века // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 2 (24). С. 130-139.
9. *Яцечко К.О.* Возможности предъявления встречного иска в аспекте процессуальной заинтересованности ответчика // Лучшая научная статья 2018: сб. ст. 15 Междунар. науч.-исслед. конкурса. Пенза: Наука и Просвещение, 2018. С. 222-225.
10. *Фомина О.Ю.* Преобразование процессуального положения лиц, участвующих в деле, при взаимодействии норм материального и процессуального права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3. С. 204-207.
11. *Кузнецов А.П.* Проблемы реализации права ответчика на подачу встречного иска в арбитражном процессе // Гражданин и право. 2018. № 7. С. 63-67.

Статья поступила в редакцию 09.08.2021 г.

Одобрена после рецензирования 15.09.2021 г.

Принята к публикации 22.09.2021 г.

Информация об авторе

Мещерякова Анна Федоровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правосудия Юридического института, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация, fuga9@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7829-8906>

Для цитирования

Мещерякова А.Ф. Встречный иск и процессуальные аспекты его предъявления в арбитражном процессе // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 564-579. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-564-579>

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19-564-579

COUNTERCLAIM AND PROCEDURAL ASPECTS OF ITS FILING IN THE ARBITRATION PROCESS

A.F. Meshcheryakova

Penza State University

40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation

fuga9@yandex.ru

Abstract. We study the issues arising in connection with the presentation of a counterclaim by the defendant in the arbitration process. The content of the concept of a counterclaim is disclosed, its connection with the right to judicial protection is determined, and the features characteristic of this institution are highlighted. The conditions for filing counterclaims are considered. We identify some problems that arise in judicial practice when using a counterclaim as a means of protecting the defendant. It is shown that legal uncertainty leads to the lack of a common opinion among the courts regarding compliance with all the criteria necessary for filing a counterclaim, which leads to a complicated process and poor-quality consideration of the case. The inadequate level of legal regulation of the institution in question also creates problems related to the return of a counterclaim and with the appeal of the relevant court ruling. We study the judicial practice devoted to the solution of the mentioned issues. It is concluded that the right to file a counterclaim actually depends entirely on the discretion and will of the court, which often leads to its violation. Practical recommendations have been developed aimed at overcoming legal gaps in this area, optimizing and improving the current legislation in terms of filing a counterclaim.

Keywords: counterclaim, claim, arbitration proceedings, right to file a counterclaim, defendant, judicial protection, procedural legislation

References

1. Treushnikova M.K. (ed.). *Grazhdanskiy protsess* [Civil Procedure]. Moscow, Statut Publ., 2014, 504 p. (In Russian).
2. Kleyn N.I. *Vstrechnyy isk v sude i arbitrazhe* [Counterclaim in Court and Arbitration]. Moscow, Statut Publ., 2017, 368 p. (In Russian).
3. Vaskovskiy E.V. *Kurs grazhdanskogo protsessa: Sub'yekty i ob'yekty protsessa, protsessual'nyye otnosheniya i deystviya* [Civil Procedure Course: Subjects and Objects of the Process, Procedural Relations and Actions]. Moscow, Statut Publ., 2016, 691 p. (In Russian).
4. Khvalygina N.L. *Vstrechnyy isk v arbitrazhnom i grazhdanskom protsessakh* [Counterclaim in arbitration and civil proceedings]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2018, no. 3, pp. 304-306. (In Russian).

5. Konovalova A.S., Kuyemzhiyeva E.G. Vstrechnyy isk kak sredstvo zashchity prav otvetchika [Counterclaim as a means of protecting the rights of the defendant]. *Sbornik statey po materialam 74 nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov po itogam NIR za 2018 god «Nauchnoye obespecheniye agropromyshlennogo kompleksa»* [Proceedings of the 74 Scientific and Practical Conference of Students Following the Results of Research Work in 2018 “Scientific Support of the Agro-Industrial Complex”]. Krasnodar, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin Publ., 2019, pp. 1533-1535. (In Russian).
6. Detkova S.E. Vstrechnyy isk v arbitrazhnom protsesse [Counterclaim in the arbitration process]. *Sbornik statey 2 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Yurisprudentsiya, gosudarstvo i pravo: aktual'nyye voprosy i sovremennyye aspekty»* [Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference “Jurisprudence, State and Law: Topical Issues and Modern Aspects”]. Penza, Nauka i Prosveshcheniye Publ., 2020, pp. 243-245. (In Russian).
7. Mullayarova P.A. Vstrechnyy isk i ego osobennosti v arbitrazhnom protsesse [Counterclaim and its features in the arbitration process]. *Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Sovremennoye sostoyaniye sistemy prinuditel'nogo ispolneniya v Rossiyskoy Federatsii i puti ego sovershenstvovaniya»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Current State of the Compulsory Enforcement System in the Russian Federation and Ways to Improve It”]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2020, pp. 157-160. (In Russian).
8. Zheldybyina T.A. Ucheniye o vstrechnom iske v rossiyskoy yuridicheskoy mysli na rubezhe XIX – nachala XX veka [The doctrine of a counterclaim in Russian legal thought at the turn of the 19th – early 20th century]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal* [Leningrad Legal Journal], 2018, no. 2 (24), pp. 130-139. (In Russian).
9. Yatsechko K.O. Vozmozhnosti pred'yavleniya vstrechnogo iska v aspekte protsessual'noy zainteresovannosti otvetchika [Opportunities for filing a counterclaim in the aspect of the defendant's procedural interest]. *Sbornik statey 15 Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa «Luchshaya nauchnaya stat'ya 2018»* [Proceedings of the 15th International Research Competition “Best Scientific Article 2018”]. Penza, Nauka i Prosveshcheniye Publ., 2018, pp. 222-225. (In Russian).
10. Fomina O.Y. Preobrazovaniye protsessual'nogo polozheniya lits, uchastvuyushchikh v dele, pri vzaimodeystvii norm material'nogo i protsessual'nogo prava [Transformation of the procedural position of the persons participating in the case in the interaction of the norms of substantive and procedural law]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2015, no. 3, pp. 204-207. (In Russian).
11. Kuznetsov A.P. Problemy realizatsii prava otvetchika na podachu vstrechnogo iska v arbitrazhnom protsesse [Problems of the implementation of the defendant's right to file a counterclaim in the arbitration process]. *Grazhdanin i pravo* [Citizen and Law], 2018, no. 7, pp. 63-67. (In Russian).

The article was submitted 09.08.2021
Approved after reviewing 15.09.2021
Accepted for publication 22.09.2021

Information about the author

Anna F. Meshcheryakova, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of Justice Department of Law Institute, Penza State University, Penza, Russian Federation, fuga9@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7829-8906>

For citation

Meshcheryakova A.F. Vstrechnyy isk i protsessual'nyye aspekty ego pred'yavleniya v arbitrazhnom protsesse [Counterclaim and procedural aspects of its filing in the arbitration process]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 19, pp. 564-579. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-564-579> (In Russian, Abstr. in Engl.)

Работа доступна по лицензии
Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0
Всемирная

Для цитирования:

Актуальные проблемы государства и права. – 2021. – Т. 5. – № 19. – 216 с. – ISSN 2587-9340. – DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-19

Научно-практический юридический журнал

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
AKTUELLE FRAGEN DES STAATES UND RECHTS
国家和法律的现实问题

Том 5

№ 19

2021

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-69827 от 18 мая 2017 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Издатель:

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
Телефон редакции (4752) 72-34-34 (доб. 3117), e-mail: lexnauka.tgu@yandex.ru

Главный редактор: В.Ю. Стромов

Прием статей:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 209
Институт права и национальной безопасности
Тел.: (4752) 72-34-34 (доб. 3117). **Электронная почта:** lexnauka.tgu@yandex.ru
Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law.html>
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng.html>

Редакторы: Ю.А. Бирюкова, И.В. Ильина, М.А. Сенина

Редактор английских текстов В.В. Клочихин

Компьютерное макетирование Т.Ю. Молчановой

Дизайн обложки Т.О. Прокофьевой. Администратор сайта М.И. Филатова

Подписано в печать 23.09.2021. Дата выхода в свет 24.09.2021

Формат В5 (70×108 1/16). Гарнитура «Times New Roman». Печать на ризографе.

Печ. л. 13,5. Усл. печ. л. 18,9. Тираж 1000 экз. Заказ 21239. Свободная цена.

Распространяется бесплатно и по подписке.

Индекс 80661 в каталоге ООО «УП Урал-Пресс»

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати

Издательского дома «Державинский»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г. Эл. почта: izdat_tsu09@mail.ru

